

Ниль Блэк

Vendida

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ниль Блэк

Vendida

«Автор»

2026

Блэк Н.

Vendida / Н. Блэк — «Автор», 2026

Общество, в котором красота — второй по дороговизне «товар» на рынке. Родители предпочитают тратиться не на образование ребёнка, а на пластических хирургов, чтобы в будущем, если удастся привлечь внимание кого-то из картеля, обеспечить себе безбедную и безопасную жизнь. Семье Фелисии повезло больше: тратиться на её внешность не пришлось, ведь она красивой родилась. О том, что красота не обещает счастья, её никто не предупредил.

© Блэк Н., 2026

© Автор, 2026

Ниль Блэк

Vendida

Vendida

Общество, в котором красота — второй по дороговизне «товар» на рынке. Родители предпочитают тратиться не на образование ребёнка, а на пластических хирургов, чтобы в будущем, если удастся привлечь внимание кого-то из картеля, обеспечить себе безбедную и безопасную жизнь. Семье Фелисии повезло больше: тратиться на её внешность не пришлось, ведь она красивой родилась. О том, что красота не обещает счастья, её никто не предупредил.

Глава 1. Amarillo

Мы воспринимаем реальность такой, какой нам её представляют.

Картахена всегда казалась ей сказочным местом, поэтому она не понимала сверстников, которые были одержимы синдромом «у соседа трава зеленее» и считали, что в другом месте им будет лучше. Для неё Картахена была раем на земле, и смысла искать новый она не видела. Здесь солнце обжигало кожу, а море мягко ласкало берега, скрывая под своими волнами всю грязь, которую она не замечала. Она жила этой жизнью с самого детства — красивой, яркой, полной любви и заботы, и казалось, что мир вокруг наполнен достатком. Будто бы высшие силы расстилали перед ней мягкие ковры, вели по дорожкам, усеянным душистыми цветами. Она любила эту жизнь, и жизнь в ответ дарила любовь ей.

Тогда она не подозревала, что иллюзия создаётся за один день, но, чтобы поверить в неё, нужно время. Она строилась постепенно, кирпичик за кирпичиком возводила стену между ней и реальной жизнью, и девушка не замечала её, ведь та была построена из самых дорогих вещей — комфорта, любви, внимания. Всё, чего она желала, подавалось на блюдечке, и со временем она перестала смущаться и приняла, что её красота и есть ключ, открывающий замки в людские сердца. Она жила в мире, где люди, соответствующие общепринятым стандартам красоты, часто получали определённые преимущества — будь то в личных отношениях, на работе или в социальных взаимодействиях. Поэтому родители вкладывались не в образование своих детей, а в пластическую хирургию, ведь только так, по их мнению, они могли бы привлечь внимание кого-то из местных «богов» и обеспечить своей семье безбедную и, главное, безопасную жизнь. Когда она впервые узнала, что к пластическим хирургам девушки и парни в городе ходят с её фотографией, она не поверила. Когда стала встречать на улицах города молодых людей, всё больше копирующих её внешние данные, она смирилась. Она приняла свою внешность как оружие, подтвердила слова, которые слышала на протяжении всей жизни, что красота — это валюта. У неё было всё: любовь, признание, достаток. И даже то, что из-за внешних данных её усилия обезценивались, уже не смущало. Она наслаждалась дарами, порой из-за одной улыбки брошенными к её ногам, и жила, веря в свободу, но оказалось, что она всего лишь следует по лабиринту, искусно замаскированному под рай.

И вот теперь, стоя на грани, она чётко понимает, что истина, которую она не могла увидеть сквозь этот блеск, одна: эта жизнь — не её.

Amarillo

— Прежде чем мы перейдём к оставшимся вопросам, позвольте ещё раз отметить, что для нас огромная честь, что вы приняли предложение нашей газеты и согласились на интервью, — положив ещё один диктофон на низкий столик перед собой, говорит главный редактор газеты El Tiempo Анджела Гутьеррес и ничуть не лукавит. Интервью с тем, кто известен своей закрытостью и чей доход может обнулить весь внешний долг страны — достижение, которым может похвастаться не каждый журналист. Анджела вместе со своей редакцией добивалась

этого интервью последние восемь месяцев, и сейчас, учитывая, что уже тридцать минут она сидит в кабинете главы холдинга Falcon Group Гильермо Наварро, ей всё ещё не верится в реальность происходящего. Falcon Group — это один из самых влиятельных и богатых холдингов в Колумбии. В его составе — передовые строительные компании, инновационные энергетические проекты и эксклюзивные разработки в сфере добычи изумрудов, делающие его ключевым игроком на мировом рынке драгоценных камней. Располагающая мультимиллионными активами Falcon Group — это бизнес-империя, ставшая результатом безграничных амбиций своего владельца.

Анджела работает в СМИ двадцать пять лет, делала интервью с выдающимися личностями как своей страны, так и зарубежных, но это впервые, когда опытный журналист так сильно нервничает и даже теряется. Всё дело в самой личности Наварро, который, помимо масштаба своих достижений, подгибает колени выдавших виды представителей общества своей невиданной харизмой. За всё интервью он улыбнулся два раза: первый — секретарше — милой девушке лет двадцати пяти, когда она принесла им кофе, а вторая улыбка уже была адресована Анджеле, когда она спросила его про личную жизнь. Эта улыбка была скорее предупреждающей, и, хотя Анджеле приятно удивило, что пресс-секретарь Наварро не запросил вопросы заранее, она поняла, что эту тему лучше не трогать.

— Это я должен вас благодарить, — говорит расслабленно сидящий перед женщиной Гильермо Наварро. — Я уважаю прессу, не просто на словах, ведь вы и есть та сила, которая влияет на общественное мнение и является важным инструментом в демократическом обществе, помогая информировать граждан. Я с удовольствием отвечу на оставшиеся вопросы.

— В чём же основная причина того, что вы решили отойти от бизнеса и переключиться на политику? Расскажите про ваши цели, если вас изберут в конгресс, и почему вы решили вступить в борьбу за кресло сенатора именно сейчас? — перевернув страницу блокнота на коленях, спрашивает журналистка.

— Всему своё время, и моё время как политика пришло именно сейчас, — размеренно отвечает Наварро. — Вы должны понимать, что в моём случае дело не в самом кресле и каких-то дополнительных возможностях, которое оно может мне дать, благо, у меня есть всё, что может пожелать человек. Наша страна нуждается в молодых амбициозных политиках, а сейчас, когда мы стоим на пороге войны с картелями — это необходимо как никогда. Я больше не могу оставаться в стороне и наблюдать за тем, как эта чума разрушает когда-то великую страну, поэтому все мои силы и возможности будут направлены на благополучие моей родины.

— Вы и так делаете очень многое, будучи предпринимателем: вы построили больницы и спортивные комплексы, обеспечиваете жильём бедные слои населения, ваш фонд спонсирует образование детям из неблагополучных семей, и всё равно считаете, что делаете недостаточно? — внимательно смотрит на него Анджела.

— Я убеждён, что умение делиться — одно из основополагающих качеств любого уважающего себя человека. Я ему привержен, — коротко говорит мужчина.

— Идти в орган, который занимается принятием законов на фоне очередной войны картелей — достаточно рискованный шаг, — осторожно начинает Анджела, цепляясь взглядом за лежащую на столике книгу, и бегло читает выведенное на обложке «Fyodor Dostoevsky "Crime and Punishment"». Судя по тому, насколько потрепана книга, её собеседник часто её листает. — Не бойтесь, что нарвётесь на гнев наркобаронов? К сожалению, мы все являемся свидетелями того, как тех, кто выступает открыто против них, наказывают. Это большой риск, — продолжает свой вопрос журналистка.

— Огромный риск, согласен, — кивает Наварро, — но, если мы все будем стоять в стороне и ничего не делать, они будут только разрастаться.

— Офф зе рекордс, это правда, что вы чуть не стали жертвой покушения со стороны картеля «Доминион»?

— Можно и он же рекордс, — кривит губы мужчина, поражая женщину тем, насколько он хладнокровен перед картелем, которого в этой стране боятся абсолютно все. — Лино и его приспешники мне угрожали, но меня угрозами не напугать, я не сойду с пути.

— Даже после того, как на ярмарке месяц назад был убит кандидат в президенты Герардо? — осторожно спрашивает Анджела. — А вчера, прямо перед своим домом, был застрелен капитан антинаркотической полиции.

— Тем более, — твёрдо говорит Наварро. — Недаром я сейчас инвестирую в строительство новой тюрьмы, которая станет одной из самых неприступных в мире. Она будет снабжена передовыми системами охраны, технологиями слежения, и, поверьте, из неё никто никогда не сможет сбежать. Вместе с правительством мы готовим последний дом для преступников, разрушающих эту страну.

— Вы не можете не вызывать уважения, — с трудом скрывает своё восхищение женщина.

— Я всего лишь слуга моего народа, а такие люди, как Венсан Лино, Хуарес, Эль Кавалеро должны сидеть за решёткой, — говорит Наварро. — Мы этого добьёмся, ведь даже самое могущественное чудовище не устоит перед объединённой силой прессы и народа.

— Как вы прокомментируете статью в Эспектадор о том, что вы, а в частности Falcon Group, причастны к спонсированию картелей? — Анджела долго думала, стоит ли задавать вопрос, основанный на ничем не подтверждённых слухах, боясь реакции своего собеседника, чью благосклонность терять не хочется.

Кажется, Наварро, как он и сказал, готов ответить на все вопросы, поэтому Анджела, как истинный журналист, свой ход всё же делает.

— Как я могу комментировать клевету? — это третий раз за сегодня, когда он улыбается, и эта улыбка, в отличие от предыдущей, не пускает табун мурашек по позвоночнику женщины. — Этим занимаются мои юристы. Я был неприятно удивлён вчера утром, но думаю, эта статья — месть мне за то, что я выбрал вашу газету, а не их.

— И последний традиционный вопрос, который мы задаём всем нашим гостям: господин Наварро, согласны ли вы с утверждением, что большое богатство — это награда за упорный труд и должное усердие?

— Цитируете Библию, — скрещивает пальцы под подбородком мужчина. — Как богобоязненный человек, я, конечно же, согласен, я сам пример этому утверждению.

Спустя пару минут обмена взаимными любезностями журналистка покидает кабинет, а Наварро возвращается к столу и, подняв к лицу написанную ею же его биографию, пробегаётся по ней взглядом. Журналистка хорошо постаралась, в её тексте почти нет правды, и вся биография — это именно то, что Гильермо разрешает видеть другим. Возможно, для тех, кто прочитает его интервью, оно будет казаться всего лишь набором букв, восхваляющих достижения Наварро — для него же это половина жизни, положенная на то, чтобы получить результат, который его всё равно не удовлетворяет.

«Гильермо Наварро — выдающийся колумбийский предприниматель, которому удалось превратить свои амбиции и таланты в империю. Родился в Картахене, Колумбия, в семье простого строителя. После окончания школы Гильермо получил стипендию для обучения в одном из престижных университетов США, где изучал экономику и управление бизнесом. Вернувшись на родину, Гильермо начал свою карьеру с работы в местной строительной компании, но его амбиции простирались намного дальше. Используя полученные знания и связи, он привлёк иностранных инвесторов и начал развивать инновационные проекты в сфере энергетики и инфраструктуры.

Ключевым моментом в карьере Гильермо стал проект по добыче изумрудов, который он инициировал, видя огромный потенциал этой отрасли в Колумбии. Вскоре Гильермо основал Falcon Group, объединяющий направления строительства, энергетики и добычи изумрудов, превратив его в мультимиллионный холдинг».

Эти строки описывают суперчеловека и не могут передать то, сколько за ними потерь и боли. Наварро привык быть в глазах общества безупречной машиной, достигающей цели, и со временем перестал даже мысленно возвращаться в отнюдь не безупречное прошлое, как вода, искусно сточившая каменное сердце. Он опускается в кресло и, откинувшись назад, впервые за долгое время позволяет воспоминаниям проснуться.

Несмотря на то, что со временем человек забывает декорации и даже лица — чувства, испытываемые в момент потрясений, всё так же на месте и распознаются до последних мелочей. Наварро видит себя совсем мальчишкой, который бегаёт босоногим по пропитанной дождём земле и отказывается заходить в дом. Мама продолжает кричать на него, требует, чтобы он немедленно вернулся в дом, и, не получив реакции, засучив рукава, идёт к нему.

Теперь он сидит на её руках и, пока она, выговаривая ругательства, заносит его в их обветшалый домик, гипнотизирует взглядом почерневшую цепочку на её шее, на кулоне которой выгравировано «София». Даже будучи ещё совсем ребёнком, Гильермо не обижался на мать из-за её грубости. Он уже тогда понимал, что она берёт своё начало из злости, именно последнее и было превалирующим чувством в их доме. Злость на нищету, на алкоголь, на насилие, а главное, на мечты, которым было суждено ими и остаться. Злость прекрасно оправдывала чужой холод и грубость, и Гильермо цеплялся за неё ещё несколько лет, пока сам не впустил её в своё сердце и не осознал, что он тоже имеет право злиться. На нелюбовь, на отсутствие заботы, на нежелание проявлять к нему сочувствие. Дети приходят в этот мир подобно чистому листу, на котором умелые руки могут нарисовать самый красивый, тянущийся к свету цветок. Гильермо, который ещё с детства искал убежище в самых злых местах, тянулся только к тьме, и его лист был сплошь и поперёк забрызган чёрными кляксами, теперь уже разъедающими его душу как кислота.

На этом воспоминания о детстве обрываются, и Наварро, попросив себе ещё кофе, возвращается в настоящее.

— Нина, я не сдамся, с меня хватит! — плюхается в кресло перед зеркалом невысокая девушка лет двадцати и, стащив с волос резинку, позволяет копне цвета жидкого золота рассыпаться по своим плечам. — Я устала быть блондинкой с длинными волосами! Пора перемен.

— Ликси, солнце, не пугай меня, — прикрывает рот ладонью шокированная услышанным женщина, которая вот уже пять лет работает парикмахершей в салоне на улице Кале-де-Манса в Картахене, но с таким кошунством ещё не сталкивалась. Хотя нет, сталкивалась, но всё от одной и той же девчонки.

— Это же твой родной цвет, дорогая, пожалуйста, не начинай опять, — суетится вокруг неё Нина. — Я порой за день четвертым такое осветление делаю, но даже всё моё мастерство не помогает мне достичь оттенка, которым тебя наградила сама природа!

— Прекрати меня отговаривать, ты как моя мать, честное слово, — возмущается девушка, полное имя которой — Фелисия. — То, что природа решила создать меня такой, не значит, что я не могу менять имидж. Я хочу что-то новое в преддверии своего дня рождения, и, может, мне, наконец, повезёт в любви! Перемены надо начинать с внешности. И вообще, мне надоело, что половина Картахены сейчас — длинноволосые блондины!

— Я не понимаю, зачем менять то, что и так прекрасно! — не собирается сдаваться Нина, которая искренне не понимает, как у неё рука поднимется состричь или перекрасить эту красоту. — Ты такой родилась, а они тебя копируют. Это не ты должна меняться, а они должны найти свою индивидуальность!

— Стриги, и покрасим в тёмный. Прости за грубость, но я клиентка, и я этого хочу, — хмурится Фелисия, которой надоело, что любимый мастер не хочет её слушать.

— Я сломаю все ножницы, я закрою свой салон, я и другим запрещу трогать твою красоту! — машет руками слишком эмоциональная Нина. — Твои волосы и цвет прекрасно

обрамляют твоё кукольное личико, подчёркивают твои веснушки. Одумайся, солнце, не иди на поводу у тех, кто тебя обзывает!

— С чего ты взяла, что меня обзывают? — бурчит Фелисия.

— Раньше ты ведь поэтому хотела их состричь, — подтащив кресло, садится рядом с ней женщина. — Это всё от зависти, Ликси, парни и девушки этого города платят десятки тысяч песо на пластику, лишь бы обрести такую красоту, как у тебя, а ты родилась такой и хочешь её испортить.

— Я хочу стиль поменять, хочу перемен, Нина, я устала быть такой, как ты говоришь, красивой, но при этом несчастной, — тихо говорит девушка. — Зачем мне эта красота, если меня никто не любит? Если все, кто мне нравится, в итоге выбирают других? Правда ли я так красива тогда?

— Это всё твои книги виноваты! Начитаешься романов про не существующую в реальности любовь и мечтаешь не о тех, — укоризненно качает головой Нина. — Я всегда говорила — от книг добра не жди. Они стандарты завышают, и жить в реальном мире становится невозможно.

— Причём тут книги? — обижается Фелисия. — Просто это я какая-то ущербная, раз от меня все бегут.

— Ты тоже виновата, — щёлкает её по носу Нина. — Ты же вечно каких-то неудачников выбираешь, но подожди, твоя любовь придёт и обязательно падёт перед твоей красотой, — поднявшись с места, достаёт накидку для стрижки женщина. — Давай я тебе кончики чуток подстригу и уложу.

— Ладно, — закатывает глаза Лис, понимая, что на самом деле она сама этих перемен не хочет, ведь она свою внешность любит и пришла сюда только потому, что пережила очередной болезненный разрыв. — Ты будешь виновата в том, что я умру в одиночестве.

Спустя почти два часа девушка, напевая под нос песню, покидает салон. Нет чувства приятнее, чем когда только выходишь из салона красоты, в котором помыли и уложили волосы. Учитывая, что почти всю жизнь она проходила с доходящими до лопаток волосами, Фелисия и сама наловчилась их укладывать, но обожает, когда это делает мастер — они даже на ощупь словно другие.

Передумав сразу идти домой, она решает немного почитать и сворачивает к кофейне на соседней улице. Фелисия делает заказ, но даже не тянется за телефоном, чтобы оплатить, потому что знает, что бариста всё равно её угостит. Она забирает ванильный латте со льдом и, поблагодарив бариста улыбкой, от которой тот млеет, выходит наружу и вызывает такси до библиотеки. Фелисия, у которой есть своя комната и все условия, предпочитает проводить свободное время именно в городской библиотеке Картахены. Ещё в шестнадцать, когда она только начала жадно поглощать страницы самых разных книг, отец привёз её в библиотеку и сказал, что это было его любимым местом для отдыха от мирской суеты. Фелисия идею торчать в библиотеке восприняла без особого энтузиазма, но уже чуть позже, благодаря своей близкой подруге, которая таскала её в библиотеку, чтобы общаться со студентом, тут подрабатывающим, это место полюбила.

Такси останавливается перед потрескавшимися лестницами, и девушка осторожно, чтобы не разлить кофе, выходит наружу. Городская библиотека Картахены — это второй дом для Фелисии, спрятанный от людского внимания среди старинных улиц с мощёной брусчаткой и окружённый высокими деревьями. Она толкает тяжёлые двери и, поздоровавшись с охранником, который всегда встречает её с улыбкой, проходит внутрь. В зале царит тихая, спокойная атмосфера и пахнет пылью и древесиной. Для Фелисии это место — не просто хранилище книг, это её личное убежище от хаоса внешнего мира.

Каждый раз, когда она заходит в библиотеку, её сердце наполняется умиротворением. И ошибается мама, говорящая, что книги можно читать и на Киндл, ничто не заменит для Фелисии шелеста страниц и ощущения тяжести сокровища, расположившегося у неё в руках.

Любовь к чтению Фелисия открыла в себе не сразу. Вернувшись домой после очередного дня, в котором главным разочарованием была она сама, она прихватила по дороге в спальню лежащую на стойке книгу, оставленную отцом. И так первой её книгой, не входящей в обязательную школьную программу, стал роман Достоевского «Преступление и наказание».

С каждой новой книгой Фелисия словно открывала для себя другой мир, где можно было стать кем угодно, пережить любой опыт, не совершая ошибок. Она с головой погружалась в чтение, забывая о реальности, в которой её преследовали тени прошлого. Листая страницы, она позволяла себе мечтать и путешествовала по новым мирам. За последние несколько лет Фелисия прочитала практически всю зарубежную классику, но чаще всего возвращается именно к тому писателю, который и открыл в ней любовь к чтению.

Нина ошибается, дело не в книгах, тем более Фелисия, в основном, читает не любовные романы, чтобы мечтать о каком-то сверхчеловеке. Дело, видимо, всё же в характере девушки. Чаще всего её пассии встречаются с ней, чтобы вызвать зависть у своих дружков, а потом, наигравшись, бросают, как ненужную куклу. Последний бойфренд Фелисии вообще без смущения заявил, что она навязчивая и её слишком много, и оставил расстроенную девушку снова копаться в себе.

Фелисия и так пыталась меняться после каждого болезненного разрыва, прислушивалась к словам тех, кто не выбирал её, а теперь, значит, надо ещё научиться контролировать свои порывы. У Фелисии же это всё идёт от души. Когда она влюблена, она любит проводить больше времени с любимым, обожает постоянную переписку и готова ходить на свидания хоть каждый день. А тут оказывается, такое не всем нравится, а значит, Фелисии нужно уметь останавливать себя, чтобы не слышать потом обидное «навязчивая». О том, что партнёр её просто не любит, потому и не жаждет проводить с ней столько времени, она не задумывается.

«...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей», — Фелисия останавливается на цитате, несколько раз её перечитывает и только потом переворачивает страницу. Все вокруг твердят, что она неблагодарная и, вместо того, чтобы наслаждаться дарами, которые приносит её красота, только жалуется, но Фелисия убеждена, что её просто никто не понимает. Какая разница, насколько хорошо выглядит человек, если все плачут в одиночестве, уткнувшись в свою подушку?

Солнце бьёт в глаза, и забывшей в автомобиле солнцезащитные очки оперативнице антинаркотической полиции Картахены Бриджит Хименес приходится жмуриться. Особо активная в это время года живность лезет в рот, уши разрывает плач женщин, а Бриджит продолжает упорно смотреть на что угодно, лишь бы не на накрытый флагом гроб, который никак не могут опустить в землю из-за супруги погибшего, не отпускающей его. словно сам факт того, что человек погиб, уже не значит, что его больше нет. Люди продолжают верить, что, пока тело не скрыто под слоем земли, он, их любимый, всё ещё рядом, и сейчас, смотря на убитую горем женщину, Джи одновременно испытывает боль за неё и злость на себя, что не предусмотрела и не уберегла. Джи не в первый раз хоронит коллегу, но в первый раз хоронит своего капитана, который был убит вчера в двадцати метрах от собственного дома. Коллеги девушки, как и вся страна, знают, кто и почему заказал убийство капитана, но доказательств, как и всегда, нет. Наконец-то охрипшую от плача женщину отводят в сторону, церемония похорон завершается оружейным салютом, и Джи идёт к своей машине, прислонившись к которой, курит её друг и напарник — Руи Санчес.

— Как же, блять, тяжело, — сплёвывает на траву Руи, и добавить нечего. Как бы ни казалось, что Бриджит привыкла ко всему, и к убийствам тоже, учитывая страну, в которой живёт, и сферу, в которой работает не первый год, тяжело всё так же, как и в первый раз.

Санчес одноклассник Бриджит, ему тоже двадцать пять лет, и хотя они познакомились и сдружились ещё в академии, работать вместе начали только два года назад. Санчес, в отличие от Джи, чрезмерно активный парень, который обожает быть в центре внимания, а свободное время проводить в шумных компаниях. Санчес, по его же словам, попал в полицию случайно. Как он любит рассказывать спустя пару бутылок пива в любимом после работы пабе всех полицейских Луна, он просто не знал, чем ему заниматься после школы, и, так как особо никем быть не хотел, после очередного боевика решил подать документы в академию. Несмотря на это, Санчес прекрасно выполняет свою работу, славится любовью к риску и всегда готов прикрыть спину коллегам. У Бриджит, в отличие от него, другой путь.

Она родилась и выросла в Картахене в семье полицейского и с детства впитывала стремление к борьбе с преступностью. Её отец — сержант полиции — трагически погиб во время третьей войны наркокартелей, когда Бриджит было всего двенадцать лет. Потеря отца стала для неё мощным стимулом — она поклялась посвятить свою жизнь борьбе с преступными организациями, которые отняли у неё семью. Мечтая продолжить дело отца, Джи с юных лет старалась выделяться как в учёбе, так и в физической подготовке. Она никогда не играла с куклами, не любила наряжаться и танцевать, но всегда готова была погоняться за соседским котом и залезть на дерево. Легко находила общий язык с пацанами на улице, а если что не заладилось, с самого детства умела постоять за себя и дать отпор. Маленькая Бриджит не хныкала, содрал коленку, если упала, а упрямо поднималась и бежала дальше, стряхнув песок. Так что она успешно поступила в полицейскую академию, где быстро зарекомендовала себя как одну из лучших курсантов. Её настойчивость, аналитический ум и навыки в тактических операциях позволили ей занять позицию оперативного агента в антинаркотическом подразделении.

Сейчас Хименес — одна из самых перспективных оперативников своего отдела. Она лично участвует в рейдах против наркокартелей, проявляя невероятную решимость и готовность рисковать ради успеха операции.

Попрощавшись с членами семьи капитана, напарники отправляются в паб, где, по традиции, вся команда пропустит по бутылке пива за упокой души погибшего. Несмотря на дневное время, в шумном пабе, кроме полицейских, никого нет.

Бриджит и Руи проходят к деревянному столику в углу и, устроившись за ним, ждут, когда им принесут заказ. Первые пару минут обычно не умолкающие друг с другом друзья молчат, и каждый бродит по лабиринту своих мыслей. Всё ещё не верится, что человек, который ещё двое суток назад раздавал им указания на утреннем совещании, уже лежит под землей. За годы совместной работы Хименес и Санчес прошли через многое — опасные задания, ночные погони, встречи с самыми тёмными сторонами мира, но именно смерть «своего» словно отсекает кусочек от души. Учитывая то, какой именно работой они занимаются, скоро от души ничего и не останется. Джи продолжает молча потягивать пиво, и Руи решает первым нарушить давящую тишину.

— Знаешь, что я подумал? — начинает Санчес. — Что бы эти свиньи ни выкинули следующим, кого бы они ни положили, я продолжу идти на них, как танк. Но если тронут тебя, я и мстить не смогу. Я просто плюну на всё, сдам значок и, как истинный неудачник, сопьюсь.

— Ты этого не сделаешь, — усмехается Бриджит. — Я понимаю, почему ты так говоришь, ведь я сама, представляя твою потерю, думаю, что сломаюсь, и вся борьба и желание мести сохнут на корню. Но в то же время — это будет всего лишь первой реакцией, за которой последуют гнев и желание заставить их пожалеть. Мы ведь заставим их пожалеть за то, что они сделали с капитаном?

— Без сомнений, — кивает Руи. — За капитана, — протягивает бутылку, и они, чокнувшись, залпом допивают остатки.

Джи и Руи редко говорят об их связи открыто, но каждый из них знает, что их дружбе не нужны громкие слова и клятвы, они доказывают её силу в опасные моменты на работе и уже давно считают друг друга не просто напарниками, но и семьёй. Руи всегда относился к ней как к равной, не делал между ними различий. Он не просто делает вид, что Бриджит на своём месте, он искренне верит в это и ценит её силу и вклад в общее дело. Санчес без задней мысли научился подставлять Джи спину и всегда готов прикрыть её — это у них взаимно, вот почему они отличные напарники.

В участок Бриджит возвращается к вечеру, чтобы забрать нужные бумаги и отправиться в офис DEA*, с которыми они сотрудничают. Джи складывает бумаги в папку, одновременно прослушивает оставленные для неё сообщения и уже собирается на выход, как взгляд цепляется за уже пожелтевшие из-за течения времени листовки на доске. Она опускается на стул напротив доски, в упор смотрит на фотороботы тех, кто разрушает её страну, и задерживает взгляд на самой первой фотографии.

Венсан Лино — глава картеля «Доминион».

Бриджит не сомневается, что именно он заказал убийство капитана, который заплатил своей жизнью за надпись «арестован» под фотографией, висящей ниже Венсана. Кастильо, он же Эль Кавалеро — младший брат Лино и его сикарио, охота за которым наконец-то принесла свои плоды. Всё, что полиция знает о братьях Лино — это то, что оба родились в Картахене, потеряли родителей в раннем возрасте и пару лет провели в приюте. Венсан покинул приют первым и чуть позже забрал брата. Все данные, которые были в приюте на двух мальчишек, тщательно подчищены или сгорели в пожаре. Более того, как написано в деле Лино, директор приюта и двое воспитателей, которые работали во время проживания там братьев, были зверски убиты ещё во времена, когда Венсану не было и восемнадцати. Бриджит бы отдала многое, чтобы узнать, куда после приюта попал Венсан, как он смог так стремительно взлететь и как все эти годы ему удаётся ускользать от правосудия. Коллеги часто шутят, что Джи одержима семейкой Лино, и она с ними смеётся, но в глубине души девушка признаёт, что так и есть. Дело не только в тщеславии, ведь если именно она станет той, кто закроет Венсана за решёткой, то получит звание национального героя. Дело в личном интересе. Джи занимается картелем «Доминион» последние два года, но с каждым следующим шагом Лино, с каждой новой зацепкой, она чувствует, как в ней растёт нечто большее, чем просто профессиональный азарт. Лино не просто умный — его планирование и изощрённость впечатляют, как будто каждая его уловка создана специально для того, чтобы поставить полицию в тупик и внушить им чувство собственной глупости. Лино играет с ними, как кошка с мышью, и вместо того, чтобы злить или отталкивать Джи, вызывает в ней неосознанное уважение и ещё больше распаляет желание выйти из этой игры умов победителем. Бриджит порой на долгие минуты выпадает из реальности, ловит замечания от коллег и только тогда перестаёт прокручивать в голове шаги своего врага и поражаться его хитрости. Джи знает, что, только поймав его, она докажет себе, что она сильнее. Но что-то внутри подсказывает ей, что, если этот человек когда-нибудь окажется за решёткой, в жизни Хименес останется пустота. Поймать его — значит завершить эту игру, а часть её конца не хочет.

Бриджит отвечает на пару сообщений на телефоне и, поднявшись с места, наконец-то идёт на выход. Сейчас Кастильо ждёт приговора в самой охраняемой тюрьме страны, а разгуливающий на свободе Венсан продолжает мстить за брата. У самой двери Джи вновь оборачивается, смотрит на фоторобот Лино и в тысячный раз обещает себе, что приведёт его сюда в наручниках.

К ранчо «Парадиз» простым смертным без разрешения не подойти. Само ранчо занимает территорию в две тысячи гектаров и включает в себя леса, озёра, вертолётную площадку и поместье, раскинувшееся на живописном холме.

Поместье окружено обширными зелёными садами с экзотическими растениями и пальмами, создающими ощущение тропического рая. Здание выполнено в современном стиле с элементами классической архитектуры: большие панорамные окна, мраморные колонны и фасады из белого камня. В доме множество просторных спален, каждая из которых оснащена личной террасой и ванной комнатой с видом на озеро.

Главным украшением особняка являются несколько бассейнов: один бескрайний, сливающийся с горизонтом, окружённый шезлонгами и зонами отдыха, а другой — крытый. Вдоль дорожек сада установлены изящные фонтаны, которые освежают воздух и создают успокаивающий шум воды. На территории особняка также находится личный кинотеатр, большая библиотека, спа-комплекс, тренажёрный зал, винный погреб и просторная кухня, оборудованная по последнему слову техники.

Наварро, который отстраивал ранчо с нуля и, по его же словам, создал для себя рай на земле, предпочитает свободное от работы в центре время проводить именно здесь. Ранчо тщательно охраняется вооружёнными людьми, и даже полёты над ним запрещены. Убеждённый, что деньги нужны, чтобы их тратить, Наварро ни на чём для себя любимого не экономит. Он обладает роскошными резиденциями и виллами, как на территории страны, так и за её пределами. В его владении находится флот из частных самолётов, вертолётов и яхт для личного и делового использования. В то же время он вкладывается в коллекционирование произведений искусства, редких автомобилей, ювелирных украшений и других предметов роскоши. В прошлом году любящий бросать себе вызовы Наварро купил футбольный клуб страны, поставив себе цель — вывести его в чемпионы мира. Сейчас его люди ведут переговоры с лучшими игроками других клубов, а Наварро убеждён, что в мире нет никого, кого бы он ни смог купить.

Сегодняшний вечер Наварро проводит у себя. Он выныривает из главного бассейна и, накинув на плечи халат, забирает стакан с коньяком и идёт в сторону одного из стоящих в тени мягких белых диванов. Он опускается на диван, наблюдает за резвящимися в воде красивыми девушками и парнями и отвлекается на идущего к нему помощника и главу службы безопасности — Кристофера Рея. Кристоферу тридцать три года, и последние десять лет он работает на Наварро. Рей обеспечивает безопасность самого Наварро, организует его охрану, лично планирует его маршруты передвижения. Помимо этого, Рей занимается контрразведкой и предотвращением утечек информации, отслеживает возможные угрозы со стороны конкурентов и внутренних предателей. Рей не просто правая рука Наварро, но фактически один из немногих людей, которых тот называет близкими к себе.

— Прочитал твоё интервью, — опускается в кресло рядом с диваном Крис и смотрит на девушек и парней, которые все будто на одно лицо. «Небось, пластический хирург один и тот же, как и парикмахер», — усмехается про себя Крис, но не удивляется выбору босса. Наварро одержим постоянством, и кому, как не Крису, который лично занимается тем, чтобы досуг босса был безопасным, знать, что он своему вкусу не изменяет.

— Мне понравилось, — продолжает Кристофер. — Как гражданин этой страны я рад, что ты будешь заниматься её процветанием. Лино будет в бешенстве.

— Он несёт ответственность за каждое преступление в этом городе, не думаю, что, зная всё это, ему стоит удивляться, — усмехается Наварро. — Я тоже просмотрел интервью, вышло неплохо, хотя журналистка оказалась глупой.

— Что тебе не понравилось? — хмурится Крис.

— Она цитировала мне Библию, а я ей подыграл, — поднимается на ноги мужчина, планируя нырнуть в воду ещё разок перед тем, как отправиться на покой. — А надо было Бальзака, — халат падает на пол, и через мгновение ввысь устремляются брызги воды.

«За каждым большим богатством всегда стоит большое преступление».

Примечание к части

Управление по борьбе с наркотиками (англ. Drug Enforcement Administration, DEA) агентство в составе Министерства юстиции США, занимающееся борьбой с наркоторговлей. У агентства в Колумбии два офиса, и один из них в Картахене.

Глава 2. Lila

Солнечный свет, бьющийся в окно, заливает просторную кухню тёплым золотистым сиянием и на корню убивает желание проводить такой чудесный день в четырёх стенах. Сидящая за столом Фелисия пару раз подбрасывает горячий тост в воздухе, надеясь так его быстрее остудить, и не слушает ругающую её за нетерпеливость мать. Она доликает себе апельсинового сока и, убрав телефон, тянется за газетой, которую закончил листать отец.

— Вау, это же интервью с шефом моего шефа, — откусив от тоста, вчитывается в текст Фелисия. «Процветание страны — мой главный приоритет — Глава холдинга Falcon Group».

Фелисия забывает про завтрак и, игнорируя разговоры сидящих за столом родителей, внимательно читает интервью.

— Ему ведь всего лишь за тридцать, так как, чёрт возьми, он столько достиг, — откладывает газету явно разочарованная в себе девушка. — В моём возрасте, небось, у него уже была своя компания, и ему не приходилось работать на других.

— У каждого свой путь, да и ты пока слишком молода, кто знает, чего добьёшься, — усмехается мать девушки — Джорджиа. Джорджии почти пятьдесят, но никто этот возраст ей не даёт. Одержимая своей внешностью женщина не вылезает из спортзалов, а совсем недавно сделала ещё и подтяжку лица. Джорджиа всегда была красивой и своей красотой щедро поделилась с детьми.

— Всё равно я восхищаюсь Наварро, — вздыхает Фелисия и следит за тем, как отец снова забирает газету. — Хочу быть такой же богатой и властной, как он, чтобы на меня работали сотни человек, а я только раздавала указания.

— Ребёнок, — усмехается Джорджиа. — Ты разве не знаешь, что с большой силой приходит большая ответственность?

— Если у меня будет большая сила, соответственно, я и с ответственностью справлюсь. Это же логично, — бурчит девушка, расценившая слова матери как сомнение в её способностях.

— Сегодня выходной, и, насколько я знаю, у тебя занятия, но не вижу, чтобы ты торопилась, — вмешивается в разговор отец девушки — Пабло. — Надеюсь, хоть танцы ты не брошишь, учитывая, что долго ты чем-то одним заниматься не в состоянии.

— Потому что теперь я работаю, и тяжело одновременно ходить на несколько занятий, — недовольно говорит Фелисия. — Когда я только училась, меня это даже забавляло, хотя до сих пор не понимаю, с какими мозгами я в школе записалась на уроки итальянского и этикета. Видимо, я самая непостоянная девчонка в мире.

Фелисия может открыто говорить при родителях обо всём, потому что ей безумно сильно повезло родиться в самой понимающей семье. Она спокойно обсуждает с ними своих парней или эксперименты с внешностью и просто может жить свободно — никаких монашеских обетов. Родители никогда не давали ей поводов сомневаться в них и с пониманием относились ко всему, что она делала или пробовала в жизни. Правда Лис всё равно переживает, когда ей в голову приходит очередная сумасбродная идея. Но обычно её переживания не оправдываются, потому что папа выдаёт что-то вроде «ну и ладно» и продолжает смотреть телевизор, а мама говорит, что так и знала.

— Ты просто у меня девочка возвышенная, — целует её в лоб Джорджиа. — И ты искала себя.

— Танцы я тоже брошу, не успеваю, до конца месяца похожу, и всё. Вообще хочу имидж поменять, мне надоело, что все мои увлечения, да и внешность, для неженки! — снова накалывает на Фелисию волна разочарования собой.

— Опять мы здесь, — тяжело вздыхает отец. — Твоя внешность — божий дар, а твои увлечения — это ты. Зачем тебе подстраиваться под других? Тем более ты пробовала, я тебя на бокс записал, но ты после первого же занятия расплакалась.

— Я тогда была маленькой! — обиженно заявляет девушка. — И я не говорю, что пойду заниматься тем, чем занимаются стереотипные мужики, а просто попробую немного поменяться. Раз вся жизнь — это поиск себя, я ещё поищу. Значит, танцы, языки, этикет, искусство — всё не моё. Теперь будут бои, байки, футбол. Только хардкор!

— Я хочу дать вам с сестрой всё, чего не было у нас с твоей мамой, поэтому я тебя поддержу во всех начинаниях, но про байки забудь, — строго говорит Пабло. — Терять свою дочь я не собираюсь.

— Прежде чем сесть на байк, я помолюсь, — издав смешок, кидает камень в огород верующей матери Фелисия.

— Не остроумничай, молитвы очень важны, — журит её Джорджиа, которую только от воспоминаний о прошлой жизни бросает в холодный пот. — Не забывайте благодарить Деву Марию за то, что так щедра к нам, мы живём в чудесном доме и забыли о нужде.

— Мама права, не будьте неблагодарными, ведь были времена, когда я неделями не мог купить нам мяса, — с грустью говорит Пабло. — То, что сегодня у нас есть практически всё, не значит, что мы должны забывать прошлое.

— Я молюсь и благодарю Бога, папочка, но больше всё же тебя, — поднимается на ноги Фелисия. — Даже когда мы были бедными, ты ни в чём нам не отказывал. И я благодарна, что ты столько трудился, купил нам красивый дом, а теперь поддерживаешь наши начинания, — говорит отцу девушка и идёт к себе.

Пабло Лим и правда прошёл долгий путь, чтобы иметь всё то, что сегодня обеспечивает беззаботную жизнь его семьи. В юности Пабло, происходящий из семьи со скромными доходами, рано начал работать, чтобы поддерживать родителей, но особого успеха ни в какой сфере добиться не мог. После рождения старшей дочери Алисии Пабло устроился охранником на одном из складов в порту. Работая охранником, он проявил себя как внимательный и ответственный сотрудник. Его трудолюбие и стремление к росту не остались незамеченными, и вскоре он получил возможность заняться небольшими поручениями, связанными с организацией хранения и перемещения товаров.

Пабло начал копить деньги на дом, параллельно изучая азы бизнеса и логистики. Он брался за любую работу, связанную со складами: от упаковки и учёта до сопровождения грузов и оформления документов. Когда его младшенькой исполнилось двенадцать, у Пабло уже было достаточно средств, чтобы арендовать небольшой склад на окраине порта. Он реинвестировал прибыль в расширение бизнеса, приобретая новые склады и модернизируя их под нужды различных компаний.

Сегодня Пабло — успешный бизнесмен и владелец сети современных складских комплексов в порту. Он часто вспоминает свои скромные начинания и напоминает детям, как важны трудолюбие и настойчивость. Жаль только, что Фелисия всё ещё ищет себя, а Алисия является той, кто только создаёт проблемы для уже немолодого отца.

Из-за количества работы, свалившейся на всю команду после гибели капитана, Бриджит приезжает на кенсиньеру* кухни последней. Мама, брат и Карл — жених Джи, который выехал из участка пораньше, уже здесь. Кенсиньера — важный культурный ритуал, сопровождающийся подарками, музыкой и пышными угощениями, и пропустить его — это получить нагоняй от всей большой семьи Джи. Хорошо, что не пришлось мучиться с выбором подарка,

потому что девочка намекнула семье, что хочет получить деньги, которые после совершеннолетия планирует потратить на пластические операции. Бриджит здороваётся со всеми, терпеливо слушает нравоучения снова жалующейся на её опасную профессию бабули и, прихватив бутылку пива, идёт к украшенному цветами двору. Карл сразу же присоединяется к ней. Джи познакомилась с Карлом на работе. Мужчина работает ИТ-специалистом, в его рабочей зоне обычно тихо, только звук нажатий по клавиатуре и щёлканье мышки. А вот у Бриджит вокруг вечно пылает огонь и царит опасность. Тяжело постоянно находиться в напряжении, но рядом с Карлом оно отпускает Бриджит, в его тишине она находит покой. На этом островке спокойствия, за чашкой кофе после очередной вылазки, Джи когда-то и поняла, что влюбилась. Так кофепития на перерывах плавно перешли в долгое общение и вне работы. Под Новый год Карл провожал девушку до её квартиры, остался у неё с ночёвкой, а утром они, поедая подгоревшие тосты, оба признались друг другу в чувствах. Спустя полгода романа Карл сделал девушке предложение и обрадовал как её саму, так и её мать. Свадьбу пара планирует провести в начале следующего года, и они уже активно заняты подготовкой. Бриджит никогда не думала, что так рано выйдет замуж, но раз она нашла своего человека, то упускать не станет. Джи младше парня на два года, и он сразу покорила её своим тёплым и дружелюбным обаянием. У него густые, тёмные волосы, лежащие мягкими волнами, и глубокие карие глаза. Девушка правда влюблена и счастлива, что её избранником стал именно этот обаятельный мужчина.

Джи сильно устала на работе, еле держит глаза открытыми, но не забывает улыбаться многочисленным кузенам и медленно потягивает пиво. Весь отдел стоит на ушах в преддверии перемен, потому что до сих пор нет объявлений о новом назначении, а уличные бои между правоохранительными органами и бойцами картелей только разгораются. Все в участке перешёптываются, что, скорее всего, кресло погибшего получит именно Бриджит, учитывая её заслуги и полугодовой курс в DEA, но сама девушка в этом сильно сомневается. Джи любит быть на передовой и боится, что, если всё же слухи окажутся правдой, ей придётся большую часть времени разбираться с бумагами, а не участвовать в операциях. Хотя то, что предыдущий капитан на передовую не рвался, не значит, что так должен поступать и следующий. Покойного, к слову, это всё равно не спасло.

— Сама ты дура! — кричит Фелисия сестре, громко хлопнув дверью, эхо от удара разносится по всему коридору. — Так сложно помочь мне купить тачку, а на её пластику у вас всегда есть деньги! — уже кричит в сторону родительской спальни девушка.

— Хватит ругаться! — доносится из спальни недовольный голос Джорджии.

— Я попросила у неё ключи, но нет же, нужно мне обязательно лекцию прочитать, — никак не может успокоиться Лис. — Ничего, поеду на такси, пусть подавится ими.

— Алисия, почему ты так грубо ведёшь себя с сестрой? — выходит в коридор Джорджиа. — Она же младше.

— Пусть сама себе тачку и купит, — хмыкает сидящая на лестнице и не отрывающаяся от телефона девушка. Алисии двадцать четыре года, и ей, в отличие от Фелисии, достался высокий рост отца и мамины серые глаза. При всём при этом Алисия ещё ни разу не была довольна своей природной внешностью, от которой, к слову, почти ничего не осталось. Желание Алисии соответствовать идеалам красоты, которые она видит в социальных сетях, не имеет границ. Вдохновляясь образами жён и любовниц наркобаронов, она решила, что именно эта внешность является ключом к успеху и статусу.

Сначала девушка делала небольшие изменения, корректировала нос, увеличила губы, подняла скулы. Этого всего было мало, и её желание совершенствоваться превратилось в настоящую одержимость. Алисия начала посещать самых дорогих пластических хирургов, постоянно исправляя и улучшая то, что ей казалось недостаточно красивым. Её список операций,

которые оплачивают родители, с каждым днём только растёт: новые импланты, скулы, подбородок, многократные липосакции и подтяжки.

Из-за постоянных операций и многочисленных процедур её лицо и тело стали терять естественные черты. Кожа потеряла подвижность, мимика стала ограниченной, а лицо приобрело «кукольный» вид, который выглядит искусственным и отталкивающим. Алисия это не останавливает, ведь сейчас она снова планирует увеличить ягодицы. Алисия никогда не скрывала, что завидует красоте сестры, с которой все носятся, как с пупом земли, а Фелисию раздражает, что на хотелки первой у родителей всегда есть деньги, а ей уже почти девятнадцать, но машину она купить не может.

— Да тебе тачку родители купили! — рычит разошедшаяся девушка. — Ты в жизни не работала! Только и знаешь, что колешься и тусуешься!

— Колешься у нас ты, — наконец-то убирает телефон девушка и смеряет сестру презрительным взглядом. — Или забыла, как папочка тебя из тюрьмы вытаскивал?

— Прекратите! Я не потерплю подобное в своём доме! — строго говорит Джорджиа. — Ты возьми мою машину, а ты научись вести себя нормально!

Фелисия, пробурчав ругательства, спускается вниз, а Алисия провожает её злым взглядом, под которым маскирует все свои истинные чувства. Фелисия порой даже не расчёсывается, выходит на улицу в пижамных штанах и растянутой футболке и всё равно выглядит так, будто сошла с обложки журнала. Алисия любит сестру, но порой зависть в ней сносит все дамбы, и девушка чуть ли не захлёбывается от желания побыть младшей хотя бы день. Зависть к чужой красоте разъедает её, и, сколько бы она ни пыталась прислушаться ко всем, кто говорит, что нужно уметь принимать себя, она себя такой не хочет. Её тело и лицо не были её выбором, но сейчас, учитывая её возможности, она сделает всё, чтобы, пусть и с помощью ножа хирурга, приблизиться к идеалу, который она видит с экрана смартфона, но не видит в зеркале. Ей так хочется почувствовать на себе взгляды, которые собирает Фелисия, не проходить через три часа подготовки к выходу, а просто просыпаться самой красивой в этом чёртовом городе и иметь возможность заполучить любого, только взмахнув ресницами. Тяжело быть сестрой той, про чью красоту чуть ли легенды не слагают, ведь, как бы Алисия ни старалась, ей так и суждено оставаться в тени. Самое обидное, что даже парни, с которыми она встречается, теряют дар речи, увидев младшую, именно поэтому Алисия больше никого не приводит и с семьёй не знакомит. Хотя это особо не помогает, ведь вся Картахена знает, чья она сестра.

Фелисия, забрав из прихожей ключи от маминого форда, выходит наружу. Она любит сестру и знает, что это взаимно, но долго в одном доме находиться для них невозможно. Алисия тусовщица, она не ценит родителей, транжирит их деньги и вечно попадает в передраги. Раньше Фелисия это терпела, но два года назад старшая сбила пешехода, отец с трудом решил этот вопрос, потерял кучу нервов и денег, а Фелисия разозлилась на сестру, которую даже совесть не мучила. А ведь она фактически покалечила человека и, пусть в записях полиции этого нет, была пьяна. Ей повезло, что она родилась в семье человека с возможностями, иначе сейчас бы отбывала срок.

Фелисия ещё не доходит до припаркованного во дворе форда, как, заметив машущую ей из окна своего дома соседку Лауру, машет ей в ответ. Муж Лауры скончался год назад от сердечного приступа, но, когда он был жив, Фелисия часто заходила к ним и сидела с мужчиной за шахматами. Эта семья всегда находила для неё пару добрых слов. Мама повторяет, что, стоит младшей дочери выйти на улицу, ей навстречу тянется доброжелательная атмосфера, и она права. Фелисия сама не знает, как так вышло, но является любимицей всей улицы и соседи её обожают. К примеру, тиа* Луиза, чей дом первый на этой улице, специально для неё печёт её любимый пирог с начинкой из маракуйи и хотя бы раз в месяц зовёт Лис его забрать. Тио* Хуан, проживающий в огромном доме через дорогу со своими тремя псами, помогал Фелисии с уроками, но отец, которому везде мерещатся «хищники», отрезал доступ

к нему. Это всё равно не останавливает Фелисию, и, случайно встретив мужчину на улице, она обязательно с ним здоровается. Соседи буквально соревнуются за её внимание — они первыми приветствуют, смеются в ответ на её шутки, и каждый из них по-своему выражает привязанность к искренней и доброй девушке, которую называют ангелом из-за её внешности. Раньше после ссор с родителями Фелисия даже шутила, что, если что, уйдёт жить к соседям, и не сомневалась, что её удочерят.

Возвышающееся среди городской панорамы здание «Обелиска», принадлежащего Falcon Group, не может не восхищать своей красотой и продуманностью. Здание имеет изящную и обтекаемую форму, с плавными линиями и углами, что придаёт ему футуристичный вид и привлекает внимание туристов. Несмотря на то, что на первом этаже здания есть несколько кофеен и даже столовая и ресторан, Фелисия, работающая в нём, предпочитает обедать прямо перед ним, сидя на скамейке, которую она, по её же словам, «приватизировала».

— Как хорошо, что ты приехала, а то я в этих стенах задыхаюсь, — закончив с сэндвичем, закидывает упаковку в мусорку Фелисия и, вернувшись к скамейке, садится рядом с Яной, своей самой близкой подругой.

С Яной Фелисия познакомилась ещё в старших классах школы, когда семья девушки переехала в Картахену и купила дом на их улице. Девочки сразу сдружились и, даже закончив школу, общение не прекратили. В основном, у них общие увлечения и интересы, и это тоже одна из причин, почему Фелисия называет Яну единственной настоящей подругой. Они со школы ходили в одни и те же кружки, потом вместе изучали итальянский, фанатеют от одних и тех же исполнителей, и обе помешаны на комиксах DC. Яна, которая окончила дизайнерский колледж, работает в бутике через три квартала и планирует когда-то открыть свой. Фелисия же в последних классах школы решила, что хочет стать психотерапевтом, и начала готовиться к поступлению в медицинский. К огромному сожалению девушки, экзамены она провалила, но долго грустить не пришлось, потому что отец через свои связи зачислил её в университет Картахены на факультет гуманитарных и социальных наук сразу же на второй курс. Фелисия, которая была вынуждена теперь учиться в абсолютно другой сфере, сопротивляться не стала. В конце концов, её практически устроили туда без экзамена, и смысла бодаться с отцом, который сделал ей такой подарок, у неё не было. Поэтому Фелисия смирилась и уже в конце последнего курса, по совету матери, подала документы на стажировку в крупнейшую компанию страны.

Стажировка у Фелисии на шесть месяцев, и половину она уже прошла. Пока девушка, успевшая за её время окончить университет, пишет в компании пресс- релизы, участвует в организации мероприятий и помогает в создании контента для социальных сетей. Стажировка Фелисии оплачивается, и, хотя сумма там намного меньше, чем у штатных сотрудников, она довольна тем, что имеет.

— Обед всего час, а когда ты приходишь, он вообще пролетает за секунду, — жалуется подруге Фелисия. — Даже поговорить толком не успеваем.

— Так чего ты подавленная такая? — хмурится Яна, которая ещё вчера, переписываясь с Лис, поняла, что та не в настроении.

— Киз на свидание ходил, — играет с крышкой от бутылки Фелисия.

— Да блин, вы же расстались, кончай его сталкерить, — возмущается Яна. — Почему ты никак не отпустишь и не примешь, что ему плевать на тебя? Как вообще можно страдать по тому, кто тебя бросил?

— Мне просто обидно, — честно говорит Фелисия. — Я с левого аккаунта его сторис смотрела, и настроение пробило дно. Что у той губастой девчонки такого, что он выбрал её? Я просто не понимаю. Я же была влюблена в него, сама о чувствах ему сказала, а в итоге получила: «прости, тебя слишком много». Чувствую себя отвратительно.

— И должна, — кивает Яна. — Зачем тебе бегать за отморожком, который завидовал твоей популярности и красоте? Это были не отношения, а сплошная конкуренция, в которой только ты ждала чувств. Это он потерял, а не ты.

— Ты просто моя подруга, вот и говоришь так, — понуро отвечает Фелисия. — Я устала быть одинокой, Яна, у всех есть пара, а у меня дальше парочки свиданий никогда не заходит. И дело даже не в отношениях, а в том, что, когда тебя постоянно бросают, начинаешь думать, что, возможно, с тобой, и правда, что-то не так. Чувствую себя ущербной.

— Просто твоё время ещё не пришло, и потом, тебе не везёт в любви, но везёт во всём остальном, ты, чёрт возьми, в таком крутом месте работаешь, — кивает Яна в сторону расположившегося через дорогу здания.

— Всё равно я хочу понять, что со мной не так, — вздыхает Фелисия. — В книгах намного легче: ты наблюдаешь за жизнью героя и делаешь выводы, начинаешь понимать, где именно он свернул не туда. На свою жизнь я со стороны посмотреть не могу, но я твёрдо знаю, что лажаю, а когда спрашиваю тебя и предков, все твердят, что я идеальная, а те, кто меня бросил, просто глупые. Не могут же все быть плохими, а я хорошей? Я большая девочка, умею делать выводы.

— Твоя проблема в том, что ты вечно занимаешься самокопанием, — цокает языком Яна. — И кто виноват, что ты в моральных уродов влюбляешься?

— У меня радар на них, видимо, — издаёт нервный смешок Лис. — То у меня характер не тот, то моя внешность не то, то я много говорю, то я навязчивая. У всех всегда есть причина бросить меня. Ей богу, я какая-то неудачница, и всё равно я не прекращаю мечтать о любви.

— Это и есть твоя цель? Влюбиться и получить взаимность? — кривит рот Яна.

— Ещё хочу быть богатой, — мечтательно закатывает глаза Фелисия. — Очень богатой, такой богатой, чтобы суметь купить себе целый город. Прямо вот как он, — кивает на вывеску на здании, на которой написано Falcon Group.

— Так это другое дело, это по красоте, — ободряюще хлопает её по плечу Яна.

— Тебе всё равно сложно меня понять касательно отношений, потому что ты не романтическая, — подвинувшись в сторону, ложится на скамью и кладёт голову на её колени Фелисия. — Ещё в последних классах за тобой толпа пацанов бегала, да и сейчас, как не позвоню, ты с новым. Вдобавок ко всему, тебя практически не бросали, это ты всегда прекращала отношения, поэтому мне тебе и не объяснить, — она смотрит на возвышающиеся над головой билборды, снова возвращает взгляд к зданию, где работает. — Falcon, Falcon, Falcon. Каждая вывеска в этом городе его. Весь этот город принадлежит ему.

— Скорее, страна, — вздыхает Яна. — Вот бы быть такой же богатой.

— Он в политику собирается, я его интервью читала, — зевает Фелисия.

— Крутой у тебя босс.

— Мой босс — противный Исая, а у Наварро таких, как мы, сотни, — щурится из-за солнца девушка. — Боюсь, был бы у меня миллион, Алисия бы и его на операции потратила.

— Не осуждай её, такова реальность, надо быть красивой, если хочешь выйти замуж за богача, — усмехается Яна.

— Кто замуж хочет — пару не в притонах ищет. Я сама тусовщица, но она практически дома не появляется, — не согласна с подругой Лис. — Она грудь сделала, бёдра нарастила, лицо всё перекроила, теперь идёт ягодицы увеличивать. А машину мне папа не покупает, как рот открываю, начинает припоминать мои старые грешки, только Алисии всё можно. Даже проводить всё своё время на тусовках.

— Мы, простые людишки, вынуждены пробиваться, как можем, — вскидывает брови возмущённая Яна. — И ты ошибаешься, это тебе нас не понять. Когда ты в последний раз хоть где-то платила за себя? Ты ничего не рекламируешь, но при этом постоянно получаешь подарки от компаний, которые присылают тебе коробками свои продукты, лишь бы у тебя в

Инсте что-то из этого мелькнуло. Да мы сидим тут меньше часа, но каждый, кто прошёл, притом вне зависимости от пола, чуть шею себе не свернул, оглядываясь на тебя. Помани любого, они квартиру ради тебя заложат. Так что не надо мне тут байки про то, что это я тебя не понимаю. Людям, которым жизнь дала красивую внешность, не нужно даже стараться, кто надо, к ним сам придёт и, что надо, просто так отдаст.

— Так Алисия же тоже красива, зачем шляться до утра по клубам и постоянно переделывать себя? — бурчит Фелисия, даже не пытаюсь спорить, потому что Яна права, именно так она и живёт.

— А где ей с крутыми парнями знакомиться? — хмурится Яна. — У нашей молодёжи весь выбор основывается на том, что они могут предложить. Серенькие мышки, как я и большинство в этом городе, ищут знакомства в клубе Caliente, где тусуются мелкие торговцы. Те, кому повезло с внешностью чуть больше — идут в клуб «Оазис», там уже шишки покрупнее. А такие, как ты, кто может похвастаться своей неземной красотой, только по приглашению уже в Fuego, где, собственно, отдыхают наркобароны. Алисия очень хочет попасть в третий, поэтому я её не осуждаю, — качает головой девушка. — Чего от неё хотеть, если девочкам тут с детства вбивают в голову, что красивую жизнь может подарить только папик, правда взамен ему нужна твоя молодость и красота. Хотя кому я это рассказываю, тебе с детства просто так конфеты раздавали, и ты нас не поймёшь.

— Это правда, меня и сейчас бабульки угощают, — смеётся Фелисия. — Месяц уже в новой кофейне кофе беру, а там бариста такой симпатичный и смотрит так, что ещё немного, и я сдамся.

— Так, может, тебе уже пора влюбляться в очарованного твоей красотой парня, а не выбирать себе отброса, который класть на тебя хотел, — щекочет её Яна. — Отстань от сестры, Лис, ты родилась красивой, как принцесса, а ей красоту нужно создавать.

— Была бы я принцессой, нашла бы своего принца, — ворчит Фелисия и снова присаживается на скамье. — И кстати, раз уж я такая красивая, почему тогда меня никогда в Fuego не приглашали? — задумывается.

— Потому что папаша у тебя крутой, и ты под защитой, — зевает Яна. — Сходим вечером в клуб кузена моей коллеги, это, конечно, не Fuego, но она мне спор проиграла, коктейли за её счет, — пытается приободрить девушку.

— Комендантский час, я с прошлой тусовки под утро вернулась, отец мне лимит до одиннадцати поставил, — потягивается Фелисия. — Ладно, пора возвращаться в офис, пока Исая вонять не начал. Может, врач-психиатр из меня получился бы куда круче, чем пресс-секретарь, хотя даже им я ещё не стала.

Жарко настолько, что воздух будто застыл. Асфальт плавится под палящими лучами солнца, под ногами чувствуется раскалённая земля, и даже тяжёлые ботинки не спасают от ощущения жара, поднимающегося от подошв. Венсан стоит, прислонившись к своему эскаладу, и, сощурившись, смотрит на высокие бетонные стены впереди. Венсану Лино тридцать лет, и это не впервые, когда он так близок к тюрьме, в которую его мечтает отправить каждый политик этой страны. Его густые чёрные волосы слегка взъерошены, падая на лоб и придавая его образу лёгкую небрежность. У Лино выразительные черты лица: высокие скулы, чётко очерченные губы и прямой нос. Но как говорят его бойцы и враги, самое пугающее в нём — его глаза. Они у него тёмные и глубокие, и даже взгляд его говорит о скрытой силе и спокойствии, которое не нарушить.

Вокруг Венсана ещё десяток вооружённых людей, и все, в отличие от него, нервничают. Никто не знает, умеет ли Венсан вообще нервничать, учитывая, что он с одинаково непроницаемым лицом отдаёт бесчеловечные приказы и точно так же смотрит в дуло направленного

на него пистолета. Венсан мог бы ответить на это коротким «уже не умею». В жизни каждого человека есть граница, переступив которую, он уже не сможет вернуться к прошлому себе.

Путь Венсана Лино был усеян ими вдоль и поперёк. Первый раз он пересёк её, когда оказался на улице с маленьким братом, которого надо было прокормить. Через следующую границу его уже волокли. После он снова шагнул на неё добровольно, оставил после себя кровавые следы. Нет, Венсан не умеет нервничать, потому что нервной системе человека долго под жизненными ударами не выстоять, а его истощилась уже давно. Возможно, именно его хладнокровность и делает его главным врагом народа и тем, кого не поймать, ведь человек, не оглядывающийся назад и не зависящий ни от чего — самое страшное оружие в умелых руках. Лино относится к жизни как к русской рулетке, и пока направленное на него оружие стреляет вхолостую, но, когда из него вылетит пуля — он всё равно будет улыбаться, ведь он самый азартный игрок.

Сигнал тревоги, доносящийся из-за стен, не умолкает. Мужчины, которые ждут того, за кем приехали, проверяют по рациям, двигаются ли в их стороны отряды или нет. Наконец-то ворота открываются, и наружу, чуть не споткнувшись на пороге о свои конечности, выбегает мужчина крепкого телосложения в серой тюремной форме. Увидев ожидающих его людей, он радостно машет им руками и, на ходу избавляясь от нашивок на груди, идёт к ним.

— Бинни, малыш, — крепко обнимает брата Венсан, а потом, отодрав от себя, нахмурившись, смотрит на свежие пятна крови на его форме. — Я же сказал ублюдкам: тебе делают коридор, и ты выходишь. Нахуя я плачу им, если ты сам пробирался?

— Я не мог не побаловаться, отец, — хохочет Кастильо и, обойдя брата, первым запрыгивает в автомобиль. Кастильо, учитывая заботу брата о нём, с детства называет его «отцом», и, казалось бы, шутливое прозвище так и закрепилось за Венсаном, как и ласковое «Бинни», которым старший называет его.

— Уходим, — приказывает Лино и, бросив последний взгляд на стены, за которыми продолжается резня, садится в автомобиль. Кастильо времени не теряет, достаёт из мини-холодильника в эскаладе бутылку пива и сразу прикладывает к спасительной влаге.

— Напиток богов! — утирает губы мужчина. — Осталось навестить моих красоток, и жизнь заиграет новыми красками.

— Успеешь, — не может нарадоваться его присутствию Венсан. — Прости, пришлось помедлить, пока я оружие внутрь перекину, но я рад, что всё сработало.

— Ты ублюдка замочил, и я благодарен, — хлопает его по плечу Кастильо.

— Это ещё не всё, — мрачнеет Лино. — Ещё парочку за то, что на мою семью покусились, они в чёрных мешках к утру получают. Собаки должны знать своё место.

— Можно мне? — с надеждой спрашивает брата Кастильо.

— Нет, я уже распределил задания, — отрезает Лино.

— Ладно, расскажи, какие новости? — сдувается младший.

— Ты же почти не сидел и, считай, ничего не пропустил, — смеётся Лино. — Хотя, скинули полторы тонны на юге у нашего доброго соседа, копы как навозные жуки в них копаются.

— Сколько переправили?

— Пять тонн, как и договаривались. Пусть развлекаются с наживкой, от нас не убудет, — кривит рот Венсан.

— Я прочёл газету, да, в тюрьге я читал, — ухмыляется Кастильо. — Эти суки тебя слабаком, скрывающимся в тени, назвали. Сам Наварро тебя чумой обозвал. Я подсчитал: могу оставить автобус, начинённый четырьмястами килограммами динамита перед их зданием, и бум. Прикажи, выполню.

— Не прикажу, — усмеяется Лино. — Отдыхай, приходи в себя. Зачем мне нападать на газету, журналисты которой идут на мою винтовку с ручкой? Сперва я раздавлю тех, кто серьёзно вредит моему бизнесу.

— Понял, — потягивается опустошивший первую бутылку Кастильо.

Возвращение Кастильо из заточения «Доминион» празднует с размахом. Лино в честь брата закатывает вечеринку на частной вилле, куда он пригласил всех любимых звёзд и моделей младшего. Живая музыка, ломящиеся от изобилия дорогого алкоголя и деликатесов столы, полуголые красотки, устроившиеся у открытого бассейна, так сильно радуют Кастильо, что он, схватив Венсана в охапку, долго не выпускает его из объятий.

— Всё для моего младшенького, — ерошит его волосы Лино и, оставив Кастильо развлекаться, заходит в дом. Он минует наслаждающихся его же товаром на первом этаже гостей и, пройдя в комнату с приглушённым светом, сразу двигается к бильярдному столу и берёт кий. В комнате, кроме Лино, ещё пять девушек, двое мужчин у стола, и ещё один совсем зелёный паренёк с выкрашенными в красный волосами стоит у барной стойки.

— Не хочешь с мастером поиграть? — идёт к Лино коренастый, явно подвыпивший мужчина с татуировкой на половину черепа и не реагирует на пытающегося удержать его на месте за рукав пиджака второго.

— Хочу, — приподнимается уже целящийся в шар Лино и, сощурившись, смотрит на него. — А кто тут мастер?

— Перед тобой, — явно доволен собой пытающийся произвести впечатление на девчонок бритоголовый. — Начинай, а я покажу, как надо отправлять шар в лузу.

— Как скажешь, — скалится Лино и, примерив кий к руке, поворачивается к столу. Его движения плавные и отточенные: он целится с абсолютной концентрацией, словно видит траекторию каждого шара до малейших деталей. С небольшим наклоном к столу и лёгким движением руки он аккуратно наносит удар, и шар точно летит в нужную лузу. Лицо бритоголового моментально вытягивается, от былой уверенности не остаётся и следа. Он напрягается, прицеливаясь, удар выходит слишком сильным, и шар не попадает в цель.

— Продолжим, — снова нагибается над столом Лино и, подняв глаза, подмигивает красивой рыжей девчонке, зачарованно следящей за его движениями.

Лино целится в шар, делает выверенный, мягкий удар, и шар плавно катится по столу, безупречно падая в лузу.

— Твой ход, только если ты не попадёшь, я выебу тебя этим кием, — прокручивает кий меж пальцев Лино. Мужчина, вмиг протрезвев, утирает пот с лысого черепа и начинает пятиться назад. В тоне Лино не просто угроза, а абсолютная уверенность в сказанном.

— И всё? А говорил, мастер, — вздыхает Лино и, повернувшись к рыжей, пальцем манит её к себе. Девушка, которая только этого и ждала, идёт к мужчине и, сразу оказавшись вжатой в бильярдный стол, дрожит от предвкушения.

— Не бойся, тебя я выебу не кием, — опалает её лицо дыханием Лино и, развернув, теперь уже вжимает лицом в стол. Все остальные присутствующие моментально покидают комнату.

— Наркоотдел, — вытягивает из своего доджа удостоверение Бриджит и, кивнув снимающему ленту полицейскому, двигается дальше по закрытому для всех остальных шоссе.

Джи вызвали прямо из дома, поэтому в участок заехать она ещё не успела. Она уже подозревает, какая картина может ожидать её впереди, но увиденное снова её поражает. С моста, который проходит прямо через шоссе, свисают шесть человеческих тел. Джи, поздоровавшись с собравшимися на месте событий оперативниками, подходит ближе и, еле сдерживая обуревающую её каждый раз при виде зверств «Доминион» злость, поднимает голову. Это определённо они, и для этого достаточно просто установить личность погибших. Все погибшие, как и бывший капитан Бриджит, напрямую занимались делом Кастильо Лино, и месть этой больной семейки никак не закончится. Джи впереди ещё ждут доклады по расследованию побега из тюрьмы Кастильо, который фактически обнулил деятельность нескольких месяцев и доказал,

что капитан, как и эти несчастные, погибли впустую. Сколько ещё должно погибнуть невинных людей, чтобы «Доминион» наконец-то начал терять своё влияние? После каждой неудачи Джи говорит себе, что в следующий раз всё получится, ведь у других стран сработало, главное, не сдаваться, не дать этой напасти свободно дышать, и снова возвращается к исходной точке. Колумбия сотрудничает с DEA, наравне с ними принимает помощь и от других стран, но «Доминион» только разрастается, не успеваешь отрезать одну голову этой гидре, как на её месте появляется новая. Бриджит знает про этот наркокартель почти всё, но до сих пор не может понять, что именно делает их несильными. Почему всех остальных остановить удалось, ведь работают они по одной схеме, а с этими государство терпит только неудачи.

Тела с моста снимают, она подходит к опоздавшему Руи и закуривает.

— Ублюдок при побеге ещё троих вырезал, — качает головой Санчес. — Оттуда пушки забрали, которых даже у нашей армии нет. Как нам теперь в глаза детей капитана смотреть? За что их отец погиб?

Джи молчит, потому что Санчес прав. Она так же молча докуривает сигарету и, потушив её ботинком об асфальт, возвращается к своей машине. Следить за «Доминион» бесполезно, они постоянно меняют локации и даже средства передвижения. Вдобавок ко всему, учитывая, сколько в системе продажных копов, они всегда на шаг впереди. После казни капитана и побега Кастильо всё станет намного хуже. И до этого редко какой судья брался рассматривать дело людей картеля, боясь за свою жизнь, теперь, учитывая, что одного из них только сняли с моста, преступников в Картахене ни ловить, ни судить никто не рискнёт. Бриджит включает радио по пути на работу, слушает новости и, зацепившись за имя Наварро, прибавляет звук. Может, Джи и не ошибалась, что этому городу нужен спаситель, но она ошибалась в том, кто может им быть. Вся Картахена знает имя своего достойного сына — Гильермо Наварро, которому чуть ли не памятники за заслуги перед страной ставят. Именно он, учитывая его власть и возможности, вполне может стать тем, на ком зубы «Доминион» сломаются. Джи хотелось бы в это верить, ведь, пусть огонь отмщения и правосудия в ней по-прежнему горит, как показывает практика, в одиночестве правоохранительным органам не справиться.

В участке стоит ожидаемый ажиотаж, учитывая и убийства, и побег Кастильо, поэтому, приехав, Бриджит с головой уходит в работу, и, если бы не подошедший Карл, она бы не поняла, что рабочий день закончился. К мыслям о Наварро она снова возвращается, но уже невольно, потому что собирающиеся на выход коллеги шумно обсуждают его последнее интервью.

— А что ему, жалко, что ли? Столько зелёных, мог бы нам армию новую купить! Хоть наёмников! — активно размахивает руками разошедшийся Санчес. — Его любовница на свою тусовку шеф-повара из лягушатников хотела, он ей все его рестораны в придачу подарил.

— Думаю, это байки, — встревает другой коллега. — Он и так многим помогает и в наше министерство вроде хорошие суммы отстёгивал.

— Ты эти деньги в глаза видел? Они их сожрали, а мы со старыми пушками по улицам ходим. Раз уж делать, то пусть лично всё контролирует, а не кидает им в пасть банкноты, — не успокаивается Санчес.

— Почему он вообще должен что-то делать? — всё-таки вмешивается в разговор Бриджит. — Откуда в тебе такая убежденность, что, если у кого-то есть деньги, он обязан ими делиться? Посмотрела бы я на тебя, если разбогатеешь.

— Я не говорю, что обязан, но от него же не убудет, — умиряет свой пыл Санчес. — Наши на мероприятии мэра, где и он был, работали, говорят, он там перечислял всех, кого в этом году финансировать будет, нас, конечно, в его списке не было. Словно полицейские — это не те, кто шкуру таким, как он, защищает, а мусор.

— Ты определись, почему ты на него злишься: потому что он нас не спонсирует или потому что хочешь быть им? — со смехом хлопает друга по плечу Бриджит.

— А кто не хочет? — хмыкает недовольный Санчес и тянется за пиджаком. — Только я убеждён, что деньги как навоз, и если не разбрасываться ими, то толку от них мало.

— Я не хочу ни быть им, ни его денег, — честно отвечает Джи. — Я знаю своего врага и подозреваю, откуда ждать удар, а с такой властью и деньгами, как у него, каждый второй — враг. Он же по улицам не ходит, выйти погулять не может, кукует у себя на ранчо, а по делам в окружении целой армии выезжает. Кто знает, сколько людей за его головой и финансами охотятся. Это притом не единственное зло, ведь представь, ты никогда не будешь уверен в том, почему с тобой дружат или встречаются. Я небогата, но я свободна, и чувства по отношению ко мне под вопрос не ставлю. Этого ни за какие деньги не купишь.

— Ты просто у меня романтичная, — широко улыбается подслушивающий их Карл и под улюлюканье остальных парней целует её в макушку.

Техника передвижения по городу у кортежа Наварро никогда не повторяется. Кристофер лично контролирует моменты выезда шефа в центр и строит кортеж каждый раз по-разному, чтобы запутать многочисленных врагов Наварро, которые не дают им спокойно дышать в его городе. Сегодня, убедившись, что встреча Гильермо закончилась, Крис наблюдает за тем, как шеф садится в один из трёх бронированных и абсолютно идентичных внешне роллс-ройсов-фантом. Первыми из квартала, где проходила встреча, на шоссе выезжают три бронированных джипа, в одном из которых с рацией наготове сидит сам Кристофер. Джипы, перекрыв движение двигающимся по шоссе автомобилям, останавливаются у бордюра, следом выезжают роллс-ройсы и ещё три джипа слева, сзади процессию замыкают два автомобиля. Шоссе — самое любимое место нападения, оно открыто, и надо постоянно быть начеку. Все автомобили замирают, ждут, когда кортеж построится, и только потом выдвигаются.

У Гильермо замечательное настроение, встреча прошла хорошо, и на сегодня по планам осталось только навестить семью погибшего капитана, на похороны которого он не успел. Приехав к дому покойного, Наварро долго сидит с вдовой в гостиной, с благодарностью пьёт сделанный ею кофе и ни на миг не отпускает её руку. Горе сильно подкосило женщину, которая даже говорить толком не может, только заливается слезами и продолжает шептать благодарность за визит. Наварро обещает ей, что не поскупится на помощь, в том числе, полностью оплатит образование оставшимся без отца детям в любом выбранном ими университете мира. Славящегося своей большой душой мужчину провожают со слезами и улыбками, и Наварро, только сев в автомобиль, в котором его ожидает Кристофер, выдыхает.

— Хотел уточнить, будешь куда-то ещё заезжать или нет, — проверяет планшет Кристофер.

— Бедная женщина, — не реагирует на его вопрос Наварро. — Теперь её время стать сильной, собраться и поставить на ноги своих детей. Жизнь пугает своей непредсказуемостью — сегодня ты планируешь семейный ужин, а завтра за твоим столом собираются те, кто пришёл проводить в последний путь эту же самую семью. Хотя не буду отрицать, что есть семьи, попрощаться с которыми не тяжело, — продолжает размышлять вслух. — Ты, кстати, никогда не задумывался о лицензии на убийство?

— Не совсем тебя понимаю, — честно отвечает Кристофер.

— «Тварь ли я дрожащая или право имею?», — с улыбкой цитирует Достоевского Наварро. — Окунувшись в трагедию этой женщины, я невольно начал размышлять о нравственности и праве на действия, которые выходят за пределы общепринятых норм. Те, кто заказал убийство её мужа, уверены, что сделали это во благо своей организации, в которую, к слову, входит огромное количество обеспеченных работой людей, которых они защищают. Поэтому я и спрашиваю, нарушишь ли ты моральные законы ради достижения высших целей или ты «тварь дрожащая»?

— Ты же знаешь, что нарушу, — коротко отвечает Кристофер и получает от Наварро довольную ухмылку. — В любом случае, думаю, твоя помощь семье погибшего не будет лишней, — продолжает. — Хорошо, что ты приехал.

— Я не мог не сделать этого, — массирует виски Наварро. — И моя благотворительность помогает не только тем, кто её получает, но и мне. Некоторые люди хорошие от природы, а некоторым приходится заниматься благотворительностью. Сегодня больше никаких встреч, хочу отдохнуть, посидеть в библиотеке, поэтому, как доедем, можешь быть свободен. Завтра с утра я хочу навестить «Обелиск», пора мне наведаться к нашему американскому другу. Люди чрезмерно расслабляются, если постоянно не напоминать им о контроле.

— Понял, заеду за тобой к девяти, — кивает Крис и покидает салон автомобиля.

Наварро приказывает шофёру выдвигаться, а сам предвкушает завтрашний день. «Обелиск» — один из первых проектов мужчины, и, пусть число последующих побед Наварро не сосчитать, именно этот занимает особое место в чёрной дыре, которую он называет сердцем.

Примечание к части

*Кенсингера — это традиционное празднование пятнадцатилетия девушки в Латинской Америке, символизирующее её переход из детства во взрослую жизнь. Событие обычно начинается с церковной церемонии, за которой следует большой праздник с семьёй и друзьями, где девушка наряжена в элегантное платье, танцует первый вальс и получает благословения.

*Тиа (исп.) — тётя. Тио — дядя.

Глава 3. Verde

Подозрения коллег Бриджит не оправдываются, и она только рада. Умом она и так понимала, что пока слишком молода, чтобы претендовать на кресло капитана, но в Колумбии, где каждый день гибнут полицейские, такое уже практиковалось. Нового капитана наркополиции зовут Алехандро Рамос, и у него внушительный послужной список. Капитан проводит знакомство в первый же день, и Джи нравится его заразительный позитивный настрой. Бриджит сдаёт оружие для рейда и, оставив только свой служебный пистолет, идёт в душ в участке. Она уже не успеет заскочить домой, а заявляться к Карлу провонявшей пороховым и потом не хочется. Сегодняшний рейд был по большей части для отвода глаз. Завтра наркоотдел планирует большой рейд в известный среди наркоторговцев клуб, и об этой секретной операции из-за страха, что информацию сольют, в участке знает только пара человек. Остальных вызвали якобы для патрулирования улиц. Джи рада, что проведёт вечер с любимым, который готовит божественно, и отправится на задание бодрой. У Карла её ожидает букет любимых роз и бутылка красного вина, она приезжает как раз вовремя. Ужин проходит замечательно, Карл щедро накладывает ей лепёшек с кукурузой и мяса с бобами. Они обсуждают новые места для проведения свадебной церемонии. Охмелевшие и расслабленные занимаются любовью прямо на диванчике в маленькой квартирке мужчины и только потом переходят в спальню. Карл сейчас временно работает в отделе статистики, и утром они, наспех позавтракав, отправляются на работу вместе. Во время обеда Бриджит уезжает в офис DEA на совещание и заодно доложить о предстоящем рейде. Она сомневается, что улов будет крупным, учитывая, что, даже если сам Венсан Лино будет там, его внешность им практически неизвестна. Руководителя DEA в Картахене зовут Уго Герреро, и Джи его безмерно уважает. Она вместе с коллегами внимательно слушает мужчину и делает новые пометки в своём блокноте.

— Он продолжает действовать из тени, избегает публичности и полагается только на доверенное окружение, — остановившись у стола, говорит Герреро. — Мы только и делаем, что получаем ложные сведения от наших осведомителей в картеле, берём его двойников и слушаем байки про пластические операции. Единственное, что мы знаем, и то, я не стал бы доверять этим сведениям, учитывая предыдущие провалы — это то, что его рост где-то 1,75-1,80 и он среднего телосложения.

— Каждый новый арестованный добавляет к мифу о его внешности новые сведения, а последний вообще утверждал, что мы гонимся не за тем полком, — нервно ерошит волосы Бриджит. — Вдобавок ко всему, картель специально направляет ложные сведения о том, кто именно является лидером, и каждый раз, когда мы арестовываем не того человека, это отвлекает нас от реального расследования. Я всё больше склоняюсь к тому, что Лино — это не один человек. Тем более даже Кастильо твердил на допросе, что его брат давно погиб.

— Ты веришь этому преступнику? — пристально смотрит на неё Герреро.

— Я верю фактам, а они таковы, что за столько лет нам не удалось даже на шаг приблизиться к Венсану Лино, что ставит под вопрос само его существование, — отвечает Бриджит. — Хотя, я думаю, стоит всё же уделить больше внимания версии, что Лино может быть на виду, а не скрываться. Вполне возможно, что он ведёт двойную жизнь — в одном окружении он обычный человек, может быть, даже уважаемая фигура, которую мы все знаем, а в другом — лидер картеля. Кастильо и, возможно, ещё парочка из его окружения — единственные, кто знает правду о нём. Реальные доказательства существования этого человека за пределами его окружения отсутствуют. Так что да, или он на самом деле давно мёртв, а картелем управляет третье лицо, или двойная жизнь.

— Вторая теория имеет право на жизнь, более того, я сам всё больше склоняюсь к ней, но немного под другим углом, — размышляет Герреро. — Он может быть просто одним из бойцов или командиров «Доминион», работать на благо картеля, но при этом даже его люди не будут знать, что ходят на задания плечом к плечу со своим боссом. Пока, в любом случае, никакой новой информации о главном наркоторговце страны добыть не удаётся, и мы полагаемся только на известные факты и интуицию.

Бриджит покидает офис вся в мыслях о своей главной одержимости и не замечает, как доезжает до участка. Она продолжает думать о словах Герреро, сопоставляет известные полиции факты и даже пытается мыслить как её враг. Основное оружие Лино — террор, и именно из-за этого так тяжело выбить информацию из любого члена картеля, которого может заполучить полиция. Свидетели или погибают, или предпочитают тюрьму, чем рассказать, как он выглядит. Лино жестоко расправляется с теми, кого посчитал предателями, и даже его шлюхи готовы пойти под суд, но и слова о нём не говорят, притом их не соблазняет ни полная защита, ни даже смена места жительства и такой желанный паспорт США. Умные люди знают, что у Лино везде есть шупальца, и здоровьем и жизнью не рискуют. Поэтому Бриджит опять смотрит на его фоторобот на доске в участке и обречённо вздыхает. Карл приносит запрошенные ею данные из отдела статистики, а потом долго не уходит, смеясь над шутками их коллеги Антонии. Джи, хотя этого не показывает, совсем немного парня ревнует. У Карла с Антонией своя атмосфера. Бриджит знает, что её ревность глупая, и она сама виновата в том, что вечно загружена работой, плюс ко всему, её характер не такой живой и яркий, но в то же время её расстраивает, что смех Карла — это то, чего ему не хватает рядом с ней. Карл наконец-то уходит к себе, а Джи, закончив собираться, отправляется к уже ожидающим её снаружи коллегам.

В клубе «Оазис» тусуется богатая молодёжь страны, что и делает его излюбленным местом наркоторговцев, сбывающих своё добро избалованным деткам. Рейд начинается с внезапного и скоординированного входа полиции в клуб. Бриджит, как и несколько других полицейских, вошла внутрь в штатском за пару минут для оценивания обстановки. Полиция блокирует все выходы из клуба, чтобы предотвратить побег или уничтожение доказательств, и делает громкое объявление через мегафон о начале рейда. Джи призывает всех посетителей оставаться на местах и не предпринимать никаких действий и кивает Санчесу, чтобы отправил людей для проверки туалетов. Сама Джи планирует заняться VIP-зоной. Они уже арестовывают парочку громко ругающихся девушек, у которых обнаружены пакетики с порошком, но Бриджит интересуется главным, тот, кто наркоту сюда и поставляет. По данным, имеющимся у полиции, в «Оазис» работает Хуарес — один из доверенных людей «Доминион», и если Джи

его поймают, то никто не помешает ей закрыться с ним в допросной, выключить камеры и выбить из него информацию о Лино. Арестованных всё больше, но они все дети — жертвы наркоторговцев, продавцов нет. Бриджит заканчивает осматривать VIP-зону, где бутылки на столиках стоят как её месячная зарплата, и, почувствовав на себе взгляд, поворачивается влево. Все в клубе стоят на ушах, полицейские раздражённые и напряжённые, посетители в панике и в страхе, и только он расслабленно сидит за столиком в окружении двух брюнеток и, обводя пальцем ободок стакана, в упор смотрит на Бриджит и напевает считалку про Кровавую Мэри.

— Вторую руку на стол, — поражённая его хладнокровностью и наглостью, приказывает офицер Хименес и достаёт пистолет. Полицейские рядом с ней сразу напрягаются, но следуют её примеру. Взгляд незнакомца настолько холодный, даже скучающий, что Джи это коробит. Он продолжает пристально смотреть на неё, а потом нарочито медленно достаёт из-под стола руку и кладёт её на стол. Вдох облегчения проносится по клубу.

— Документы, — подойдя к столику, требует Бриджит, а девушки, поднявшись, отходят в сторону.

Мужчина не двигается, постукивает пальцами по столу, и наглая ухмылка расплзается на его губах.

— Так, ладно, встал, — потеряв терпение, хватая его за ворот кожанки Джи, но мужчина сбрасывает её руку и сразу же оказывается впечатанным лицом в стол. Бриджит шарит руками по его карманам и, достав документ, вчитывается:

— Рауль Ортега, двадцать восемь лет, проверь, — Хименес кидает удостоверение Санчесу, и тот сразу достаёт планшет.

— Я не разрешала двигаться, — снова вжимает его грудью в стол Джи, не видит, как тот довольно скалится. Бриджит обычно не привержена излишней жестокости при аресте, но есть в этом мужчине нечто отталкивающее, заставляющее девушку жаждать разбить его лицо.

— Всё нормально, — выкрикивает через толпу Санчес, и девушка, нехотя отпустив его, делает шаг назад. Засунуть бы в кутузку хоть на сутки, стереть бы с его лица эту ухмылку.

— Это Прада, а ты распорол, — недовольно разглядывает рукав кожанки мужчина.

— Новую купишь.

— Я пожалуюсь на вас, офицер, вы были жестоки ко мне и, главное, необоснованно, — толкается языком за щёку Ортега.

— Флаг тебе в руки, я полномочий не превышала, — зло отвечает ему Бриджит.

— Пусть мне это ваш капитан скажет, а вы принесёте извинения, — кривит рот мужчина и, в последний раз скользнув взглядом по ней, идёт к стойке.

Улов большой, но все они — клиенты, и Джи от раздражения пинает колесо своего доджа. Очередной бессмысленный рейд, и бесит, что её коллеги даже этому радуются, когда, по сути, никого из торговцев не поймали.

Лино тем временем сидит на заднем сиденье гелендвагена, уносящего его в ночь, а на коленях лежит пострадавшая кожанка от Prada.

— Почему мы не знали про рейд? — спрашивает он сидящего впереди помощника Чапо.

— Я уже решаю вопрос с нашим источником.

— Не решай, а замени его, — приказывает Лино. — Хорошо, что я просто выпить зашёл и документы были при мне. Заодно выясни для меня всё про девчонку-офицера, которая меня обыскивала. Фамилию и имя не знаю.

— Убрать? — оборачивается к нему Чапо.

— Нет, она меня унизила, хочу поиграть с этим хомяком, посмотреть, когда её бег по колесу остановится, — откидывается назад Лино. — Пусть сперва извинится, я запишаю этот её приказной тон ей в глотку, а потом сам её расчлению.

Самая большая проблема для Фелисии с самого утра — это ранний подъем. Поэтому она была счастлива, когда с третьего курса их занятия перевели во вторую смену. Сейчас же она должна быть на работе в девять, а значит, ей надо подниматься в семь, чтобы успеть привести себя в порядок, что важнее даже завтрака, а потом за полчаса, сменив два автобуса, добраться до офиса. Она, полусонная, чистит зубы, достаёт из шкафа одежду и долго причёсывается, пытаясь собрать волосы в гладкий хвост. С зеркала на трюмо на неё смотрят её детские фотографии, притом здесь не только фото из семейного архива, но и модельные. Джорджия водила её по рекламным агентствам, и, по словам матери, её съёмки тоже помогали им содержать семью в трудные времена. Несмотря на тяжёлое прошлое и нежелание о нём вспоминать, её фотки женщина сохранила. В полдесятого у Фелисии совещание с менеджером, поэтому она ещё в пути проверяет почту, в том числе новости и упоминания компании в СМИ и социальных сетях. Фелисия подчиняется Исае — пресс-секретарю принадлежащей Falcon Group строительной компании «Обелиск». Исаю, в свою очередь, отчитывается напрямую директору — заносчивому и страдающему от аллергии, притом, кажется, на всё, Джерому. Последний, к слову, не из местных, как говорят в офисе, Наварро специально пригласил его из США и платит ему в два раза больше, чем своим. Фелисия не собирается спорить с руководством, но Джерома, как и все остальные, не выносит. Джером ставит себя выше местных и не скрывает презрения, когда речь заходит о вузах, в которых они учились. Сам Джером закончил Стэнфорд и не упускает момента этим похвастаться.

Фелисии удаётся отсидеть совещание только за счёт горького кофе, прихваченного из автомата, и она, собрав папки, удаляется на своё место, чтобы до обеда составить отчёт об упоминаниях и настроениях вокруг компании и сделать анализ активности конкурентов в медиапространстве. Фелисия, как и все интерны, а также менеджеры низшего звена, сидит в офисе с открытой планировкой, где отсутствуют традиционные кабинеты и стены, разделяющие сотрудников. Она возвращается за свой стол, который через три стола от лифта, и, плюхнувшись в кресло, поднимает крышку ноутбука. «Хорошо, Яна на обед придёт, отвлекусь, а то сегодня совсем работать не охота», — думает про себя девушка, вбив в поисковик «Обелиск». Закончив с социальными сетями, Фелисия разминает плечи и, радуясь, что до обеда остался час, переходит к написанию текста для СМИ. Мария, которая отвечает за визуальный контент, устроившись на столе явно равнодушно к ней коллеги, снова громко рассказывает про поход в ресторан с девчонками, когда из открывшегося лифта вылетает один из «богов», как называют тех, кто сидит на верхних этажах и занимает более высокие должности, и выкрикивает:

— Босс здесь.

— Он всегда здесь, — зевает вышедший из кабинета в конце комнаты Исаю.

— Ты не понял, не американец, Наварро здесь!

— Ты шутишь? — у Исаи кровь отливает от лица.

По офису сразу проносится гул голосов, все второпях приводят в порядок столы, и Фелисия растерянно смотрит по сторонам.

— Да расслабьтесь, он, небось, к Джерому приехал, сюда не сунется, — пытается успокоить и себя, и сотрудников Исаю.

— На всякий случай будьте готовы, иногда гуляет, — предупреждает гонец и возвращается в лифт.

Все, забыв про работу, теперь начинают обсуждать Наварро, точнее, сколько у него денег, как хорошо он выглядит и что нужно сделать, чтобы получить повышение. Фелисия возвращается к работе, потому что планирует закончить всё быстро, а потом до конца рабочего дня поискать в онлайн-магазинах себе новые кроссовки. Она поднимается за ещё одним кофе, только в этот раз добавляет в него молока и сахара, и только возвращается к своему столу, как двери лифта разъезжаются, и вокруг наступает не присущая опенспейс тишина. Её нарушает выле-

тевший из своего кабинета Исаия, который, чуть ли не спотыкаясь, идёт к Джерому и остановившемуся рядом с ним мужчине.

— Горячий, — первое, что пронзает мысли Фелисии.

Мужчина рядом с Джеромом высокий, подтянутый, его холодный взгляд наделён особой силой и харизмой и сразу притягивает внимание. У него чёткие черты лица, скульптурная линия челюсти и полные губы. Наварро выглядит намного моложе, чем на газетных фотографиях, но глаза возраст выдают. Они у него глубокие и пронизательные, излучают спокойствие и уверенность, но в то же время — холод и неприступность. Он словно может прочитать человека насквозь, не выдавая ни единой эмоции. Его тёмные волосы слегка зачёсаны назад, что придаёт образу некую строгость. По Фелисии табуны мурашек от одного взгляда на него расползаются. На Наварро чёрный костюм, состоящий из пиджака, сшитого по фигуре, и безупречно сидящие брюки прямого кроя, немного зауженные к низу, подчёркивающие его длинные ноги. Фелисии кажется, если она не отвернётся, то начнёт капать слюной на бумаги. Не её лига. Ничья лига.

Исаия отвечает на вопросы гостя, и даже голос Наварро завораживает. Наварро проходит мимо столов, легонько улыбается здоровающимся с ним сотрудникам и проходит взглядом и по Фелисии. Абсолютно безразличный бесцветный взгляд. Лис, привыкшую к повышенному вниманию, это даже задевает, потому что ровно так же Наварро на кактус в углу секунду назад посмотрел. Девушка опускается в кресло, утыкается лицом в бумаги и старается больше не смотреть вслед мужчине, идущему к кабинету Исаи. Мужчины закрываются в кабинете, следом за ними заходит секретарша Исаи, и Фелисия жалеет, что не подала на её должность, ведь могла бы оказаться к нему поближе. Она собирается вернуться к работе, но, заметив, что на часах уже время обеда, в отличие от остальных, прилипших к стульям, встаёт. Фелисия уже получила сообщение от Яны, и та ждёт её внизу с сэндвичами. Да и потом, это законное время Фелисии на обед, и она не будет, как её коллеги, трястись за своим столом, ожидая, когда главный покинет здание.

Она натягивает на себя пиджак, забирает со стола картхолдер и телефон и, заметив вышедших из кабинета мужчин, решает дождаться, когда они покинут здание. Наварро проходит мимо, Фелисии в нос бьёт запах потрясающего парфюма. Жаль, его о бренде не спросить. Девушка так и мнётся у стола в ожидании, когда они уже спустятся, и вздрагивает, услышав:

— Ты вниз собиралась?

Фелисия, как в замедленной съёмке, оборачивается на голос и, хлопая ресницами, смотрит на стоящего уже в лифте Наварро.

— Да, я потом спущусь, — шумно сглатывает девушка, в которую впились взгляды всех присутствующих.

— Почему потом? Мы тоже вниз едем, — говорит Наварро тоном, которому не подчиниться не вариант.

Фелисия под ошарашенными взглядами сотрудников и, главное, Исаи проходит в лифт и сразу прилипает к стене с противоположной стороны. Джером нажимает на кнопку, продолжает рассказывать Наварро об инновациях, а Фелисия, чьи лёгкие обжигает его парфюм, запрещает себе дышать. Наварро к ней интереса больше не проявляет.

Дверцы открываются на нужном этаже, Фелисия думает, босс выйдет первым, но мужчина отступает и, легонько улыбнувшись, пропускает её вперёд.

— Спасибо, — бурчит совсем потерянная девушка.

— Пожалуйста.

Фелисия так и остаётся в холле, наблюдая за тем, как Наварро выходит наружу, где стоит охрана, и садится в роллс-ройс, и только потом выбегает следом.

— Ты не поверишь, что случилось, — подлетает девушка к стоящей у пальмы с бумажным пакетом Яне.

— Я подозреваю, меня даже к лестнице не пустили, охрана, как у президента, — чешет голову Яна.

— Ты его видела? — Фелисия перевозбуждена, и у неё язык заплетается.

— Нет, он же окружён своими был.

— Чёрт, Яна, он ахуенный! Он мне сказал «пожалуйста», прикинь? — чуть ли не прыгает на месте девушка.

— Ты с ним говорила? — очередь Яны удивляться.

— В лифте вместе спустились, — идёт с подругой к скамейке Фелисия. — Он такой роскошный, от него так пахнет, он прям мужчина, знаешь! Мужчина, — делает глубокий вдох девушка.

— Ты чего? — обеспокоенно смотрит на неё подруга.

— У меня колени дрожат, и грудь заходится, — в доказательство прикладывает ладонь к груди Фелисия. — Я не смогу функционировать, как дальше работать, я просто в шоке от него. Меня снесло волной его харизмы.

— Только не говори, что влюбилась в своего босса, — закатывает глаза Яна.

— Не влюбилась, а может, и влюбилась, короче, я поняла, мне нужен такой мужик, и похуй на этих мальчишек, по которым я убиваюсь, — открывает банку с колой Фелисия. — Рядом с таким можно умереть от приступа. Какой он властный, какой дикий, все сразу потеряли значимость.

— Ликси, милая, вернись к своим мудакам лучше, не лезь туда, — хохочет Яна, доставая шоколадный батончик, — и вообще, он тебе в отцы годится.

— Ты так говоришь, будто он во мне заинтересовался, — уже понуро говорит Фелисия. — И он молод, ему немного за тридцать.

— Как тебе мало надо, чтобы втюриться, — качает головой Яна. — Не предлагаю шоколадку, там арахис. Подохнешь ещё.

— Я всё равно есть не хочу, аппетит пропал, а ты кончай соблазнять меня батончиками, зная, что у меня аллергия, — убирает сэндвич обратно в пакет Фелисия. — Я теперь об этой поездке в лифте до конца жизни не забуду. Вот бы ещё приехал, ну, разочек.

— Лис, это Гильермо Наварро, спустись на землю.

— Да я и так на земле, но что плохого в том, что я могу фантазировать о таком красивом мужчине, — мечтательно говорит Фелисия.

— У таких, как он, не все дома, зачем тебе отношения, из которых нельзя выйти?

— серьёзно смотрит на неё Яна.

— Во-первых, кто в своём уме будет из них выходить, это же Наварро! Во-вторых, к чему ты? Ты что-то знаешь? — хмурится Фелисия.

— Я знаю одно, что у богачей свои причуды, и часто они все шизики, — хмыкает Яна.

— Да по-любому мне ничего с ним не светит, я парней своего уровня отталкиваю, не то что его, — бурчит Фелисия.

Просидев с подругой ещё полчаса, она возвращается в офис и сразу попадает под перекрёстный огонь, где все пытаются выяснить, как прошла её поездка в лифте и что говорил Наварро. Фелисия честно отвечает, что ничего он ей больше не говорил, и возвращается к докладам. Хорошо, что работы много, так время пролетает быстро. На часах уже пять, осталось ещё часок потерпеть, и можно будет поехать домой. Фелисия слишком эмоционально вымотана, чтобы идти сегодня на танцы, поэтому планирует завалиться в кровать с чипсами и каким-нибудь эротическим фильмом.

— Народ, — выйдя на середину комнаты, привлекает внимание сотрудников Исяя. — Все вы знаете, что «Обелиску» десять лет в эту субботу, и обычно в этот день наш щедрый босс дарит нам премии, но, так как в этом году юбилей, будет ещё и вечеринка для сотрудников.

Довольный гул пронесётся по залу.

— Вечеринка в субботу, на яхте, собираемся у причала в семь! — продолжает Исая, и все, забыв про работу, начинают восторженно обсуждать предстоящий праздник.

— А идти всем обязательно? — спрашивает одна из сотрудниц, подойдя к Исае.

— В субботу мы с мужем планировали поездку за город.

— Вы можете не пойти, но этим вы оскорбляете чувства руководства, которое проводит вечеринку для вас, поэтому обдумайте своё решение хорошо, — заявляет Исая.

— Блин, мне надеть нечего, — единственное, о чём думает Фелисия, и параллельно гуглит, что надеть на вечеринку на яхте.

Поняв, что, если она пойдёт, придётся шопиться, она теперь проверяет баланс своих карт. Исая неустанно отвечает на многочисленные вопросы по поводу вечеринки, и к нему даже присоединяется спустившийся вниз Джером. Фелисия, отослав боссу данные, поднимается, чтобы собраться домой, и внезапно задумывается. Допустим, она всё же потратит деньги, купит новый наряд и пойдёт на вечеринку, но смысл это делать, если Наварро там не будет? Все остальные лица, которые она увидит на яхте, она и так видит каждый день. Плюс, ещё придётся выслушать недовольства отца, который терпеть не может любой вечерний досуг дочери, и лучше использовать разрешение для клуба на уик-энд, чем на вечеринку с коллегами.

— А сам Наварро там будет? — всё же рискнув, спрашивает Исаю Фелисия.

— Тебе это зачем? — выгибает бровь Исая.

— Просто, если его не будет, можно не появиться. Откуда он узнает, что кто-то не пришёл? — говорит как есть Фелисия.

— Десять лет — это не шутки, думаю, он будет, лучше не рисковать. Хотя ты интерн, и, если ты тут остаешься и так не планируешь, можешь не приходить, — говорит Исая.

— Не можешь, — отрезает Джером. — Ты здесь работаешь, получаешь оплату, так прояви уважение к месту, которое тебя приняло.

— Ладно, пойду, чего так грубо, — бурчит ошарашенная его резкостью Фелисия и возвращается к столу за вещами.

Вдыхая остывающий к вечеру воздух, девушка плетётся к остановке и, прислонившись к столбу, ждёт свой автобус. Впереди её ещё ждёт разговор с родителями, и если маму уломать труда не составит, то с отцом придётся постараться. Решив хотя бы до дома отвлечься от разъедающих её мыслей, девушка достаёт из рюкзака «1984» Джорджа Оруэлла и перечитывает пару случайных страниц. Фелисия читала эту книгу три года назад, а сейчас, перечитывая, осознаёт, что очень многое тогда упустила. Хотя с книгами всегда так — одна и та же книга, прочитанная в разный период жизни, способна оставить противоположные впечатления.

«Массы никогда не восстают сами по себе и никогда не восстают только потому, что они угнетены. Более того, они даже не сознают, что угнетены, пока им не дали возможности сравнить».

Конечно, Фелисия делает выводы на своём уровне, но даже так она понимает, что способна подтвердить эту цитату своим примером. Пока Фелисия не знакомилась с чем-то новым, не понимала, что можно лучше и больше, она была полностью довольна своей жизнью. Возможно, это палка о двух концах, и некоторые сами выберут сидеть в темноте, чтобы не нарушать душевный покой и не стремиться за пределы зоны комфорта, что тоже неплохо. Это, как в случае с Яной, которая рассказывала, что её знакомый, уехавший на учёбу на другой материк, отказался возвращаться и решил остаться там. Фелисия тогда не понимала, что там такого, если и здесь этот парень жил неплохо. Потом Яна объяснила ей, что, по словам знакомого, его уровень жизни в новом месте такой же, как и в Колумбии, но другой вопрос, что там люди чувствуют себя защищёнными властью, и, более того, там нет постоянных войн наркокартелей и такого количества криминала на улицах. Фелисии этого до конца не понять, ведь она с рождения страну не покидала и где-то даже убеждена, что все остальные страны живут так же, как и они, но сейчас, перечитывая эту фразу, она думает, что, возможно, всё же ошибается. Пока

человеку не выпадает возможность сравнивать, он всем доволен, так, возможно, порой лучше, чтобы она никогда и не выпадала, не сеяла в душе хаос, и не важно, что в итоге она может привести к просветлению. Захлопнув книгу на своей остановке, Фелисия пешком добирается до дома и, забыв про Оруэлла, снова думает о лифте.

Впечатления не отпускают девушку, она летает в своих мыслях и в душе, переодеваясь, прокручивает в голове те пару минут в лифте и убеждается, что хочет снова увидеть Наварро. Фелисия даже пытается найти в интернете, что именно за парфюм был у мужчины, чтобы заказать его и себе, но, учитывая, насколько она плоха в распознавании запахов, по описаниям она так ничего и не находит. Девушка не унывает, решает на днях заскочить в парфюмерный и понюхать все люксовые парфюмы. Когда она спускается на ужин, родители сразу замечают, что Фелисия отстранённая.

— В чём дело? На работе проблемы? — первой спрашивает её Джорджиа, накладывая ей риса с курицей, пока отец листает газету.

— Что? — не расслышав вопрос, переспрашивает рассеянная девушка, и женщина его повторяет.

— Нет, просто к нам сегодня Наварро приходил, все на ушах стояли...

— Наварро? — моментально убирает газету отец.

— Да, это же его компания, и вот он пришёл, походил, и мы были в шоке, — рассказывает Фелисия.

— У тебя всё в порядке? Твоей работой-то он доволен? — обеспокоенно спрашивает Пабло.

— Пап, он даже имени моего не знает, — смеётся Фелисия. — Думаю, всё в порядке, просто его визит — большое событие. А ещё у нашей компании юбилей в субботу, и он в честь этого организовывает вечеринку на яхте.

— Тебе там нечего делать, — сняв очки, поднимается на ноги мужчина.

— Пабло, — нахмурившись, смотрит на него Джорджиа.

— Я на него работаю, и наши говорят, что нельзя не пойти, мол, это некрасиво, вечеринка же для сотрудников, — Фелисия ожидала подобной реакции от чрезмерно опекающего её отца, но всё равно злится.

— Ты слишком молода ещё, чтобы по яхтам шастать! — Пабло непреклонен.

— Папа, это же не какая-то развратная тусовка, а корпоратив! — возмущается Фелисия. — Мне уже не десять, перестань душить меня своей заботой!

— И что теперь? — багровеет мужчина. — Ты у нас большая и будешь шляться по яхтам?

— Да что плохого в яхтах? — разводит руками Фелисия.

— Там опасно, наркотики, случайные связи, всё там плохо! Знаю я, что на яхтах происходит и что богачи творят, — нервно ходит по комнате Пабло.

— Поменьше Нетфликс смотри! — не знает, смеяться или возмущаться на его слова, Фелисия.

— Ликси, доченька, ты просто мастерица притягивать неприятности, и только последние года два мы живём спокойно, — немного успокаивается мужчина. — Ничего страшного не случится, если ты скажешь, что занята или не хочешь на эту вечеринку. Уволят? Найдём тебе новую работу. Возьму тебя хоть к себе.

— Я не хочу, пап, ты мне учёбу обеспечил, практически все хотелки реализовал, а «Обелиск» — единственное место, куда я устроилась сама, пусть пока только интерном, — возмущённо говорит Фелисия. — Я понимаю твоё беспокойство, но и тебе нужно понять, что я уже выросла, и я могу отличать чёрное от белого.

— Не можешь, доченька, ты слишком чиста для этого мира, и если я сказал, что вечеринки на яхте — не для тебя, то значит, так оно и есть, — не сдаётся мужчина.

— Пабло! — восклицает Джорджия, устав наблюдать за спором родных. — Перестань её запугивать и дай ей выбор.

— Ты даже не знаешь, где твоя старшая дочь, а уже почти десять часов! — выпаливает Фелисия, возмущённая его словами до глубины души.

— Алисия, в отличие от тебя, может о себе позаботиться.

— Твоя чрезмерная опека меня душит!

— Она обоснована, ты притягиваешь внимание!

— Я не виновата, что я родилась такой! — пытается не разреветься от обиды девушка. — Может, в комнате меня запрёшь? Прикуёшь к ножке кровати, и буду там сидеть?

Мужчина выдерживает паузу, трёт свой лоб, заставляя присутствующих мучиться под давящей тишиной, и снова идёт к столу.

— Хорошо, я сам тебя отвезу, там же подожду и заберу, — тяжело опускается на своё место Пабло.

— И чтобы весь офис надо мной угорал? — кривит рот Фелисия. — Оставь мне хоть каплю уважения. Мне нравится эта компания, я мечтаю, чтобы они взяли меня в штат, и моё отсутствие на юбилее мне в этом не поможет. Все другие родители гордились бы тем, что их ребёнок работает в таком месте, а ты со дня начала моей практики только изводишь меня.

Отец на это уже не отвечает и, бурча под нос ругательства, идёт наружу, выкурить сигару. Фелисия, чьё настроение пробило дно, уткнувшись взглядом в свои руки, думает о несправедливости, с которой вынуждена сталкиваться.

— Ты же знаешь, что он любя, — обнимает её со спины Джорджия.

— Знаю, но менее обидно мне не становится, — утирает нос девушка. — Я, может, и расстраивала его в прошлом, делала глупости, связывалась не с теми людьми, но это просто корпоратив, и он не может запретить мне погулять там.

— Он и не запрещает, он просит быть осторожной, — гладит её волосы женщина. — Мы живём в городе картелей, а ты привлекаешь внимание. Ты не знаешь, но были случаи, когда отцу приходилось решать проблемы за твоей спиной. Они всё ещё есть.

— О чём ты? — поворачивается к матери девушка. — Кто-то ещё был, кроме «Доминион»?

— Не произноси это название в доме, — оглядывается на дверь женщина, надеясь, что муж не услышал.

Когда Фелисии было пятнадцать, она начала замечать, что по дороге в школу за ней ездит один и тот же автомобиль. Как только она рассказала про это дома, отец начал отвозить и забирать её из школы, но уже спустя неделю автомобиль исчез. Родители не рассказали ей, как они решили этот вопрос, но она встряса всё из Алисии, которая сказала, что на неё запал один из главных в картеле «Доминион», а следили за ней его люди. На вопрос Фелисии, как папа всё уладил, сестра сказала, что он откупился, и не забыла отметить, что благодаря младшей они «обнищали». Уже спустя несколько лет Фелисия узнала, что папе пришлось отдать «Доминион» один из своих складов, и взамен они пообещали, что Фелисии от них угрозы не будет. Так и было, ведь все последние годы девушка спокойно разгуливает по городу, и больше каких-то конкретных угроз в её сторону не наблюдалось.

— Ты же знаешь, эти изверги не ставят разницу, не смотрят ни на возраст, ни на пол, и было такое, что ты привлекала внимание и других опасных людей, — продолжает Джорджия. — Нам повезло, что твой отец — достаточно известная личность, и у него есть возможности им сопротивляться, но это не значит, что нужно лезть на рожон. Его страх за тебя обоснован. Многие в этом городе мечтают заполучить себе красивую куклу, но я в тебя верю и знаю, что ты не позволишь им испачкать себя.

— Я всё равно пойду на вечеринку, потому что она будет охраняться. Да её сам Наварро проводит, а его и картели боятся! — заверяет мать девушка. — Кто посмеет заявиться к тому,

кому принадлежит город, или покуситься на его работника? Даже «Доминион» перед ним никто.

— Хорошо, — целует её в лоб женщина. — С утра мы купим тебе крутой наряд, чтобы все твои коллеги давились слюнями.

— Обожаю тебя.

Родители поднимаются к себе, чтобы лечь, а Фелисия остаётся в гостиной и бездумно щёлкает пультом. По телевизору ничего интересного не показывают, да и сидеть уже особо желания нет, поэтому Фелисия тоже поднимается, намереваясь пойти спать, как слышит звон ключей снаружи. Поняв, что вернулась сестра и, учитывая её безуспешные попытки попасть в замочную скважину, она не совсем трезвая, девушка идёт открыть ей дверь. Алисия внутрь не заходит, а Фелисия, высунув голову наружу, видит, что девушка сидит на ступеньках и курит.

— Я еле сдерживаюсь, чтобы не запереть дверь изнутри, — ворчит Фелисия и, всё же выйдя на крыльцо, опускается на ступеньки рядом с сестрой. — Чего ты так рано? Рейды были, и тебя с проституткой спутали?

— Заткнулась бы, — забыв стряхнуть пепел, роняет его на свою еле прикрывающую её бедра юбку девушка.

— Неважно выглядишь, — Фелисия больше не язвит, сестра, пусть и пьяная, явно расстроена, да и размазавшийся макияж говорит о том, что она недавно плакала. — Тебя кто-то обидел? — двигается ближе девушка.

— А то что? — поворачивается к ней Алисия. — Моя младшая сестрёнка-куколка пойдёт и набьёт моему обидчику морду? — ядовито улыбается, но улыбка застывает на лице, когда девушка замечает, как хмурится младшая. — Прости.

Алисия на самом деле не хочет выливать свою злость на сестру, та просто попала под горячую руку, и кипящая внутри злость на всех и на себя решила обрушиться именно на неё.

— Так в чём дело? — привыкшая к её подколам девушка долго на словах старшей не заикливается.

— Мне позвонил местный бренд, я должна была у себя их уход для лица разместить, — не моргая, смотрит на пальму во дворе Алисия. — Мне бы заплатили, но на деньги плевать, главное, моё лицо висело бы на площади, но они передумали, — поджигает вторую сигарету. — Странно, знаешь, что, как бы ты ни старалась, если не дано, то не дано. Когда я была серой мышкой, мне все говорили: сделай внешность, будешь конфетка. Я сделала внешность, мне теперь говорят, мол, для рекламы нужно натуральное лицо. Моё натуральное лицо нахуй никому нужно не было! — сжимает ладони в кулаки девушка. — Порой мне кажется, что, даже если весь мир, кроме одного человека, будет называть меня иконой красоты, внутри я так и останусь уродливой девчонкой, ведь мне важно мнение каждого.

— Они идиоты, а ты никогда не была уродиной, — пытается поддержать сестру младшая.

— Ой, Ликси, не заливай, я была обычной! — смех Алисии переходит в кашель, но она всё равно снова затягивается. — Что получают обычные? Обычных мужиков, походы в супермаркеты для среднего класса, йогу в парке и кучку детишек, на образование которых надо откладывать из денег «на себя». Сейчас я красивая, но мужика с большими деньгами у меня всё ещё нет. Я хочу частный самолёт, особняки, яхты, путешествия, частного шефа и ничего не делать. Другие девчонки же это получают, чем я хуже? У нас хирург одинаковый!

— Может, ты просто перестанешь заикливаться на внешности, — пожимает плечами Фелисия. — Мы живём в прекрасном городе, у отца есть возможности устроить тебя, куда хочешь. Придумаешь себе дело для души, а любовь сама тебя найдёт. Ты же только и делаешь, что ходишь по этим тусовкам, где шатается сброд, выставляешь себя как товар, и, если у мужиков меняются вкусы, ты сразу меняешь внешность. Ты не какой-то гаджет, который надо постоянно обновлять, а личность. Перестань жить только для того, чтобы соответствовать чужим стандартам красоты. Это оскорбительно.

— Сказала та, кто может заполучить любого мужика в этом городе, — смеётся Алисия. — Прекрасный город? Ликси, ты живёшь в мыльном пузыре и смотришь на то, как его стены переливаются радугой. Этот город — дыра, высасывающая из людей души, тут правят наркотики и секс, и ты должен поставлять одно из двух, если хочешь жить лучшей жизнью. Мир за пределами твоего пузыря ужасен, и мне тебя очень жаль. Искренне жаль, ведь однажды он лопнет, и тебе будет очень больно. Я помочь тебе не смогу.

— Ты пьяна, вот и философствуешь, нет никакого пузыря, и да, плохого тоже хватает, просто я выбираю видеть хорошее, — хмыкает Фелисия.

— В том-то и дело, что ты и при желании плохого не увидишь, — нервно усмехается девушка. — Я выхожу из дома и ныряю в стаю пираний, ты выходишь из дома и собираешь печенье, конфеты, улыбки и любовь. Поэтому тебе не понять, каково это — пытаться подняться наверх, не имея твоих возможностей, когда тебе и стараться не надо, всё само идёт в руки.

— Ты загнула, я постоянно стараюсь, — зевает Фелисия. — Да и вообще, у нас всё одинаково, но ты хочешь чёрт знает кого — императора, короля, Наварро, в конце концов?

— Причём здесь он? — мрачнеет Алисия.

— Ну, тебе же мужик его уровня нужен, ты вечно охотишься за миллионерами и на их тусовки попасть пытаешься.

— Было бы неплохо, но я мыслю трезво, хотя и бухая в стельку, так вот он точно не для меня, — закидывает зажималку в сумочку Алисия. — Я просто хочу быть настолько красивой, чтобы не было отбоя от предложений, все голову сворачивали. Я знаю девчонок, которые просто есть, и им дарят подарки, делают предложения, возят отдыхать в Европу и оплачивают все нужды. Я столько денег потратила на внешность, но все, кто мне попадается, или жлобы, или только с виду при деньгах.

— Может, теперь стоит начать тратиться на внутренний мир? Сделать себя интересной не только внешне? — предлагает Фелисия. — Я где-то слышала, что красота является проблемой в двух случаях: когда её нет или когда нет ничего, кроме красоты. Ты, сестрёнка, второе.

— Хочешь сказать, я тупая? — легонько бьёт её локтем в бок девушка. — Поверь, в нашем мире эти высокопарные слова про «надо уметь предлагать что-то ещё, кроме красоты», не рабочие. Я знаю столько тупых девчонок, которые два слова связать не могут или чей внутренний мир весь состоит из баночек для ухода за кожей, но мужикам плевать на это. Они готовы платить только за красивую обёртку.

— Тогда я не знаю, чем тебе помочь, — вздыхает Фелисия. — Я знаю, к примеру, чем я отталкиваю парней. Тебе нужно узнать, в чём твоя проблема.

— Твои парни просто идиоты.

— Спасибо.

— Хотя их сложно судить, — усмехается Алисия. — Мне, как твоей сестре, тяжело, учитывая, какая ты, им тоже нелегко быть с той, кто становится центром мира, стоит где-то с тобой появиться. Люди не любят быть вторыми.

— Всё у тебя ещё будет, но завязывай с пластикой, ты правда красотка, — улыбается сестре Фелисия.

— Моя маленькая Ликси-Пикси, как же мне тебя жаль, — утыкается лицом в её плечо Алисия. — Прости, пожалуйста, прости меня.

— Ты пьяна, женщина, — обнимает одной рукой её младшая.

— Всё равно прости.

— За что?

— За то, что твоя сестра такая идиотка.

— Пойдём, я уложу тебя, — поднявшись, протягивает ей руку Фелисия.

— Вечеринка на яхте? — встречает босса на борту «Ареса» Кристофер. — Ты и так отличные бонусы раздаёшь, зачем? — не может скрыть недовольство мужчина, пока Наварро, пройдя на палубу, опускается на мягкий диван. Он снимает пиджак, вытягивает длинные ноги и, подняв взгляд на остановившегося рядом Кристофера, ледяным тоном спрашивает:

— С каких пор я свои решения с тобой обсуждаю?

— С тех, что ты объявил о ней за день, и я должен обеспечить твою безопасность. Ты не оставил мне времени на подготовку, — не может скрыть беспокойства Крис.

— Я в тебе не сомневаюсь.

— Так с чего это, выйдя из «Обелиска», ты решил закатить вечеринку? — не отстаёт Кристофер.

— С того, что меня интересует одна конкретная гостья, но её смутит, если я приглашу её одну, — усмехается Наварро, продолжая думать о красивой блондинке, — Пусть будет вечеринка.

— Интересно, кого ты там встретил, что решил выйти из тени, — размышляет вслух Крис.

— Беллу, — прикрывает веки Наварро, мысленно возвращаясь в лифт.

Как только дверцы разошлись на нужном этаже — Наварро увидел её. Ему хватило одного брошенного мельком взгляда, чтобы по сосудам вместе с кровью начал расплзаться так им любимый и недостающий азарт охоты. Его желание только распалось, когда девушка оказалась рядом с ним в тесном помещении, и Наварро пришлось приложить максимум усилий, чтобы продолжать изображать интерес к словам Джерома и не думать о том, что он может попробовать девчонку прямо здесь. А попробовать хотелось до стирающего границы дозволенного желания, хотя у Наварро все они стёрлись давно, а тот, кто бы мог их установить, так в Картахене и не родился. Наварро себя и свои инстинкты не осуждает, ведь красота девушки, которую он встретил в «Обелиск», безупречна и даже нереальна. Её кожа светлая, как фарфор, и на этом идеальном полотне разбросаны веснушки, напоминающие лёгкую россыпь звёзд и придающие её облику невинность, которую так сильно хочется окунуть в грех. Белые волосы, мягкими волнами падающие на плечи, словно светились изнутри, и Гильермо не сомневается, что, когда зароется в них пальцами, на его коже останется переливающийся блеск. Наварро много лет работает с драгоценными камнями, но красоте этой девчонки никакая огранка не нужна, она уже совершенна и слепит своим светом. Находящийся в вынужденной спячке инстинкт охотника наконец-то проснулся, и Наварро не даст ему снова уснуть, пока не заполучит манящую его добычу.

— Твой заказ здесь, — отвлекает его от мыслей Кристофер и кивает одному из мужчин на палубе. Через минуту к ним в сопровождении охранника идёт красивая блондинка лет двадцати. Девушка сразу же опускается на колени рядом с диваном и прикасается губами к костяшкам руки Наварро.

— Хорошая девочка, — подцепив пальцами её подбородок, внимательно рассматривает её лицо Наварро, а потом поглаживает длинные высветленные волосы и пропускает их сквозь пальцы. Никакого блеска, звёздной пыли на ладонях и даже намёка на желание. Весь голод в Наварро словно разом умолк, ушёл на дно в ожидании главного блюда, и он выберет его, а не станет поглощать всё, что мало-мальски отвечает его вкусам.

— Сделаю всё, что пожелаете. Я докажу, что лучше меня нет, — подставляется под ласку девушка, отлично знающая свою работу.

— Всё, что пожелаю? — Наварро оттягивает за волосы её голову назад и наслаждается покорностью на красивом лице.

— Для вас что угодно, — в немом благоговении смотрит на него блондинка.

— Даже умрёшь за меня? — выгибает бровь Наварро, а Кристофер заметно напрягается. В глазах девушки сперва заметно лёгкое замешательство, которое сразу же сменяет страх, будто

бы слова, сказанные ей, не сразу обрели смысл. Наварро продолжает пристально смотреть на неё, продлевает пытку молчанием и наслаждается её состоянием. Девушка, не зная, что на это ответить, шумно сглатывает и, поймав на лице мужчины улыбку, наконец-то расслабляется.

— Я не позволю такому прекрасному созданию умереть, — убирает руку с её волос Наварро. — Но ты можешь порадовать меня по-другому, — вкрадчиво продолжает и смотрит на стоящего чуть поодаль вооружённого охранника. — Доставь ему удовольствие, докажи, что ты и правда лучшая.

Тень сомнения ложится на лицо блондинки, но она быстро понимает, что это приказ, а раз её работа на эту ночь подчиняться, то выполнит она её блестяще. Она поднимается на ноги, идёт к мужчине на палубе и, стоит тому убрать оружие, опускается перед ним на колени. Спустя пару минут блондинка уже усердно выполняет своё задание, а вошедший во вкус охранник, придерживая её за волосы, сам толкается глубже в горячую глотку.

Кристофер, который так и не получил приказ отойти, сильно сжимает челюсть, никак не привыкнет к тому, что шлюхи Наварро готовы даже подохнуть от его руки. Наварро их не убивает, более того, его щедрость сполна компенсирует всё, но у него весьма специфичные вкусы, и те, кому удаётся попасть в его постель, выходят оттуда уже отдалённо напоминающими человека, но при этом по-прежнему боготворят его и мечтают о второй ночи. Кристофер уже всерьёз беспокоится, что скоро шлюх своему боссу придётся завозить. А это та ещё головная боль, учитывая, сколько формальностей с каждым, кто переходит во владение Наварро. Даже во временное. И всё это делается для сохранения безупречности имени Наварро. Гильермо свои поступки оправдать и не пытается, ведь для этого нужен хоть кто-то, кто стоял бы на его уровне, но он утверждает, что тёмная сторона есть у каждой личности. «У всего в мире есть цена, и раз я обладаю особым даром её устанавливать, то и оплатить её для меня труда не составляет». Не важно, что Наварро творит за закрытыми дверями, как выпускает наружу своих демонов, он делает слишком много добра, чтобы кто-то, даже Кристофер, посмел осуждать его действия. Кристофер и не собирается, он отлично выполняет свою работу и делает всё, чтобы жители этого города, которые причисляют Наварро к святым и поклоняются ему, не допускали и мысли, что он ломает и трахает их детей.

— Я думал, я выбрал ту, кто полностью соответствует твоему вкусу, — Кристофер старается не смотреть на откровенную сцену, разыгрывающуюся прямо на палубе.

— Всё нравится и всё кажется идеальным, пока тебе не выпадет возможность сравнивать, — усмехается Наварро. — Что мне до этой шлюхи, если я встретил сегодня ангела, — забрав со столика стакан виски, поднимается на ноги мужчина. — Сделай девочке хороший подарок, всё, что она пожелает, не обижай её, она так усердно старается, — кивает на блондинку и скрывается в каюте.

Бриджит приезжает на работу с места убийства. В квартале произошла перестрелка между мелкими наркоторговцами, и Джи сперва завернула туда, но, быстро поняв по найденному на месте убийства товару, что это не из поставок интересующих её картелей, покинула место преступления. Она проходит сперва на кухню в участке, наливает себе кофе и, сделав глоток, выливает содержимое стакана в раковину.

— Фильтры, что ли, не сменили? — спрашивает девушка у идущего к холодильнику Санчеса, а тот просто пожимает плечами.

— Кофе тут вечно дерьмовый, — забирает из холодильника бутылку воды Бриджит.

— Шеф хочет тебя видеть, — отвлекает парня влетевшая на кухню Елена, секретарь капитана.

— Рамос? — удивлённо смотрит на девушку Бриджит, и та кивает.

Джи под сочувствующим взглядом напарника выходит в коридор. Быть вызванной на ковёр капитана сразу же после его назначения — ничего хорошего не сулит. Джи на ходу про-

бегаются по последним заданиям, пытается вспомнить, оплошала ли она, но, так ничего и не найдя, стучит в дверь. Стоит девушке переступить порог, как она ошарашенно смотрит на расположившегося напротив капитана мужчину, которого она лично обыскивала при рейде в клубе.

— Вы хотели меня видеть, — переводит внимание на капитана Бриджит, уже подозревая, о чём будет разговор.

— Присаживайся, — кивает на кресло рядом с мужчиной Рамос, и Джи опускается в него. — Господин Ортега прибыл утром в участок для составления жалобы лично на тебя...

— Я могу всё объяснить, — подсказывает на месте Джи и сразу же умолкает под холодным взглядом капитана.

— По его словам, во время обыска в клубе «Оазис», где гражданин отдыхал, ты превысила полномочия. Я позволил себе смелость, пригласил господина Ортегу к себе, решив, что, возможно, вы сможете уладить недомолвки, и до официальной жалобы не дойдёт, — размеренно рассказывает Рамос. — Я только получил это кресло и не хочу начинать свою работу с беспредела, который, оказывается, творят мои подчинённые.

Ортега кивает на слова капитана и продолжает безучастно вертеть меж пальцев ручку.

— Мы уже конфисковали видеозаписи и всё тщательно просмотрим, но господин Ортега настаивает, что ты применила насилие, была с ним груба и даже нанесла ему физические увечья, — заканчивает свои мысли Рамос.

— Он лжёт! — цедит сквозь зубы Джи и прожигает улыбающегося ей мужчину взглядом.

— Не лгу, — подскочив на ноги, оттягивает ворот футболки мужчина и показывает синяк на плече. — Я рабочий человек, я зашёл пропустить по стаканчику, пофлиртовать с барменшей, в итоге со мной обращались, как с мусором. Она так сильно приложила меня о стол, что у меня теперь синяк. Я думал, полиция нашего города защищает нас — мирных граждан, но, оказывается, она сама сеет насилие!

— Капитан, ничего такого не было, — уже осторожно говорит Бриджит, прекрасно понимая, как дорого ей может обойтись наличие жалобы в её деле. — Я просто обыскала его и, возможно, сказала лишнее.

— Господин Ортега, если офицер Хименес принесёт вам извинения, вам будет этого достаточно? — спрашивает гостя Рамос. — Вы, конечно же, можете подать и официальную жалобу.

— Извинений будет достаточно, я человек не мелочный, — хмыкает Ортега.

— Судя по тому, что ты сюда припёрся, и не скажешь, — не сдерживается Джи.

— Офицер Хименес! — зло смотрит на неё Рамос.

— Простите, капитан.

— Подождите нас в приёмной, пожалуйста, вам предложат кофе, — обращается к гостю капитан, и Ортега, встав на ноги и напевая под нос детскую считалку, идёт на выход.

— Слушай меня внимательно, девочка, — обращается к офицеру Рамос. — Захочет, чтобы ты поцеловала его в задницу, поцелуй, потому что ты одна из самых перспективных кадров у меня, а жалоба в твоём деле означает, что ты вылетишь из программы DEA в ту же секунду. Они, в отличие от нас, не умеют договариваться, — намекает на то, как местные правоохранительные органы закрывают глаза на то, что им невыгодно. — Так что иди туда и сделай всё, чтобы этот наглый ублюдок ничего не написал.

— Его историю снова пробивали? — спрашивает Бриджит. — В «Оазис» дурь или покупают, или продают. Вряд ли он туда только выпить зашёл.

— Проверяли, — кивает Рамос. — Мелкий бизнесмен, торгует компьютерной техникой, несколько магазинов по всему городу. Чист как стёклышко, приводов не было.

Джи, поняв, что наглеца не прижать, нехотя соглашается с капитаном и, выйдя в коридор, смотрит на флиртующего с другой офицершей мужчину. Бриджит делает глубокий вдох и, подойдя к явно очарованной Ортегой девушке, просит оставить их наедине.

— Ну что, Хомячок, будешь извиняться? — с ухмылкой смотрит на девушку Рауль. — Кстати, кофе у вас дерьмовый, как ты его пьёшь?

— Меня зовут Бриджит Хименес, и прежде, чем требовать уважения, научитесь его выказывать, — цедит сквозь зубы девушка.

— Ты мне его уже в клубе выказала, — темнеет взгляд мужчины.

— Приношу извинения за то, что, возможно, была груба при обыске, но я делала свою работу, — прочистив горло, говорит Джи.

— Не верю, — хмыкает Ортега и скрещивает руки на груди.

— Простите? — с недоумением смотрит на него Бриджит.

— Извиняйся от сердца, чтобы я чувствовал, пока я ничего не чувствую, — качает головой Рауль.

— Прошу прощения за то, что была груба и случайно нанесла вам синяк.

— Уже лучше, но тоже не то, — цокает языком Ортега.

— Слушай сюда, — схватив его за ворот, тянет на себя Джи, и в зале наступает гробовая тишина. Девушка ловит обеспокоенный взгляд Карла, и только потом пальцы на чужом вороте расслабляются. Ортегу её срыв ничуть не беспокоит, он всё так же нагло разглядывает её лицо и, кажется, даже веселится.

— Ты мне нравишься, — в подтверждение её мыслей скалится Ортега. — Такая смелая, принципиальная, непроходимая скала, аж кровь будоражишь. Прощаю.

— Я провожу вас до лифта, — выдохнув, говорит Бриджит.

— Это меньшее, что ты можешь сделать, синяк-то болит, — усмехается Рауль, проходя к лифту.

Джи нажимает на кнопку, злится, что лифт в самом низу и ей приходится торчать с этим хамом лишние минуты.

— Слушай, я же помочь могу, — вдруг задумывается Ортега.

— Чего? — поворачивается к нему девушка.

— Я техникой торгую, разный сброд вижу, кое-что знаю, кое-что могу узнать, — говорит Ортега. — Информатор не нужен? Вы же им неплохо платите.

— Нет нужды, — отмахивается Джи, мечтающая больше никогда не видеть этого мужчину, иначе она точно поддастся соблазну, вмажет ему и вылетит из полиции.

— Могу бесплатно помочь, дай номер, что увижу — сообщу, — не отстаёт Рауль.

— Думаю, номер полиции ты и так знаешь, — продолжает бить по кнопке Джи.

— Да чего ты такая угрюмая и хмурая, расслабься, ну, — хлопает её по плечу Рауль и, поймав разъярённый взгляд, демонстративно руку убирает.

— На первом этаже тебе пробьют талон для парковки, и лучше больше не попадайся, — криво улыбается ему Бриджит и радуется, что лифт прибыл.

— Если что, обращайся, я правда помогу, — протягивает ей руку Рауль, Джи долго на неё смотрит, но свою в ответ не тянет.

Ортега проходит в лифт, напевая «Беги от двери ведьмы Мэри, запрись и потеряй ключи, а коль во сне увидишь Мэри, умри, но только не кричи», и прислоняется спиной к стене. Бриджит, которую пробирает ознобом из-за жуткой считалочки, поднимает глаза на мужчину и замечает, что по мере того, как дверцы закрываются, его взгляд меняется. Джи может поклясться, что из лифта на неё смотрел уже другой человек. Его глаза горели огнём, скрывающим за собой нечто необузданное и готовое вырваться наружу. Джи сама не поняла, почему её напугало проскальзывающее в чужом взгляде безумие. Самое плохое, что, поддавшись первобытному страху, Джи зародившееся на дне чужих зрачков предвкушение разрушения так и

не разглядела. Она ещё долго стоит перед лифтом, пытаясь совладать со странным впечатлением, оставленным Раулем, и только потом возвращается к своему столу и теперь сама напевает приставучую считалочку.

Лино оставляет машину в переулке за три квартала от участка, пересаживается в ожидающий его эскалад и никак не может перестать улыбаться. Какая же Хомяк забавная. По стандартному сценарию — её голову уже должны были найти в канаве, а тело перед её домом, но Венсану внезапно слишком интересно, и казнь он откладывает. Снова.

— Джи. Я буду звать её Джиджи-Хомячок, — говорит мужчина, всё никак не переставая думать о девушке-офицере.

— Ты о чём? — спрашивает его играющий в игру на телефоне Кастильо.

— О Хомячке. Почему у меня никогда не было хомячка? — задумывается Лино. — У нас есть тигры, бегемоты, даже вон павлина заграбастали, а такое очаровательное создание не приобрели. Нужно срочно купить мне хомячка! — восклицает мужчина.

— Отец, ты обкурился с утра? — выгибает бровь Кастильо.

— Бинни, малыш, себя надо радовать, — ерошит его волосы Венсан. — На этом этапе моей жизни меня радуют только хомячки, посажу парочку в клетку, а самого крупного на цепь.

Глава 4. Indigo

Пабло вроде бы и отошёл после разговора о яхте, но всё равно ворчит и косо поглядывает на дочь и супругу, пока они обсуждают аксессуары к наряду девушки. После работы они заехали в торговый центр и выбрали Фелисии новый образ, от которого она в восторге. Её светлые волосы, эффектно контрастирующие с тщательно подобранным нарядом, убраны назад, но пара прядей красиво обрамляет её лицо. На Фелисии стильное платье цвета шампанского на тонких бретелях, и она, прислушавшись к маме, ещё добавляет к образу золотую цепочку и пару колец. Девушка не хотела чрезмерно наряжаться, учитывая, что всё-таки это не вечеринка с друзьями, а корпоратив, и считает, что справилась с задачей отлично.

— Ты слишком красивая, этот мир тебя снова обидит, и я себе этого не прощу, — всё-таки не сдерживается Пабло, и Фелисии приходится приложить усилия, чтобы не расстроиться от слов отца и не пойти на вечеринку с красными глазами.

— Пап, я же обещала, я больше тебя не расстрою, поэтому не переживай, — заверяет его девушка. — Как вечеринка закончится, я приеду, и не забывай, что я работаю в серьёзном месте, а сотрудников Falcon нельзя обижать.

— Я помыл машину, бак полный, — под строгим взглядом супруги протягивает дочери ключи мужчина. — Будь осторожна, а если выпьешь — позвони, я сам приеду тебя забрать.

— Хорошо, — улыбается ему Фелисия и, забрав телефон, идёт к двери, в которую входит Алисия.

— Надо же, так нарядилась, будто давать едешь, — смеяет её оценивающим взглядом девушка.

— Алисия! — услышав дочь, багровеет Джорджиа.

— Ну, а чего она так вырядилась? — хмыкает Алисия. — Точнее, для кого?

— Для себя, — отрезает Фелисия. — Пьяной ты мне больше нравишься, сестрёнка, но моё настроение тебе не испортить. И сильно не злись, сиськи сдуются, а они недёшево стоят.

— Уж лучше я потрачусь, чем быть доской, как ты, — кривит рот девушка. — Будь осторожна, клоунесса, — уже без злости добавляет.

— Спасибо, стерва, — подмигивает ей Фелисия и выходит прочь.

Фелисия без пробок добирается до порта, оставляет автомобиль на платной стоянке и идёт за парнями, работающими в её отделе. Она знала, что вечеринка на яхте, но теперь, смотря на неё, понимает, что и не думала, что она такого огромного размера. Это уже не яхта, а целый

корабль. Яхта со сверкающим белоснежным корпусом пришвартована прямо у берега и медленно качается на тёмных волнах. Фелисия с восхищением рассматривает судно и ждёт, когда люди впереди неё пройдут на борт.

— АРЕС, — успевает прочитать название, выбитое на борту яхты, девушка и, наконец-то подав руку, поднимается на мостик.

Оказавшись на борту, Фелисия ищет глазами знакомые лица и, медленно пробираясь через веселящихся людей, идёт в сторону общающегося с двумя девушками из бухгалтерии Исаи. Во всём, что окружает имя Наварро, есть элементы роскоши, и его яхта не исключение. Мраморные поверхности, стеклянные перегородки, мягкие диваны и шезлонги, приглушённое освещение — всё показывает уровень жизни её хозяина. На палубе установлены круглые столы с белоснежными скатертями и высокими свечами. Лёгкий ветерок доносит до девушки приятный шум моря, а на языке оседает солоноватый вкус. На вечеринке играет диджей, чередующий современные треки с классическими хитами. В какой-то момент, будучи в пути, Фелисия подумала, что, несмотря на её усилия, всё равно выглядит чрезмерно для корпоратива, но сейчас, наблюдая за гостями, она понимает, что могла бы постараться и получше. Тут и успешные бизнесмены, и модели, и известные личности, играющие немаловажную роль в жизни города. Мужчины, в основном, одеты в элегантные костюмы, а женщины практически все в вечерних платьях. Все общаются, смеются, наслаждаются атмосферой и попивают дорогое шампанское или коктейли. Наварро нигде не видно, но Фелисия не расстраивается, пусть она и пришла из-за него и даже наряд выбирала для него, она знает, что в его присутствии расслабиться не получится, и даже рада. Она берёт с подноса проходящего мимо официанта бокал шампанского и, подойдя к Исае, здоровается с его спутницами. Пообщавшись с ними пару минут, Фелисия переключается на парня из отдела закупок и даже пританцовывает под любимый трек. С момента, как она ступила на палубу, она ловит заинтересованные взгляды от представителей обоих полов и, осмелев, даже думает, что, возможно, ей удастся с кем-то познакомиться, хотя пока сильно её никто не интересуется. Мама пишет, спрашивает, как у неё дела, и Фелисия отправляет ей селфи на фоне развлекающихся гостей. Она возвращается к Исае, по пути убирая телефон в карман, и, заметив, как мужчина перешёптывается с девушкой, оборачивается по направлению его взгляда и видит его.

Наварро проходит на борт в компании очень симпатичного, судя по бегающему по сторонам взгляду, телохранителя и молоденькой девушки, которая, возможно, чуть старше Фелисии и выглядит, как греческая богиня. Но Фелисии она не интересна, как и внезапно потерявшие все лица гости, она смотрит только на него, ловит каждое движение взглядом. Наварро одет в элегантный тёмно-серый костюм, который подчёркивает его потрясающую фигуру. Идеально выглаженная белоснежная рубашка красиво контрастирует с лёгким загаром мужчины, на его запястьях блестят запонки с драгоценными камнями, а его массивные часы Фелисия даже при желании не разгадает, потому что это, скорее всего, бренд, который не на слуху у простых смертных. Волосы Наварро, как и тогда, в офисе, зачёсаны назад, открывая вид на красивое лицо. Он останавливается у первого столика, здоровается с подходящими к нему людьми, а девушка рядом с ним со скупающим видом попивает шампанское.

Весь оставшийся вечер потерявшая в одночасье покой Фелисия только за ним и наблюдает. Она пытается прятать взгляд, но не получается, она всё время ищет его глазами, потому что не смотреть на Гильермо Наварро невозможно.

Фелисия, привыкшая, что центром внимания обычно является она сама, на время превращается в одного из своих обожателей и, попав в сети притягивающего взгляды мужчины, выбираться не планирует. Наварро выделяется на фоне всех остальных, хотя тут много успешных людей, парочку Фелисия даже узнала по газетам. Этот мужчина совсем другой. И аура вокруг него совсем другая — одновременно пугающая и безумно влекущая. Фелисии хочется

нырнуть в этот омут, и уже сейчас она понимает, что из него можно не вынырнуть. С Наварро именно так. Переступив черту — обратную дорогу сотрёшь.

Пусть внимание Фелисии поглощено одним человеком, она всё так же привлекает чужое. Фелисия привыкла к таким взглядам, она знает, что природа наградила её потрясающей внешностью. И первый раз она ловит взгляд Наварро, когда привлекает внимание сама. К ней подходит мужчина лет сорока, открыто улыбается, и, когда представляется, Фелисия узнаёт фамилию, которая принадлежит семье знаменитых в стране банкиров. Мужчина, которого зовут Хорхе, спрашивает, как девушку занесло сюда и чем именно она занимается. Фелисия, польщённая вниманием, отвечает, даже улыбается, оценив его шутку, и именно тогда она чувствует этот взгляд, пробирающий её до самых костей. Фелисия немного поворачивает голову и сталкивается с перекрёстным огнём. Наварро смотрит прямо на неё. Он не убирает взгляда, не смущается, не пытается скрыть, что смотрел. Он смотрит и продолжает смотреть, гипнотизируя её. И Фелисия уже не слышит, что ей говорит банкир. А потом резко всё заканчивается. Наварро теряет интерес, возвращает внимание своему собеседнику, а Фелисия растерянно кивает Хорхе, который, поняв, что он девушку не заинтересовал, отходит.

Фелисия, которая сама не знает, почему её так смутил чужой взгляд, слоняется по палубе. Она чувствует себя нашкодившим ребёнком, ведь Наварро не просто смотрел на неё с интересом, он словно показывал ей, что недоволен её поведением, и Фелисии от своих мыслей не по себе. Кульминацией вечера становится впечатляющий фейерверк, освещающий ночное небо над яхтой цифрой «десять» и отражающийся в воде. Гости аплодируют, восхищённо снимают видео на телефоны, чтобы сохранить этот момент как для себя, так и поделиться с теми, чью зависть они хотят вызвать.

Фелисия, которая уже со всеми знакомыми обменялась любезностями, откровенно скучает и, пройдя к бортику, опирается локтями об ограждение. Она смотрит вниз, на чёрную воду, чувствует лёгкое головокружение и думает, что не надо было допивать второй бокал. Вода словно разговаривает с девушкой, манит, и Фелисия наслаждается этим коротким покоем посреди всеобщего веселья.

— Если долго смотреть в бездну, то она в ответ начнёт смотреть в тебя.

Фелисия, даже не повернувшись, знает, кому принадлежит этот бархатный голос, а когда поднимает голову, видит остановившегося рядом Наварро. Девушка сразу выпрямляется, убирает с лица выбитые ветром из причёски волосы и пару секунд не знает, как ответить на его заявление.

— Цитируете Ницше, — наконец-то отвечает на его слова Фелисия и вызывает своим ответом довольную улыбку мужчины.

— Ты ведь работаешь на меня? — становится ещё ближе Наварро, и в нос снова бьёт запах его парфюма. Фелисии хочется думать, что внезапно превратившиеся в желе ноги не держат её из-за покачивающейся под ними яхты, а не из-за этого властного голоса и взгляда, копающегося в её душе.

— Да. Нет. То есть да, я работаю в «Обелиске», — с трудом взяв под контроль язык, отвечает девушка.

— Какая у тебя позиция?

— Я стажёр, но уже заканчиваю, — говорит Фелисия и замечает, как внимательно за ними наблюдают Ися и Джером. Судя по их испуганному виду, они, небось, думают, что девушка скажет что-то не то, что отразится и на них.

— Прости, не представился. Меня зовут...

— Знаю, — перебивает его Фелисия и прикусывает свой язык.

— Зато я не знаю твоего имени, — улыбается ей мужчина, скользит взглядом от лица к горлу, задерживает его на цепочке.

— Фелисия Лим, — машинально протягивает ему руку девушка, Гильермо сразу же её пожимает, но не отпускает. Фелисия смотрит на то, как её рука потерялась в большой ладони, сама её убрать не осмеливается.

— Необычное имя для Колумбии, но, надеюсь, пророческое, и ты на самом деле счастлива, — наконец-то убирает руку мужчина.

— Мама дала мне его, — смущённо улыбается девушка. — Сперва она хотела назвать меня Фелиз, но в итоге выбрала Фелисия, и я довольна.

Наварро пристально смотрит на её лицо, изучает, ищет изъян, хоть что-то, что отвратит, докажет, что идеальной красоты не существует, но в итоге растворяется в улыбке, из-за которой всё остальное вокруг меркнет.

— Хочешь остаться после или будешь двигаться дальше? — выгибает бровь мужчина.

— Остаться? Вечеринка уже заканчивается, я думала домой пойти...

— Я имел в виду в моей компании, — снова усмехается мужчина, и Фелисии хочется дать себе по лицу.

— Да, конечно, хотела бы, ваша компания — мечта любого, но я пока не знаю, это не от меня зависит, — тараторит девушка, чьё лицо заливают краской. — В любом случае, спасибо вам за возможность, для моего резюме практика у вас уже большой плюс.

— Это тебе спасибо, каждый человек моей компании мне важен, ведь без вас не было бы и её, — говорит Наварро. — Ты и твои коллеги помогаете создавать её имидж, стараетесь ради нашего общего процветания, я ценю это.

Фелисия замечает, что к ним идёт спутница Наварро, и, немного отодвинувшись, сама не знает почему, расстраивается. Она тоже блондинка, но ростом выше, а её потрясающе красивое лицо словно создано искусным скульптором. Фелисия рассматривает её наряд, состоящий из блузки с изящным вырезом и длинной летящей юбки, и задерживает взгляд на пальцах, усеянных дорогими кольцами. Наварро на неё даже не реагирует, только за Фелисией наблюдает, а когда блондинка, взяв его под локоть и приподнявшись, что-то шепчет ему в ухо, говорит:

— Хорошо, Алессандра, дай мне минуту.

— Приятно было пообщаться, — снова протягивает Фелисии руку мужчина, в этот раз девушка сама слишком быстро её выдёргивает, и Наварро не скрывает секундное недовольство на своём лице. — И не смотри долго в воду, она тоже умеет завидовать красоте, — добавляет мужчина и вместе с девушкой идёт к корме.

Фелисия не успевает перевести дух, как к ней подбегают Исаия и Джером и сразу же вываливают на неё уйму вопросов.

— Он просто спросил, кем я работаю, — честно пересказывает им их диалог Фелисия, опустив последнюю фразу мужчины.

— Интересно, — шурится Джером. — Для него все его сотрудники — безликие, он моё имя только с пятого раза запомнил. Зачем ему с тобой разговаривать? Ты даже не работаешь на него официально.

— Так у него и спросите, — бурчит Фелисия, не понимая, чего её шеф до неё докапывается.

— Ладно, надеюсь, ты ничего лишнего не сказала, — кивает Джером и отходит.

— Чего он ошетинился? — спрашивает у Исаи Фелисия.

— Да он вечно не в духе, а тут ещё его вниманием обделили, хотя он главный, и к тебе подошли, — смеётся Исаия.

— Он на всех так странно действует? — кивает в сторону стоящего к ним спиной Наварро Фелисия. — Ещё и с девушкой на вечеринку пришёл. Они что, встречаются?

— Я личную жизнь руководства не обсуждаю, но не думаю, — чешет голову Исаия. — Его с одной женщиной дважды редко встретишь, законы ему не писаны. А девушка рядом с ним — известная модель, неужели ты её не узнала?

— Восхищают люди, которым безразлично чужое мнение, — вздыхает Фелисия. — Мне показалось знакомым её лицо, но теперь вспомнила, что видела её в Инстаграме.

— А ты сделай себе столько денег и имя, тебе тоже будет безразлично, — хлопает её по плечу мужчина. — Наварро меняет спутниц постоянно, но я понимаю, почему эта красотка с ним не первый раз, — наблюдает за парой Иса.

Фелисия больше Исаю не слушает и следующие полчаса проводит, раздумывая о коротком диалоге с боссом. Когда она возвращается из туалета, то Наварро нигде не видно, и Фелисия, решив, что он уже покинул яхту, идёт к своим тоже попрощаться. Невыносимо клонит в сон, и непонятно, от шампанского или от того напряжения, которое она пережила рядом с мужчиной. Попрощавшись с коллегами до понедельника, девушка покидает палубу и, миновав мостик, оказывается на заставленном дорогами автомобилями берегу.

— Странно, это тот же роллс, который был у офиса, значит, он не уехал, — думает девушка, проходя мимо многочисленной охраны, каждый из которой провожает её заинтересованным взглядом, и идёт на парковку. По-хорошему, надо бы позвонить отцу, но Фелисия забирает из автомата на парковке банку холодного кофе и решает, что лучше она в пути придёт в себя, чем будет рассказывать папе о вечере.

Фелисии не везёт, родители будто бы нарочно не ложились, сидят в гостиной и, стоит ей зайти, устраивают допрос. Фелисия, которая на яхте не поела, а сейчас резко проголодалась, делает себе бутерброд и параллельно рассказывает про то, насколько роскошной была вечеринка. Про свой диалог с боссом она решает умолчать, чтобы лишний раз не нервировать отца, который злится из-за внимания мужчин к дочери.

Уже забравшись в свою кровать, Фелисия прижимает к груди подушку и вновь возвращается к их диалогу на яхте. Сомнений быть не может, Фелисия влюбилась в мужчину, который намного старше неё и который вряд ли будет смотреть на неё как-то по-другому, чем просто на сотрудника. Хотя она хорошо запомнила его слова об её красоте, но в то же время про неё говорят все. Фелисия всё равно предаётся мечтам о них, представляет, как бы красиво они смотрелись вместе, и сама от своих мыслей млеет. Она никогда ранее не встречала настолько сексуального во всех смыслах мужчину, которому словно было мало внешности богов, так он ещё и своей силой и харизмой завораживает. Фелисия понимает, что ей с разрывающими голову мыслями не уснуть, сдавшись, она раздвигает ноги и тянется рукой к белью. Плевать на то, насколько это жалко, но Фелисия будет ублажать себя и представлять, как Наварро прямо там же, на борту яхты, раздевает её и держит на грани срыва в пропасть. Фелисия пока не подозревает, что она уже добровольно шагнула в неё.

Гильермо сидит в кресле в тёмной каюте, широко расставив длинные ноги, и вертит в руке стакан виски. Каюту освещает только падающий с окошка на потолке лунный свет. Гости давно разошлись, снаружи тишина, которую нарушают только шаги охраны. Мужчина смотрит сквозь расстёгивающую перед ним свою блузку Алессандру и думает о другой блондинке, обществом которой он не насытился. Алессандра, закончив с блузкой и открыв вид на красивый кружевной бюстгальтер, жеманной походкой идёт к нему, юбка вторит каждому её шагу, ложась красивыми волнами, но Гильермо это не цепляет, он останавливает девушку коротким:

— Нет.

Она замирает на месте и покорно ждёт дальнейших указаний.

— На колени и ко мне, — хлопает по бедру Наварро, и Алессандра, чётко зная правила, опускается на пол и, нарочно виляя задницей, подползает к нему, едва не путаясь в ткани наряда.

Гильермо поглаживает её скулы, наматывает на руку её платиновые волосы, а сам представляет ту, чью руку жал на палубе. Хищник в Гильермо никогда не спал, но теперь она к нему прикоснулась, а значит, все мосты сожжены.

Алессандра потрясающе красива, Наварро знает цену товара, который греет его постель уже несколько ночей, и не жалеет ни о цента, потраченном на неё, но в то же время он уверен, что на красоту той, кто навестил его сегодня, всех его средств бы не хватило. Природа удивительна, ведь создала такое совершенство, и безнадежно глупа, запуская её в мир хищников без защиты. Хотя у ангела с веснушками защитник уже есть, осталось донести это и до неё.

Алессандра томно смотрит на мужчину, тянется к поясу его брюк, но Гильермо, внимательно наблюдающий за ней, внезапно хватается её за запястье и, приблизившись к лицу, мрачнеет:

— Под чем ты?

— Ни под чем, — паника проскальзывает в глазах девушки, она сразу же опускает лицо, с которого Гильермо всё и прочитал, и пытается отвлечь мужчину тем, что трётся о его ноги.

— Ты обдолбалась, хотя пришла чистой, — в этот раз уже нет и намёка на сомнения в голосе Наварро. Он рывком поднимается с места и, впечатав Алессандру спиной в стену, нависает над ней. Девушка не сдаётся, продолжает поглаживать его по груди, пытается отвлечь поцелуями, но Наварро ни на что не реагирует, у него во взгляде шторм бушует, и раз Алессандра переступила черту, то обрушится он на неё же.

— Это не то, что ты думаешь, — лепечет Алессандра, цепляясь за воротник его рубашки.

— У меня три главных правила, которые входят в пакет неразглашения, и ты ставила подпись под всеми, — сильнее сжимает её горло Гильермо, не реагируя на мольбу в чужих глазах. — Ты должна быть согласна на всё в постели, должна приходиться уже подготовленной и никаких наркотиков. Ты нарушила самое главное. Где ты взяла наркотики, если днём ты была чистой?

— Прости, пожалуйста, я не сдержалась, — с мольбой смотрит на него Алессандра, которая, пусть и поздно, но жалеет о своём поступке. Потерять благосклонность такого покровителя, как Наварро — дорогого стоит.

— Где наркотики? В туалете оставила? — даже мускул не дёргается на суровом лице мужчины.

— Больше нет, на мне ничего нет, — утверждает Алессандра, а Гильермо, развернув её лицом к стене, шарит сначала под подолом нетронутый юбки, а затем ощупывает грудь девушки под кружевом. Алессандра больно прикусывает губу, корит себя за неосмотрительность и уже знает, что Гильермо не переубедить.

— Интересно, — достав из её бюстгалтера маленький пакетик, рассматривает порошок Наварро.

— Прошу, Гильермо, прости, я облажалась, но я искуплю вину, накажи меня, скажи, что сделать, я сделаю, — хнычет обнимающая стену Алессандра, которая и правда готова на всё, лишь бы не стать очередной любовницей Наварро, а остаться последней.

Спать с Наварро — это не только получать щедрые подарки и вызывать зависть всей Картахены, но ещё по-новому открыть своё тело и то, что ей на самом деле нравится. После первой ночи с ним Алессандра получила порше, о котором мечтала, и обложку самого крутого модного журнала Латинской Америки, но не могла радоваться подаркам, потому что из постели она буквально выбиралась ползком. В первый раз весь день у неё ушёл на восстановление, а сидеть она практически не могла, но уже с наступлением темноты чуть ли не изнывала в ожидании звонка от охраны Наварро, лишь бы всё повторить. Ей не позвонили на следующий день, но уже спустя три недели она визжала от счастья и чуть не разнесла свою квартиру, когда ей передали, что Наварро хочет её видеть. Оказалось, Наварро дал ей время на восстановление, и Алессандра никогда не забудет его холодное «трахать измождённую дырку мне неинтересно».

Алессандра, которая балуется наркотиками последние три года и начинала именно для поддержания своей худобы, помнит об условиях, которые она подписывала перед заносчивым помощником Наварро и его телохранителем, но она не думала, что небольшая доза, принятая

на вечеринке, чтобы подготовиться к ночи, не ускользнёт от взгляда бизнесмена. Алессандра хотела прочувствовать кайф на всех уровнях, в итоге прочувствует только гнев того, кто ей такого не простит.

— Отпусти, я докажу тебе, что сожалею, — не сдаётся, трётся задницей о его пах Алессандра и радуется, когда Наварро вновь прикасается к юбке и, расстегнув её, рывком тянет вниз. Значит, шанс всё же есть, а Алессандра сделает всё, чтобы Наварро захотел повторить эту ночь.

Гильермо грубо разводит её ягодицы, продолжая с силой вжимать девушку в стену, и не даёт ей обернуться. Алессандра и не сопротивляется, что угодно, лишь бы утро она встретила в постели в этой каюте. Она выгибается, расслабляется в ожидании, что Наварро возьмёт её, а потом они, предаваясь страсти, забудут о неприятном инциденте, и, только почувствовав у входа не его член, девушка дёргается.

— Что ты делаешь? — оборачивается через плечо Алессандра.

— Даю тебе то, что тебе важнее твоих обязательств передо мной, — Гильермо вдавликает её лицом в стену, а сам внезапно проталкивает пакетик с порошком в её задний проход. Алессандра мало того, что в шоке от его действий, ей ещё и ужасно неприятно то, как грубо он это делает. Девушка пытается ему помешать, дёргается, но все её попытки безуспешны, потому что Наварро сильнее, и хватка у него мёртвая.

— Я же сказала, что испую вину, — уже с отчаянием в голосе говорит девушка. — Прекрати, он в меня не полезет!

— А я придерживаюсь иного мнения, — усмехается Гильермо и, протолкнув пакетик окончательно, отпускает девушку и идёт к креслу.

— Ты свободна.

— Гильермо, пожалуйста...

— Мне вызвать охрану? — выгибает бровь мужчина, и девушка, которой хватило нескольких ночей, чтобы понять, что с ним спорить не стоит, застёгивает юбку и поднимает с пола блузку.

— Прости меня, мне правда очень жаль, — опустив глаза, идёт к двери Алессандра.

— Я не уважаю людей, которые отдают контроль над своим разумом наркотикам, и даже мясо, которое я трахаю, должно уметь соображать, — бросает ей вслед Гильермо, а Алессандра, пряча слёзы обиды и унижения, скрывается за дверью.

Кристофер лично допрашивает Алессандру, а потом, проводив её со своим человеком, долго стоит на палубе, не решаясь зайти к боссу. Он винит себя в произошедшем и уверен, что Наварро думает так же. Кристофер, несмотря на то, что всё учёл и перепроверил, всё равно боялся непредвиденного инцидента, и, стоило ему выдохнуть, когда спонтанная вечеринка подошла к концу, как Алессандра сделала им всем такой неприятный сюрприз. Кристофер лучше всех знает, как Наварро относится к наркоманам, и уже представляет, как сильно он недоволен. Алессандра и его умоляла, просила убедить Гильермо, что она сожалеет, и дать ей второй шанс, но Кристофер честно сказал ей, что это невозможно. С Наварро всегда так — стоит оступиться, и он вычёркивает человека из своей жизни, и Кристофер не желает этого и себе. Работники Наварро убеждены, что Кристофер — его фаворит, и они, возможно, правы, ведь Наварро никого, кроме него, к себе не подпускает и очень редко общается с кем-то из своего штата напрямую, а не через него. Кристофер прошёл долгий путь, чтобы занять не просто нынешнюю должность, но и стать тем, кого Наварро держит при себе. Терять столько лет усилий из-за шлюхи, которая не смогла проконтролировать свой аппетит, будет очень обидно.

Кристофер попал к Наварро совершенно случайно. Он вышел на работу вместо пострадавшего в аварии кузена, который последний год работал личным шофёром тогда ещё только поднимающегося молодого бизнесмена. По словам Наварро, он доверял кузену Кристофера, поэтому, чтобы не тратить время на поиски и проверку нового, согласился на то, что, пока тот

проходит реабилитацию, его будет возить Кристофер. Кристофер тогда не подозревал, что его будущее так резко изменится благодаря его собственному трудолюбию и профессионализму. С первого дня он проявил себя ответственным и внимательным сотрудником, строго соблюдал правила безопасности на дороге и быстро адаптировался к многочисленным требованиям шефа. Кристофер после школы пошёл работать в продуктовую лавку дяди, а по вечерам зарабатывал участием в боях без правил. Он не видел другого будущего и был убеждён, что, как только заработает достаточно денег, откроет свой магазин и пойдёт по стопам родни. Наварро так не думал. Он оценил его спокойный, уверенный подход к работе и, даже после восстановления своего шофёра, не захотел брать его обратно к себе и предложил его должность Кристоферу. Последний сразу же от неё отказался, объяснив своё решение тем, что не будет отбирать хлеб своего кузена. Наварро на это усмехнулся и сказал слова, которые Кристофер выжиг на задворках сознания, но свой ответ не поменял: «Ты отвечаешь за другого человека? Ты уверен, что он поступил бы так же? Если уверен, то я тебя отпускаю. Если нет, то советую ещё подумать». Кристофер честно сказал кузену, что он его должность не возьмёт, и вернулся в лавку. Спустя неделю к ней подъехал Наварро и сказал, что уволил его кузена после того, как тот, вернувшись к своим обязанностям, первым делом доложил ему, что Кристофер у него воровал и подделывал чеки для бухгалтерии. Кристофер внимательно выслушал мужчину, а вечером получил подтверждение и от кузена, который в страхе перед его кулаком сам всё ему выложил.

«Нельзя судить людей по себе и ждать, что раз ты человек чести, то и твоя кровь будет такой», — первое, что сказал ему Гильермо, когда следующим утром Кристофер вышел к нему на работу.

Кристофер добросовестно выполнял свою работу, лично ездил по важным поручениям шефа, и возникшее между ними взаимное уважение постепенно переросло в своеобразную дружбу. Видя стремление Кристофера расти и развиваться, Наварро решил дать ему шанс и предложил за его счёт пройти курс повышения квалификации в одном из известных учебных центров безопасности. На этих курсах Кристофер изучал тактику охраны, психологию поведения, анализ угроз, навык управления ситуацией в условиях стресса. Также Наварро организовывал для него мастер-классы с опытными специалистами по безопасности и даже отправлял его на практическое обучение за границу, чтобы тот получил представление о международных стандартах.

Завершив обучение, Кристофер вернулся к шефу уже не просто шофёром, а личным телохранителем. Теперь его задачи включали не только безопасное передвижение, но и защиту Наварро от любых угроз. Спустя несколько лет успешной службы телохранителем, Наварро предложил ему стать главой службы безопасности. Кристофер всё ещё не согласен с методами своего шефа и не разделяет большинство его взглядов на жизнь, но свою работу любит и терять её не хочет. Тем более учитывая, что он под руководством Наварро перешёл черту, после которой в нормальную жизнь уже не вернуться. Поняв, что от ответственности не уйти и лучше всё же зайти к Наварро, пока он сам его не вызвал, Кристофер всё же идёт к каюте и стучится в дверь.

— Её проводили, — докладывает Кристофер размеренно пьющему виски в кресле Наварро. — Я ведь всё сделал по правилам, проверил её по твоему списку. Клянусь, когда она ступила на борт, она была чиста.

— У меня к тебе один вопрос: как она пронесла наркотики на яхту, если пришла она чистой? — постукивает ногтями по стакану Наварро.

— Наркотики она, скорее всего, пронесла на себе, — говорит Кристофер. — Мы не обыскивали твоих работников, была только рамка металлоискателя, через которую прошли все. Это тоже твоё распоряжение, чтобы не пугать их в день праздника, поэтому я не исключаю, что, даже если они были не на ней, их мог пронести кто-то из гостей.

— Выясни, если моя охрана или кто-то из моих работников толкает наркотики, я хочу знать этого человека в лицо, — приказывает Наварро, и Кристофер, кивнув, идёт к двери. На самом пороге он останавливается и оборачивается к мужчине:

— Я увидел её. И я понимаю, почему ты такой избирательный. Я буду ей заниматься? — ожидающе смотрит на босса.

— Нет, — отрезает Наварро. — Она не очередная из тех, с кем я провожу досуг и, стоит им мне наскучить, заканчиваю контракт. Я не лишу себя удовольствия и не буду делить её внимание ни с кем.

— Мне, значит, ничего не предпринимать? — не торопится уходить Кристофер.

— Забери у Джерома отчёт по её работе в «Обелиске», хочу посмотреть на её успехи. Будет грустно, если кроме красоты ей предложить нечего.

Кристофер уходит, а Гильермо, откинувшись назад, снова думает о Фелисии, из-за которой организовал вечеринку на яхте. В этой девочке грешная красота ювелирно граничит с совсем детской невинностью, и пачкать её своими привычными методами Гильермо не станет. Именно поэтому в их отношения он никого не впустит, а то, что у них они будут, он не сомневается. За столько лет жизни Гильермо не встречал никого, кем обладать хотелось настолько сильно, и дело здесь вовсе не в похоти. Ненасытное нутро Наварро рядом с ней молчало, ловило каждый вздох, взмах ресницами и смущённые улыбки. Даже те, что были адресованы не ему. Пусть ангел с именем, означающим «счастье», протянет ему руку, и Наварро даст ей на него гарантию.

Чёрные внедорожники, окружившие роллс-ройс, медленно подъезжают к входу отеля Caribe, и собравшаяся снаружи толпа радостно приветствует гостя.

Наварро выходит из автомобиля, кивком благодарит открывшего ему дверцу помощника, вызвав этим, казалось бы, обычным поступком очередной возглас толпы. Удивительно, что мир докатился до той точки, когда простые человеческие поступки вроде поблагодарить, придержать дверь или просто помочь что-то донести рассматриваются как акт героизма.

Журналисты сразу же выстраиваются в ряд, и все камеры и микрофоны уже готовы записывать каждое слово кандидата в сенат. Наварро сегодня проводит встречу с избирателями и нарочно выбрал для этого самый престижный и оживлённый район города — Бокагранде. На встрече присутствуют представители местного бизнеса, жители района, студенты из местных университетов и несколько ветеранов, пришедших поддержать его идеи.

Ответив ровно на три вопроса, Наварро приглашает всех внутрь отеля и обещает, что его выступление ответит на остальные.

Мужчина, от которого ни на шаг не отходит Кристофер, останавливается перед микрофоном, установленным в центре зала, и, поприветствовав собравшихся, не теряя времени, переходит к сути своей речи.

— Мы больше не можем мириться с тем, что картели держат нас в страхе и разрушают наши семьи, — говорит Наварро, окидывая взглядом аудиторию. — Каждая улица этого города заслуживает жизни без угрозы насилия. Я здесь, чтобы объявить: борьба с наркокартелями будет усилена. Мы примем меры, которые помогут нашей полиции и вооружённым силам добиться результатов.

Зал, затаив дыхание, слушает его слова. В голосе Наварро звучит непреклонность, которая и правда внушает надежду собравшимся. Он говорит о введении более строгих законов, об усилении сотрудничества с международными партнёрами и увеличении инвестиций в образование и социальные программы, которые помогут молодёжи найти свою дорогу вдали от теневых структур.

— Наша цель — процветание Колумбии. Я верю, что наш народ заслуживает лучшего будущего, где каждый сможет работать и жить в безопасности. Мы построим страну, где быть

честным станет выгоднее, чем идти по пути насилия и преступности. Я обещаю вам, если вы проголосуете за меня, то мои действия будут решительными, а намерения — неизменными.

Зал взрывается аплодисментами. Наварро улыбается им, кивая в ответ на поддержку, и понимает, что его слова нашли отклик.

Фелисия сидит на диване в гостиной, прижимает к груди подушку и, не моргая, смотрит на экран, на котором идёт прямая трансляция выступления Гильермо Наварро. Фелисия настолько поглощена мужчиной, что в третий раз игнорирует зовущую её с кухни мать, и женщина, пройдя в гостиную, уже собирается ругаться, как тоже зависает на экране.

— Мам, скажи, он же правда красивый? — спрашивает Фелисия, зная, что отец на работе, а значит, можно не шептать. Красоту Наварро отрицать невозможно, но при этом даже Фелисия считает её хищной. Несмотря на привлекательную внешность и харизму, есть в нём нечто, что не просто отталкивает, но и пугает, только первое всё равно выигрывает, манит Фелисию подойти ближе, когда надо бы увеличить расстояние.

— Дорогая, не надо на него смотреть, — ищет пульт женщина, намереваясь выключить телевизор.

— Почему? — первой дотягивается до пульта Фелисия и убирает его за спину.

— Он старше тебя на лет пятнадцать! А ты ещё и работаешь у него, — нахмурившись, смотрит на неё Джорджиа.

— Да это просто увлечение, — отмахивается девушка. — Мы же обсуждаем с тобой, какой Генри Кавилл сексуальный. А этот тоже очередной красавчик.

— От Кавилла, в отличие от этого, — кивает на экран женщина, — я опасности не жду. У этого больше шансов тебя заполучить.

— В смысле? — хлопает ресницами Фелисия.

— В смысле, что этот тебе зарплату платит, и вообще, вы живёте в одном городе, он может положить на тебя глаз. Откуда ты знаешь, что у него в голове и какой он вообще человек?

— Вы одержимы моей внешностью, — громко смеётся Фелисия. — Я понимаю, для каждого родителя его ребёнок лучший на свете, но, мам, вы уже утрируете. Поверь, не вся Картахена хочет заполучить меня, а те, кому удалось, даже бесплатно не берут.

— Ты у меня слишком чистая девочка, не распознаёшь пока в людях темноту, но поверь своей опытной матери, — уже мягко продолжает женщина. — Если я говорю, что от него веет опасностью, значит, так оно и есть. Поэтому перестань пускать слюни на того, кто тебе в отцы годится, лучше помоги мне на кухне.

Венсан сидит на бортике встроенного в нишу из гладкого камня джакузи, и всё его внимание на висящем на стене экране. Вокруг джакузи стоят небольшие стеклянные столики, на которых лежат свёрнутые белоснежные полотенца и стоят бокалы с шампанским. В воде позади него плескаются две красивые девушки, но их визги и общение не мешают ему внимательно слушать слова своего врага.

— Сукин сын разошёлся, — заходит в помещение Кастильо и, подойдя к джакузи, опускается на его бортик рядом с братом. Девушки сразу зовут его присоединиться, и Кастильо, не отрывая глаз от экрана, раздевается.

— Он развлекается, — Венсан позволяет одной из девушек, приподнявшись, массировать его плечи.

— Раздражает он меня, но красавчик тот ещё, — кривит рот Кастильо, устраиваясь в джакузи. — Был бы он девчонкой, я бы его трахнул.

— Следи за языком, — строго говорит ему старший. — И вообще, кто сказал, что он бы тебе дал? Ты не в его вкусе.

— Откуда знаешь? Вкусы ведь меняются, — устраивает на себе одну из девушек Кастильо.

— Я про него всё знаю, — тянется за бокалом Лино. — Даже его предпочтения в постели.

— Так давай его сломаем, — воодушевляется Кастильо.

— Он очень умён, ошибок не делает, а его псы тщательно за ним подчищают, — качает головой Лино. — При этом я знаю все его грехи, и за каждый по отдельности он сел бы на пожизненное.

— Не верю, что ты слабее, отец, — хмурится Кастильо.

— Кто сказал, что я слабее? — усмехается Венсан. — Он достойный противник, и нам нравится эта игра. Его можно было бы поймать на отмывании денег, на устранении конкурентов, но без вариантов, всё кристально чисто. Можно было бы поймать и на наркоте, и на педофилии, но этого всего за ним тоже нет. К сожалению.

— Одно твоё слово, я ему такую малолетку подложу, не устоит.

— Не подложишь, Бинни, ты вспылчив, но ты не умён, а он очень умён. Очень, — цокает языком Венсан.

— И что, будем стоять и смотреть, как он нас с грязью смешивает? — вскипает Кастильо. — Может, нам уже пора взбунтоваться?

— Пусть сотрясает воздух, слова не решают ничего, а будет лезть на рожон, займёмся, — Венсан поднимается на ноги и затягивает пояс на халате.

— Как скажешь, — зарывается лицом в роскошные груди девушки младший.

— Я тебя, конечно, балую, но на этот разврат смотреть не собираюсь, — поморщившись, идёт к выходу Венсан. — Лучше порадуй меня Хомячком, скучаю по ней, — говорит уже у двери.

— Отец, я ревновать буду, — со смехом оборачивается к нему Кастильо. — Да серая мышь твоя Хомяк. Пока ничего интересного. С америкосами связана, жду, когда мне сольют, какие именно у неё дела с ними.

— Не ревнуй, ты всегда мой номер один, — улыбается ему Венсан. — Но и Хомяк хороша. Слишком хороша.

Венсан продолжает думать об офицере Хименесе, хотя уже прошли сутки с их встречи, и признаёт, что очарован её принципиальностью. Продажных копов в системе очень много, Венсан сам знает большую их часть в лицо, но очень хочется, чтобы эта не продавалась, чтобы не испортила изначальное впечатление. Хотя, чтобы заставить её бегать по колесу, Лино денег не пожалеет. А потом застрелит.

— В этом городе четыре власти — президент, конгресс, верховный суд и мы. Нам, в отличие от первых трёх, свою власть нужно постоянно подтверждать, поэтому объясни мне, куда смотрят твои сикарио? — поднимает глаза на стоящего перед ним мужчину Лино. Сегодня с утра Лино по поручению главного по одному общается со своими командирами, и его уже утомили постоянное сидение в кресле и голоса этих мямлящих мужиков. — Почему, несмотря на кампанию террора, которую мы ведём, тараканы вылезли из щелей и продолжают рейды по нашим объектам?

— Это ничего не значит, я уже готовлю ответку, тебе не о чем переживать, — пытается убедить босса Чапо.

— Подвесь этого жирного ублюдка из министерства юстиции днём, пусть знают, что Лино в темноте не прячется, — приказывает Венсан.

Чапо покидает кабинет, а Венсан тянется к толстой папке на столе, которую оставил брат, и снова пролистывает её. Он просматривает досье, которое успел выучить наизусть за утро, и, убрав его в стол, поднимается на ноги. Венсан не любит себе отказывать, и раз ему так сильно хочется ещё раз увидеть смелую девчонку из полиции, то он её навестит, а ради этого даже

пойдёт в место, куда добровольно не сунется ни один преступник. Венсану, несмотря на его, казалось бы, бурную жизнь, видимо, совсем скучно, раз он решил, что ему не хватает мыслей о чрезмерно самоуверенной офицерше. В то же время Венсан себя знает, и, раз ему хочется поиграть с очередным человечком, который возомнил, что закон превыше всего, он это сделает. В конце концов, Хименес, как и все остальные, ему быстро наскучит, ведь люди склонны глотать свои принципы, когда им это не выгодно. Венсан опустит лезвие гильотины и на её шею, но пока ещё немного изведёт её. Из всех человеческих качеств именно идеализм раздражает Венсана больше всего. Хименес, несмотря на горький опыт своих предшественников и среду, в которой обитает, всё ещё предана высоким идеалам и стремится к возвышенным целям. Венсан обожает окунать таких, как она, в лужу их же крови, ведь в мире, где правят оружие и наркотики, нет места вере — не важно во что. Больше причин для его интереса к жалкой офицеришке нет.

Венсан приезжает к участку на такси и, выйдя из автомобиля, разминает плечи и подставляет лицо под тёплые лучи солнца. Офицер Хименес вполне может быть на задании, но Лино до вечера некуда торопиться, так что он может и подождать. Он говорит в приёмной, что пришёл к Хименес, и, получив пропуск, поднимается вверх. Бриджит в зале не видно, хотя офицер в приёмной звонил ей и подтвердил, что она в участке. Лино прогуливается по залу, улыбается симпатичным офицерам и, получив замечание, опускается на стул в коридоре. Спустя минут пять к нему идёт явно недовольная офицер Хименес, и Лино, подскочив на ноги, протягивает ей руку. Джи, скрипя зубами, её пожимает.

— Это не проходной двор, чего тебе надо? — недовольно спрашивает Хименес, проходя к своему столу, Лино от неё не отстаёт.

— Хочу доложить о преступлении, — плюхается на стул напротив девушки Лино.

— Я распоряджусь, чтобы после сегодняшнего тебя в участок не пускали, — откинувшись назад, смотрит на него Джи. — Докладывать о преступлении можно, набрав полицию по телефону.

Ортега её будто и не слушает, он, бормоча под нос уже знакомую Бриджит считалочку, озирается по сторонам, когда его взгляд замирает на доске, с которой на него смотрят фотороботы самых разыскиваемых преступников.

— Это что за урод? Почему такое фото страшное? — кивает Лино в сторону доски.

— Не суй свой нос куда не надо, — цедит сквозь зубы Джи и подзывает стоящего у двери офицера. — Проводите гражданина Ортегу до выхода, убедитесь, что он покинул участок.

— Да постой ты, — возмущается Венсан. — Я тебе ценную инфу принёс, хотя бы дослушай.

— Выводи его, — Джи неумолима.

— Это не Лино, — кивает на фоторобот Венсан.

— С чего ты так решил? — щурится Джи.

— Я же говорил, я ценный кадр.

— У тебя пять минут, потом я потеряю интерес, — Бриджит просит офицера отойти и возвращает внимание мужчине.

— Мы росли в одном районе с ним, — осторожно начинает Венсан.

— Как и ещё пара сотен человек, которые, к слову, даже его пол подтвердить отказались, — усмехается девушка.

— Я не трус, — хмыкает Венсан. — Я в этом бизнесе не первый год и знаю всех, кто пытался меня прижать, так вот пацаны из «Доминион» мои частые гости, я продаю технику, и гипотетически я мог бы продавать им оборудование для слежки. Гипотетически.

— Гипотетически ты мог бы его увидеть и описать нашему художнику? — понижает тон голоса Джи.

— Нет, много воды утекло с нашего детства, да и он на поверхность не вылезает. Но я знаю его парней, и пришёл я сюда, потому что услышал про сходку, думал, тебя заинтересует, — скалится Лино, поняв, что мышка в капкане.

— Отнимаешь моё время, — качает головой Бриджит. — Ублюдок травит народ, убивает полицейских, а я слушаю твой бред.

— Вы слишком молоды, офицер, действуете на эмоциях и чувстве справедливости, а знаете ли вы, что Лино ненавидит полицию, ведь она его не защищала? Одна ваша форма для него как красная тряпка для быка. Не лезьте на рожон, не ищите его, — серьёзно говорит Венсан. — Я вам могу такую инфу по картелям сливать, кипятком ссать будете, но «Доминион» лучше не трогать.

— Оправдываешь и защищаешь преступника? На них работаешь или тоже за решётку хочешь? — напрягается Джи.

— Защитить вас хочу.

— С чего ты взял, что мне нужна защита, и какого чёрта тебя интересует моё благополучие? — Бриджит смешно от абсурдности своих слов.

— По рукам и не скажешь, что они держат оружие, не пробовались в татуировщики? Я бы лёг на ваш стол, — рассматривает длинные пальцы офицера на столе Лино.

— Я сама тебя выведу, — поднимается на ноги Джи.

— Не стоит, раз вы не готовы довериться мне и принять мою информацию, я уйду, — встаёт следом Лино. — Офицер Хомячок, я забочусь о вас, не заставляйте маму плакать, оставьте «Доминион» другим.

— Моя мама — жена полицейского, который до последнего вздоха не сдавался, с чего ты взял, что я сдамся? — кривит рот Бриджит.

— Сочувствую, — искренне звучит Лино. — Мой отец спился, а мать откинулась от передозировки. Наверное, вы правы, мне вас не понять, ведь мне не прививали жажду борьбы.

— Не хотела быть резкой, — сбавляет пыл Хименес. — Что ты делал в «Оазис»? Неужели правда пить и флиртовать ходил?

— Жену искал, — усмехается Лино и смотрит на подошедшего к ним смуглого офицера, который, положив руку на плечо Хименес, что-то ей шепчет. Лино представляет, как взмахивает тесаком и рука, касающаяся чужого плеча, падает на пол. Именно тогда, в этот момент, он осознаёт, что с офицером Хименес у него всё по-другому, и дело вовсе не в её вере в несуществующие идеалы. В первые две встречи Венсана забавлял чрезмерно смелый и колючий характер полицейской, он уже представлял, как скормит ей эту смелость вместе со свинцом, а сейчас ему нравится наблюдать за ней, и Лино признаёт, что внешность девушки очаровывает его не меньше. Весь этот короткий диалог она приковывала к себе взгляд мужчины своей трогательной красотой. У неё кудряшки до плеч, и пара упругих завитков обрамляет её лицо. Но настоящая магия скрывается в её тёмных, блестящих, напоминающих бусины глазах, в которые Венсан смотрел бы бесконечно. Немного пухлые щёки, из-за которых он и прозвал её «Хомячком», добавляют её лицу детское очарование. Венсану нравится, что её внешность по-детски миловидная, но при этом характер, как у злой кошки, что не оставляет ей шансов ускользнуть от внимания хищника. Как бы там ни было, чувства, которые в нём вызывает эта девушка, с этой минуты ему сравнивать не с чем. А вот это Венсану уже не нравится.

— В следующий раз звони или оставляй данные в приёмной, больше моё время не отнимай, — натягивает на себя пиджак Бриджит, но Лино ничего не слышит, он наблюдает за тем, как её кудрявые волосы падают на лицо, и еле сдерживается, чтобы самому их не убрать.

— Офицер Хомячок, Лино — психопат конченный, он чувака распял за то, что тот выступал против наркоты, как бы и тебя не распял, не заставляй меня переживать, — уже идя с ней к лифту, говорит Венсан. Судя по ажиотажу в участке, им уже доложили о казни, приказ о которой подписал сам Лино.

— Не пугай меня, я и без тебя знаю, что он может, — жмёт на кнопку, вызывающую лифт, Джи. — Лучше поменьше тут появляйся, раз уж работаешь на его территории, как бы он не разнюхал в тебе крысу. Поверь, ездить за твоим трупом будет неприятно.

— Ты молодая и красивая девушка, в тебе бурлят идеалы, но они призрачны, — проходит в лифт Лино и натягивает на себя кожанку. — Поверь, месье не стоит твоей жизни. Береги себя.

— Сходи в церковь, помолись за меня, психопат, — улыбается ему Бриджит за секунду до того, как двери закрываются. Джи пока не знает, что молиться в её ситуации надо не Богу, а тому, кто только что покинул участок.

Лино вызывает такси прямо к участку и, проследив взглядом за подряд выезжающими полицейскими автомобилями, закуривает. Через пять кварталов его забирает Чапо и докладывает о последней операции.

— У тебя было такое, что ты никогда не пробовал определённое блюдо, но одного взгляда на него хватает, чтобы ты понял, что оно пробудит все твои рецепторы? — поворачивается к Чапо Венсан.

— Возможно, — кивает привыкший к странным вопросам босса Чапо.

— Я его ещё не пробовал, но уже захлёбываюсь слюнями, — прикрывает веки Венсан. — Передай всем, кто работает с собаками, чтобы Хомячка не трогали, иначе казню.

Глава 5. Naranja

— У Алисии новый парень? — стоит Фелисии опуститься на сиденье рядом, спрашивает её Яна и провожает взглядом отъехавший от дома подруги БМВ.

— Судя по всему, да. Эта тачка к нам не приезжала. Недолго она страдала, — откидывается назад Фелисия и закидывает в рот пару драже тик-так. — Я уже не помню, каково это, когда за тобой приезжают и везут на свидание.

— Детка, я за тобой заехала, — возмущается Яна и, ловко проскочив вперёд, вливается в вечерний поток автомобилей.

— Я не о том, — смотрит на экран молчащего телефона Фелисия. — Было время, когда перед домом кортеж из автомобилей стоял, мать полицию вызывала, а я из окна конкурс, с кем тусить поеду, проводила. Теперь я даже знаю, с кем именно я хочу, но не могу.

— Всё ещё летаешь, — укоризненно качает головой девушка. — У меня уши болят слушать про вашу встречу на яхте, но я хорошая подруга, продолжай.

— Да нечего больше говорить, я просто представила, если бы за мной приехал роллс, я бы ему в нём же дала, — мечтательно вздыхает Фелисия.

— За тобой роллсы не ездили? — жалобно тянет явно издевающаяся над ней Яна.

— Ты знаешь всех, кто за мной ухаживал.

— Ты и до меня славно погуляла, поэтому не всех.

— Тогда не считается, я мелкой была, — улыбается Фелисия. — Но роллс я хочу только его.

— Видишь, я положительно на тебя влияю, не блядуешь больше, — уворачивается от лёгкого удара в плечо Яна.

— Скорее, это отец озверел, да и я выросла, поняла, что так не пойдёт. Хотя, честно говоря, я устала носить маску, устала быть приторно хорошей девочкой.

— Посидим у Микки или к кухне моей заедем? — спрашивает Яна.

— Без разницы, главное не дома, а то снова начну мечтать о Наварро, а это как мечтать о полёте на Луну, — ругает сама себя Фелисия.

— Бойся своих желаний, они могут исполниться.

— О, ты начала читать её? — удивлённо смотрит на подругу Фелисия. — Я даже читать сейчас не могу, не получается концентрироваться. Только Лану слушаю.

— У тебя дэдди ишьюз, девочка, — хлопает её по плечу Яна.

— Иди в жопу, — бурчит Фелисия. — Раньше я была похуисткой, не думала о последствиях, я вообще ни о чём не думала. А с возрастом я только и делаю, что жру себе мозг и сто раз взвешиваю каждый шаг. Та Фелисия сама бы его засосала и не церемонилась.

— Раньше ты много хуйни творила, так что мне эта всё равно больше нравится, — улыбается ей Яна.

— Но мне она не нравится, она трусиха, — смотрит на мелькающий за окном пейзаж Фелисия и мысленно возвращается в прошлое. Мелкое воровство, наркотики, непонятные отношения порой с несколькими одновременно, проблемы с родителями — и всё это закончилось в одну ночь из-за страха. Фелисия перешагнула черту, столкнулась с жестокой реальностью, в которой за свои поступки надо платить, и стала той, кто всего боится.

— Я тебе кое-что не сказала, — поворачивается к подруге Фелисия.

— Что именно, учитывая, что ты раз десять уже описала мне его внешность, костюм и даже любовницу в Инсте показала, — зевает Яна.

— Он сказал, что вода завидует красоте. Это ведь можно принять за комплимент? — в ожидании смотрит на неё Фелисия.

— Пиздец.

— Ну серьёзно, не стебись.

— Да, это про твою красоту, и это комплимент, — ворчит Яна. — Но я боюсь за тебя.

— С чего это? Мама повторяет то же самое. Почему вы все боитесь за меня, если я просто увлечена одним из тысячи мужчин, населяющих этот город? — хмурится Фелисия.

— Вдруг и правда он на тебя запал, — пожимает плечами Яна. — И наше беспокойство обосновано, ведь ты сама прекрасно знаешь, что он не просто один из мужчин. Он из тех, кто не может не получить желаемое. Уверена, что стоит начинать игру с тем, кто может и сам с тобой поиграть?

— Если я захочу, он меня не потянет, — хмыкает Фелисия. — У меня было много ухажёров, я знаю, как натягивать ошейник на их шее. Он не будет исключением. Но для этого я должна перестать всего бояться и притворяться.

— Лис, все твои бывшие рядом с ним — мелюзга. Этот другого уровня, и, если ты правда нацелена на то, чтобы очаровать его, ты должна понимать это. Как и то, что твой отец взорвётся, узнав про твои влажные мечты, — серьёзно говорит Яна.

— Всё, что мы сейчас обсуждаем, нереально, потому что между нами ничего нет, но, если бы и было, я не уверена, что осмелилась бы, — с грустью улыбается Фелисия. — После того, как отец вытащил меня из участка, я обещала ему, что больше никогда не заставлю его нервничать. Одно имя Наварро доводит его до белого каления, так что позволь мне просто мечтать.

— Думаешь, Наварро хуже тюрьмы? — хохочет Яна.

— Ну, мой отец ненавидит всех мужчин вокруг меня.

— Жаль, тогда мы знакомы не были, я бы говорила всем, что дружу с зечкой, — у Яны аж настроение подсказывает. — Прикинь, отсидела бы, вышла вся забитая и дерзкая.

— Я чуть не откинулась, когда меня повязали, — прикладывает к вейпу подруги Фелисия. — Никогда не забуду ту ночь.

— Да ладно, я же угораю, тебе в тюрьму нельзя, — успокаивается Яна.

— Поверь, мне это в участке все сказали. Даже уборщик, — Фелисию аж передёргивает от воспоминаний. — А представь, быть с таким, как Наварро, и ничего не бояться. Он ведь из любого дерьма вытащит.

— В этом случае бояться придётся только его, — сдаёт на обочину Яна и паркуется перед небольшим кафе, которое славится своими лимонадами и такос. Девушки садятся за свободный пластиковый столик на улице и, сделав заказ, продолжают общение. Они сидят неподалёку от дороги, по которой проезжают автомобили, наблюдают за подростками, которые фото-

графируются на фоне исписанных граффити стен. Яна двигает головой в такт звукам сальсы, доносящимся из кафе, смешанным с ритмом современных треков из соседнего бара. Столики рядом с ними уже все заняты, а запах еды пробуждает рецепторы, и Фелисия всё оглядывается в надежде, что им наконец-то вынесут такос.

— С кем переписываешься? — спрашивает она подругу, заметив, что та что-то набирает на телефоне.

— С парнем познакомилась вчера прямо у нас в бутике, — усмехается Яна. — Зовёт на тусовку к другу. Хочешь, поедем вместе?

— Нет, но и тебя не задерживаю, я отсюда сразу домой.

— Я и не горю желанием, утомилась от этих любовных дел, — смеётся Яна и, обернувшись, недовольно смотрит на уставившихся на них шумных парней за соседним столиком. Один из парней, заметив ответное внимание, поднимается на ноги и идёт к ним.

— Хочу с тобой сфоткаться, красотка, — говорит Фелисии незнакомец и, достав телефон, чуть ли не липнет к ней.

— Ты, блять, спросил, можно ли? — отталкивает его Фелисия, но с места не встаёт.

— Можно с тобой сфотографироваться? — издевательски тянет парень.

— Нельзя, — отрезает Фелисия и взглядом просит Яну не вмешиваться.

— Грубиянка, — хмыкает парень, но телефон убирает и возвращается к своему столику.

— Заебали, — шипит Фелисия, чьё настроение уже испорчено.

— Тяжело быть красоткой, — расслабляется Яна, которая уже готовилась к разборкам. — Красивые люди обычно переживают, что их любят только из-за внешности, а наша эмо-гёрл Ликси даже со своей внешностью любви получить не может.

— Иди, расскажи им это, может, перестанут таскать моё фото к хирургам и поймут, что моё лицо им счастья не обеспечит, — качает головой Фелисия и хватает Яну за руку. — Роллс.

— Чё?

— Это его роллс, — Фелисия косит в сторону появившегося за двумя внедорожниками и проезжающего мимо автомобиля, и Яна присвистывает.

— Ты мне сейчас руку оторвёшь, — цедит сквозь зубы Яна. — Расслабься, не факт, что он внутри.

Автомобиль проплывает мимо девушек, и за ним проезжают ещё два внедорожника.

— Блять, дышать не могу, — смотрит вслед кортежу Фелисия. — Он ведь замедлился рядом с нами, или у меня крыша едет?

— Крыша едет, — без сомнений отвечает подруга. — Хотя, ты так впила глазами в чёрное стекло, что и я бы замедлилась.

— Опять у меня под грудью дискотека, — оттягивает ворот футболки Фелисия и, не переставая, смотрит вслед автомобилям. — Они не сворачивают, хотя улица закончилась.

— Может, пропускают кого.

— Не сворачивают. Он вернётся. Он меня точно заметил...

— Свернули, — тихо говорит Яна, и Фелисия выдыхает.

— Какого хуя я в него влюбилась, — злится на себя Фелисия. — Я бы обкурилась, чтобы перестать думать о нём, но могу только выпить. Хотя и за это получу.

— Эй, не шути про наркотики, — мрачнеет Яна. — Ты завязала, и не смешно.

— Я и не сидела, только баловалась.

— Всё равно, меня даже мысль о том, что ты когда-то эту хуйню употребляла, бесит.

— Я тебе говорила, что мелкой была, меня мой краш посадил, и мы романтизировали поцелуи под кайфом, — тихо говорит Фелисия. — Я против дури и, раз у тебя нет чувства юмора, шутить о ней не буду. Я обменяла наркоту на чувства и теперь подсяду только на любовь.

— Фу, как приторно, — кривит рот Яна. — Там пацаны у бара на тебя пялятся, а ты даже не флиртуешь. Начни потреблять новый наркотик, раз всё именно так, как говоришь.

— Это не любовь, они пялятся из-за моей внешности.

— А в чём разница? Ведь если Наварро говорил о твоей красоте, то он тоже захочет тебя из-за неё, — хмурится Яна. — Да и ты запала на него из-за его внешности.

— Нет, я запала не на внешность и даже не на его деньги и власть, — задумывается Фелисия. — Ты должна сама его увидеть, чтобы понять, что, когда он появляется, все затыкаются. Его голос, манеры, взгляд — всё в нём завораживает. Это сложно так объяснить, но я хочу его, Яна. Он уже в шаге от того, чтобы стать моей единственной целью.

Фелисии не показалось, Наварро приказал шофёру замедлиться, чтобы урвать себе дополнительные секунды для любования ею. Интерес к зелёной девчонке, которая из подгузников только выползла, раздражает Гильермо. Только он, в отличие от Фелисии, злится не на то, что запал на неё, а на то, что вынужден медлить, делать всё пошагово, когда желание гнёт кости в мужчине и ему постоянно приходится держать себя в узде.

Фелисия, почистив зубы, выходит во двор, чтобы помочь маме занести пакеты с доставленными им с утра продуктами, и видит, что женщина разговаривает с соседкой Луизой. Фелисия сразу замечает в руках Луизы свой любимый пирог и, подойдя к женщинам, берёт у мамы пакет с продуктами и любовно приготовленный для неё пирог.

— Тиа Луиза, вы меня балуете, — ярко улыбается соседке Фелисия.

— Я ей то же самое говорю, — кивает Джорджиа. — Хватит кормить эту хулиганку вкусняшками, она теперь мои пироги не ест.

— Дорогая, ты же знаешь, что Ликси — солнышко, озаряющее эту улицу, и я не могу не печь ей пироги, ты посмотри, как она рада! — тепло улыбается девушке Луиза. — Тем более мне не сложно, и я получаю от процесса только удовольствие. Ешь на здоровье, всё, как и всегда, учтено, поэтому не переживай за аллергию.

Луиза прощается с ними, а Фелисия с мамой идут в дом.

— Дочь у меня из-под носа забрать хочет, старая карга, — уже на кухне, раскладывая продукты, возмущается Джорджиа, а Фелисия, привыкшая к её ворчанию, устроившись за островком, жадно поедает пирог.

— Будто я виновата, что она замуж не вышла и детей себе не родила! Пеки себе! — продолжает выговаривать под нос Джорджиа.

— Мам, перестань, она хорошая женщина, ты просто ревнуешь, — с набитым ртом говорит Фелисия. — И это странно, ты же знаешь, что у меня только одна мама, и это ты.

— Подлиза, — разложив овощи, наливает и себе кофе Джорджиа. — Родила на свою голову «солнышко», всех очаровывает.

Фелисия быстро забывает о Луизе и всё ещё сидящей с ней на кухне маме. Она, как и все влюблённые, никак не может перестать летать в облаках. Казалось бы, прошло достаточно времени, она Наварро больше не видела, только его роллс, и её одержимость должна идти на спад, но она в ней всё больше разгорается.

Фелисия уже прочитала и перечитала всю информацию о Наварро в открытых источниках, скачала на телефон фотографии, которые ей удалось найти в сети, но ей всего мало. В идеале, конечно, хотелось бы снова его увидеть, хотя бы с экрана, но после встречи с избирателями Наварро и в информационном поле не мелькает.

— Кстати, я уже договорилась, твой любимый торт «Трес лечес» заказала! — отвлекает её от мыслей Джорджиа. — Тётушки приедут к семи, ты как раз с работы вернёшься.

— Мам, зачем ты народ позвала, сами посидели бы, — хмурится Фелисия.

— Затем, что ты отказалась от вечеринки, но я своему солнышку праздник всё равно устрою! — подбоченившись, объявляет женщина.

— Какая вечеринка с моими двумя с половиной друзьями? — обиженно говорит Фелисия.

— Вот поэтому все твои кухни и кузены не дадут тебе почувствовать одиночество, папа мясо пожарит, отлично посидим.

— Ты неисправима, женщина, — улыбается ей дочь и, прихватив рюкзак и спортивную сумку, торопится на выход.

Как бы Фелисия ни жаловалась на ранние подъёмы, на работу ходить ей нравилось, ведь благодаря ей вечный поиск чем занять своё время прекратился. Но сейчас её совсем не радует перспектива торчать в офисе, каждый раз нервно оборачиваясь на открывающийся лифт в надежде, что Наварро снова посетит их. В офисе уныло, она включает ноутбук, думает, с чего бы начать, и, услышав своё имя, смотрит на высунувшего из кабинета голову Исаю.

— Зайди ко мне. И ты, Миранда, тоже, — просит Исаю девушку и своего заместителя.

Фелисия, которая сразу начинает паниковать, по пути в кабинет обдумывает, все ли задания она вчера сделала.

— Закройте дверь, — Исаю садится за стол и взглядом указывает им на кресла.

— Всё нормально? — первой спрашивает Миранда, которая работает в компании уже полтора года.

— Наш уважаемый руководитель завтра вечером будет присутствовать на открытии больницы, которую полностью за свой счёт построила его компания, поэтому это мероприятие нужно максимально осветить, — рассказывает Исаю.

— Конечно, мы, как получим фотографии и запись речей, сделаем распечатку и подготовим пресс-релизы, — заверяет его Миранда, а Фелисия продолжает нервно ёрзать в кресле, не понимая, зачем вызвали и её.

— Нет, в этот раз руководство требует, чтобы отдел по связям был на месте, и, как отметил господин Наварро, он хочет, чтобы на открытие пришли молодые кадры, — объясняет Исаю. — У меня таких только два, и это вы. Поэтому вы обе завтра к пяти должны быть там. На месте же соберёте информацию, проконтролируете работу фотографа.

— Без проблем, — кивает Миранда.

— Я бы отработала весь материал, который получу с открытия, из дома, потому что завтра в семь я не могу, — мнётся Фелисия.

— Не понял, — соединив брови на переносице, смотрит на неё мужчина.

— У меня день рождения завтра, и мама уже позвала гостей, — смущаясь, говорит Фелисия. — Если это не принципиально, Миранда бы собрала информацию, а я бы всё написала, даже послезавтра задержалась бы, сколько надо. Если меня нечем заменить и вы настаиваете, то я пойду, конечно.

— Обычно я не понимаю, когда работу отодвигают на второй план, но это день рождения, и ты интерн всё же, — задумывается Исаю. — Хорошо, вместо тебя отправлю Палому.

— Спасибо, обещаю, пока всё не сдам послезавтра, я офис не покину, — искренне благодарна ему девушка.

Фелисия, выдохнув, возвращается к своему столу и, загрузив почту, приступает к работе. Вечером они с Яной идут на концерт любимых The Neighbourhood, и подруга делает ей один из лучших подарков на день рождения. Фелисия, хотя и чувствует на душе осадок из-за того, что отказала шефу, старается не портить себе настроение и настраивается на вечер позитивно.

Концерт начнётся в семь, поэтому Фелисия, которая заранее всё учла, взяла вещи с собой, чтобы поехать туда с работы и не терять время на дорогу. В конце рабочего дня она провожает коллег и, убедившись, что в офисе никого не осталось, прихватив рюкзак, идёт в туалет переодеваться. Натянув на себя кожаные брюки, девушка немного подкрашивает глаза, распускает волосы и, придав им объёма на корнях, возвращается в комнату. Фелисия здороваётся с уборщиком, приступившим к уборке помещения, закидывает в рюкзак принадлежности и нажи-

мает на кнопку лифта, предвкушая отличный вечер, в ходе которого она планирует сорвать голос. Лифт спускается сверху, Фелисия уже напевает любимый Softcore, но, стоит дверцам перед ней разойтись, она мгновенно забывает текст песни и смотрит на прислонившегося к стене Гильермо Наварро. Фелисия, растерявшись, забывает, зачем она вообще вызвала лифт, а Наварро, подавшись вперёд, не даёт дверцам закрыться.

— Ты зайдёшь или нет?

— Да, — кивает Фелисия и, волоча за собой рюкзак, проходит в лифт и останавливается сбоку от него. Наварро не торопится нажимать на кнопку, вместо этого он поворачивается лицом к девушке, проходит по ней оценивающим взглядом и, поймав её взгляд, спрашивает:

— У меня нет дресс-кода в офисе?

Фелисия, понимая, что проебалась, пару раз моргает, а потом, дав смущение, выпаливает:

— Есть. Я не так на работу пришла. Я сейчас переделалась, потому что иду на концерт.

— На чей концерт? — сбавляет тон мужчина, поняв, что напугал девушку, а сам глаз от прилипшей к её бёдрам чёрной кожи не сводит.

— Нейборхуд, моя любимая группа.

— Интересно, — цокает языком Наварро, так и не нажимая на кнопку. — У тебя есть время ходить на концерты, но на свою работу его нет.

— Простите? — не сразу понимает, о чём он, Фелисия.

— Если мне не изменяет память, тебя нет в списке освещающих завтрашнее мероприятие, но, насколько я знаю, ты тоже относишься к молодым кадрам, — кривит губы мужчина.

— Я приду, я не знала, что это обязательно, — бормочет девушка, которой не по себе. — У меня просто день рождения завтра.

— И это причина не делать свою работу? — замораживает внутренности Фелисии своим холодным тоном Наварро. — То, как вы отработаете завтрашнее мероприятие, показало бы, достойна ли ты того, чтобы оставаться в моей компании и перейти на следующий уровень. Хотя, если тебя интересует только роль интерна, вопросов нет.

— Я приду, я буду там, — выходит слишком отчаянно.

— Умница, — одобрительно улыбается ей Наварро. — День рождения ведь каждый год, а ты проживёшь долгую и, надеюсь, счастливую жизнь, — наконец-то нажимает на кнопку, и Фелисия делает глоток спасительного кислорода.

Девушка, которая чувствует себя отвратительно, немного отходит назад, прислоняется к стенке лифта и уговаривает себя не разреветься. Её отчитали, как нашкодившего щенка, и так ужасно она себя давно не чувствовала. Наварро выходит первым, даже не прощается и сразу оказывается в кольце своей охраны. Фелисия снова видит того же телохранителя, которого видела на яхте, а в ответ ловит от него холодный взгляд. Девушка, в которой прямо сейчас кипят обида и гнев на Наварро, замирает у колонны, решив выйти только после того, как кортеж покинет двор здания. Убедившись, что Наварро уехал, она наконец-то выходит наружу и, перебежав дорогу, садится в автомобиль Яны.

— Чего так долго, ты же написала, что выходишь, минут пятнадцать назад! — возмущается Яна, жуя железных мишек.

— Я с Наварро столкнулась, — шмыгает носом Фелисия.

— Эй, что случилось? — замечает её дрожащую губу подруга.

— Он меня отчитал за то, что я не хочу идти на открытие из-за дня рождения, чувствую себя дерьмово, — тянется за бутылкой с водой Фелисия.

— Не вздумай, мы идём на концерт, увидим Нейбов, — пытается привести её в чувства Яна. — Я билет еле достала, у них только один концерт в городе. Не порть мой подарок.

— Ты права, не буду, прости, — немного успокаивается Фелисия. — Представляю лицо мамы, когда я скажу ей, что приеду завтра поздно. Она мне праздник готовит, а я буду на открытии больницы. Какой же он урод.

— Ты же улетала от него, — качает головой Яна.

— Да, то есть, уже нет, — зло говорит Фелисия. — У меня до сих пор поджилки от его тона трясутся.

— Ну прости, ты знала, на кого работаешь.

— Теперь я понимаю, откуда у него целая империя. С таким и враждовать никто не захочет, — со злостью говорит Фелисия.

— Ты ребёнок, он просто потребовал у тебя выполнить работу, а ты расклеилась. Неженка Ликси, — показывает ей язык Яна.

— Я тебя ударю.

— Ладно, забудь, мы сегодня оторвёмся, — врубает музыку Яна и голосит на весь салон.

Пока девушки стоят в очереди у стадиона, где пройдёт концерт, настроение Фелисии немного улучшается. Она вливается в атмосферу предстоящего праздника и вместе с фанатами напевает песни любимой группы. Яна протягивает телефон, чтобы охрана пробила их билеты, но мужчина просит девушек пойти за ним. Фелисия сразу паникует, что с билетами проблемы, но секьюрити проводит их в вип-зону прямо у сцены и указывает на два места.

— Вы точно не ошиблись? У нас билеты в зоне Ц, — хмурится Яна.

— Точно, у вас вип, девчонки, — заверяет её охранник.

— Похуй, садись, — тянет Яну вниз Фелисия, — даже если одну песню отсюда услышать сможем, пока они очнутя, уже кайф.

Удача на этом не заканчивается, после концерта, пока Фелисия пытается прийти в себя от обрушившихся на неё эмоций, к ним снова подходит секьюрити и говорит, что они выбраны для Meet & Greet. Фелисия, взобравшись на сиденье, пускается в пляс и объявляет, что это лучший подарок. Яна с трудом снимает подругу оттуда, и они вместе, пробираясь через толпу, идут за сцену.

Спустя час Фелисия, которая словно находится под дурью и уже хрипит от того, как громко подпевала группе на концерте, сидит в автомобиле Яны и, поедая хот-дог, просматривает фотографии. Она сфотографировалась со всей группой, получила мерч и автографы и, более того, услышала комплимент от самого Джесси Разерфорда. Фелисия не вспоминает об инциденте с Наварро вплоть до того момента, как, приняв душ, возвращается в спальню. Из-за того, что девушка пришла поздно, мама уже спала, и она решила не портить ей настроение на ночь и рассказать про работу завтра утром. Она забирается в кровать, ещё раз просматривает видео с концерта и, получив сообщение с неизвестного номера, сразу открывает его:

— Понравился концерт?

Фелисия читает и перечитывает сообщение, не может понять, от кого оно, и думает уже перезвонить, как получает второе, заставившее девушку приложить ладонь к губам.

— Надеюсь, он немного поднял твоё настроение, и ты будешь не сильно расстроена, что завтра вместо того, чтобы праздновать свой день рождения, проведёшь вечер со мной. ГН.

«Со мной», — перечитывает Фелисия, и плевать, что речь про то, что они будут работать, она будет представлять, что они вдвоём. Фелисия подсакивает на постели, продолжая гипнотизировать взглядом сообщение, и не знает, что ему ответить. Надо ли вообще отвечать? Но Наварро ведь задал вопрос, и не ответить будет грубо с её стороны. Одно сообщение, и вся обида и злость в девушке лопаются, как мыльный пузырь, она снова сходит по нему с ума и, зарывшись лицом в подушку, мычит от счастья.

— Спасибо.

Это единственное, что Фелисии удаётся из себя выжать спустя десять минут. Больше сообщений не приходит, и девушка, добавив номер в контакты, трясущимися руками выводит на экране:

Гильермо Наварро.

— Урою! Всех на куски порублю! Думаете, не найду? Думаете, первый раз охоту на крыс устраиваю? — рычит разъярённый Кастильо, размахивая дрелью и двигаясь меж рядов стоящих смиренно по стойке бойцов. Кастильо созвал своих бойцов в простирющийся на пару километров гараж, где картель держит грузовики-холодильники, призванные перевозить «мясо». У ног Эль Кавалеро лежит мужчина с просверленной головой, из которой всё ещё вытекает кровь, но его это совсем не беспокоит.

— Кто следующий? Кто выбирает молчать? Или вас всех прикончить? — орёт мужчина. — Думаете, замену не найду? Этот город голодает, и любой за деньги, что я вам плачу, будет целовать мне задницу. Кто сдал Идальго? Кто сказал этим мразям, что он на обмене?

Ворота гаража разъезжаются, впуская внутрь эскалад и гелендваген, и через минуту Кастильо смотрит на идущего к нему брата. У Лино, в отличие от младшего, чудесное настроение, он напевает любимую с детства песню «Брудер Якоб», которую слушал в магазине электроники, и, поморщившись, смотрит на труп.

— Отец, ты слышал? Они моего Идальго взяли, они слили сучьим отродьям его местоположение!

— Тихо, малыш, тихо, — Лино останавливается рядом с братом. — Мочить своих налево-направо без разбора — не дело. Мы дадим ответку. За одного нашего мы положим десятерых. Так что сегодня устроим фейерверк перед главным управлением. Хочу видеть, как их драндулеты по одному взлетают в воздух. Работайте! С-4 в каждую колымагу этих собак, домой чтобы их пепел доехал.

— О, я им устрою, я сам всё сделаю, — загорается Бинни.

— Конечно, — целует его в лоб Лино. — А я наслажусь зрелищем.

— Ещё один тоннель замуровали, но уверена, эти кроты уже новый вырыли и всюю переправляют товар, — Антония садится на стол Санчеса и подбрасывает в воздух мячик для гольфа.

Антония привыкла слышать в свой адрес, что она выглядит как актриса из мыльных опер, и именно внешность — первое, что замечают в ней ещё до значка. Она очень привлекательная женщина с густыми, кучерявыми волосами, смуглой кожей и чарующей улыбкой, перед которой не может устоять добрая половина её коллег-мужчин. Антония не просто красива, она знает силу своей внешности и усиленно поддерживает её, в свободное время не выходя из бьюти-салонов, спортзалов и следя за своим питанием. Удивительно, что при относительно небольшой зарплате девушка столько всего позволяет себе, чтобы блистать на работе и за её пределами ежедневно. Она гордо носит прозвище «красотка», которым её год назад окрестил один из задержанных, и слышит его чаще, чем своё имя.

— Конечно, выруют, кто захочет потерять почти четыре миллиарда дохода в год? — вступает в разговор Бриджит и пытается размять затёкшие от постоянного сидения за компьютером плечи. — Найдём и остальные, это наша работа.

— Хименес, — перебивает девушек вышедший из кабинета капитан, и Антония сразу спрыгивает на пол. — Съезди в главное управление, твои звонили, хотят, чтобы ты Идальго занялась.

— Наконец-то, — чуть не пританцовывает на месте Джи, забирая свои вещи со стола. Идальго — чьё полное имя пока установить не удалось, один из подручных «Доминион», кото-

рого вчера при захвате удалось забрать DEA. Бриджит уже не терпит поговорить с мужчиной и попробовать вытащить из него нужную ей информацию.

Почти час уходит только на оформление материалов дела и ожидание прибытия адвоката, а сам допрос длится всего десять минут, потому что, как Джи и подозревала, выудить что-то из Идальго при одном из лучших адвокатов страны становится невозможным. Джи не расстраивается, ведь это только начало, а раз Идальго попался, то она постарается вытащить из него всю информацию, главное, чтобы «Доминион» не решил убрать его раньше этого. Она выходит из управления к шести и, остановившись на пороге, ищет глазами свой автомобиль. Бриджит рада, что машину, которую она отдала на мойку, пока была в управлении, уже пригнали и терять время на ожидание не придётся. Стоит офицеру миновать последнюю ступень и поставить ногу на землю, как округу оглушает мощный взрыв, и Джи в шоке смотрит на вспыхнувший, как факел, автомобиль справа. Взрыв выбивает стёкла первого этажа здания. Бриджит, оказавшаяся в эпицентре событий, слышит крики переговаривающихся полицейских и бросается внутрь, помогать с эвакуацией. Уже спустя минут десять на место событий прибывает национальная гвардия, но, учитывая, что автомобиль взорвали дистанционно, воевать не с кем.

— Он смотрит, они всегда смотрят, ищите среди зевак, — ловит пробегающего мимо патрульного Бриджит, а сама сканирует взглядом местность.

Лино сидит в одном из остановившихся автомобилей через дорогу и, насвистывая мелодию, смотрит на рассеивающийся дым.

— Это только начало, готовься наслаждаться зрелищем, отец, — возбуждённо объявляет расположившийся рядом Кастильо, но внимание Венсана поглощено знакомой фигурой, которую он замечает рядом с пожарной машиной.

— Что за устройство в машинах? — нервно оборачивается к брату Лино.

— Наша классика, взрываю дистанционно только для тебя, а так в них есть таймер как резервный способ детонации, — не понимает его беспокойства Бинни. — Мы две тачки заминировали, потому что только двое сдали их на мойку, где наши и закрепили взрывчатку, но ты не унывай, сейчас их там больше, а значит, уложим всех, будет пожарище! — машет перед его лицом пультом дистанционного управления младший.

— Какого чёрта она здесь делает, блять! — бьёт локтем дверцу Венсан, лихорадочно думая, что ему предпринять. Даже если он отберёт у Кастильо пульт, автомобиль взорвётся по истечении заданного на бомбе времени, а значит, у Хименес нет шансов выжить. — Тормози, не смей что-то предпринимать, пока не прикажу. Следи за моими руками, — спрыгивает с автомобиля Венсан и быстрыми шагами идёт к управлению, двор которого кишит представителями правоохранительных органов.

— Офицер Хомячок, — усиленно машет руками Лино, которого не пропускают за полицейский кордон, чтобы привлечь внимание Бриджит.

— Что ты тут делаешь? — кричит Джи, идя к нему, и просит полицейских пропустить его.

— Тебя искал, новая инфа есть, — осматривается Лино. — Вот это у вас заварушка.

— Ты не вовремя, и здесь не место гражданским, так что уходи, — нервно говорит Джи. — Я тебе уже сказала, мне информатор не нужен, — зовёт коллегу, чтобы убрать мужчину с места преступления.

— Да постой ты, — пытается вырваться из рук полицейского Лино, заметив, как девушка идёт к тачке. — Они говорят, передача будет, слышал от покупателей, товар точно «Доминион».

Бриджит замирает на месте, услышав название картеля, который виноват и в сегодняшнем, и, развернувшись, идёт обратно к нему, вызвав у Лино вздох облегчения.

— Ты или псих, или снова время моё отнимаешь.

— Нет, это правда. Будет передача в конце недели, — на ходу придумывает Лино. — На заброшенном складе мебели, подробности могу выяснить.

— Откуда у тебя такая информация? — хмурится Джи.

— Есть пара пацанов, мне ворованное тащат, не арестуешь же за это? — нервно усмехается Венсан.

— Если ты не лжёшь, добудь точное время, участников и приезжай в участок завтра, выгорит — оформлю тебя как информатора, — кивает Джи. — Если лжёшь — посажу за торговлю ворованным, — снова идёт к машине.

— Твою мать, — цедит сквозь зубы Венсан и, отвернувшись, двигается к дороге и поднимает руку. Джи уже в нескольких шагах от своей машины, когда внезапно раздаётся очередной оглушительный взрыв, и яркая вспышка озаряет всё вокруг. Девушку с силой отбрасывает назад взрывной волной, и она бьётся спиной о стену здания. В ушах стоит гул, пальцы автоматически тянутся к лицу — она видит на ладонях кровь, которая течёт из нескольких порезов, оставленных разлетевшимися осколками стекла. Голова Бриджит кружится, она оглушена, но, несмотря на всё это, делает шаг вперёд и пытается собраться.

— Два взрыва, почему два? — превозмогая тупую боль, кричит на бегущих перед ней полицейских Джи. — Где взрывотехник? К тачкам никому не подходить! Очистить периметр немедленно!

— Ты в порядке? — подбегает к девушке Венсан и с беспокойством вглядывается в её лицо. — Пара порезов, но всё быстро заживёт. Главное, что голову не оторвало, — смеётся.

— В порядке, всё могло бы быть хуже, — прислоняется к стене Бриджит, которую всё ещё колотит после взрыва. — Спасибо тебе.

— Мне за что? — щурится Венсан.

— Ты задержал меня своей тупой болтовнёй, иначе я бы обуглилась, — улыбается ему Джи, и Венсан на миг забывает, что он и кто он, и залипает на красивую улыбку, превращающую чёрные глаза девушки в шарики тапиоки.

— Я просто болтун, — сбрасывает оцепенение мужчина.

— Приходи завтра в участок, поговорим, — кивает ему Джи и ковыляет в сторону скорой.

— Приду, — говорит ей вслед Венсан и скрывается в рассеивающемся дыме.

Лино открывает дверь в тренажёрный зал, и звук тяжёлого дыхания, звона стальных блинов и приглушённой музыки становится громче. Воздух внутри пропитан запахом металла и пота, Венсан сразу видит свою цель и, на ходу стягивая с себя кожанку, идёт к ней. Кастильо, устроивший себе короткую передышку, лежит на скамье у штанги, а его тренерша, заметив Лино, сразу отходит в сторону. Грудь младшего, обтянутая чёрной майкой, поднимается и опускается в ритме его дыхания, а вздутые вены на его предплечьях притягивают взгляд Лино.

— Ты ещё не закончил готовиться к конкурсу «Мистер Вселенная»? — усмехается Венсан, опустившись на скамью рядом.

— Я к нему давно готов, спроси моего тренера, — приподнявшись, тянется за гантелей Кастильо. — А вот тебе бы не помешало вернуться к железу, толком не качаешься и, отвечаю, скоро сдуешься.

— Пока всё под контролем, — задрал рукав футболки, демонстрирует ему бицепсы Лино.

— Давай по моей программе, моя тебя разом на пару уровней подняла, а твой тренер долго раскачивается, — предлагает Бинни.

— Я свою тем, что её трахаю, не вдохновляю, — громко хохочет Лино и получает полотенцем в лицо.

— А вообще, я всё ещё на тебя зол, — поднимается на ноги Кастильо. — Ты обещал мне фейерверк, в итоге было всего два взрыва без жертв!

— Успеешь ещё, не горячись, — ложится на скамью теперь Лино. — Тебе повезло, что Хомяк не пострадала, я ведь приказывал её не трогать.

— Откуда я знал, что твоя Хомяк будет в управлении? — раздражённо спрашивает Кастильо. — И почему эта щекастая сучка внезапно так важна?

— Хомяк мне нужна, — отрезает Венсан.

— Настолько, что ты отменил операцию, узнав, что я её поджарю, — подходит к брату отказывающийся его понимать Кастильо.

— Настолько, — поднимается на ноги Венсан и сбивает всю спесь с младшего.

— Почему? — уже робче спрашивает Кастильо. — Это впервые, когда ты делаешь собаку неприкасаемой, учитывая, что она не работает на нас.

— Она будет нашим источником, а ты всё ещё подчиняешься мне.

— Тогда вопросов нет, — кривит рот Кастильо и возвращается к тренажёрам. — Мог бы и сразу сказать.

— Не ревнуй, Бинни, тронешь Хомяка — я буду зол.

— И не собирался, — цедит сквозь зубы Кастильо, который на самом деле уже приступил к придумыванию плана ликвидации вызвавшей интерес брата полицейской.

Лино его слова не сильно успокаивают. В отношениях братьев всегда была странная, не совсем здоровая динамика, которая корнями уходит в детство. Учитывая, что их родители погибли, а Венсан взял на себя роль не только опекуна, но и родителя для Кастильо — укладывал его спать, успокаивал, когда тому было страшно, и защищал его от всего, что могло причинить боль, младший чрезмерно привязался к нему.

Кастильо привык к тому, что Венсан — центр его мира, единственный человек, которому он может доверять. Это доверие со временем переросло в сильную привязанность и ревность. Каждый раз, когда в жизни Лино появляется кто-то важный — будь то партнёр или любовница, — Бинни чувствует себя преданным, будто этот человек отнимает у него брата. Сам Кастильо не осознаёт свою ревность до конца, но она проявляется в его действиях. Стоит Лино завести интрижку, роман или просто подружиться с кем-то, Кастильо будет внешне выглядеть, как и всегда, заботливым и преданным братом, но старший слишком долго с ним и сразу распознаёт скрывающееся в нём желание разрушить всё, что угрожает их связи. Такое уже было, когда Кастильо придумывал хитроумные способы помешать отношениям старшего, применял манипуляции и ложь, чтобы разрушить доверие, и даже не подчинялся прямому приказу.

Лино безуспешно пытался с этим бороться, но в итоге понял, что и сам виноват, ведь это он чрезмерно оберегал младшего и клялся быть только с ним. Теперь Венсан просто держит Кастильо в неведении, если это возможно, а если нет, то потуже затягивает поводок на его шее. Он любит брата больше, чем кого-либо из ныне населяющих землю, но порой в такие моменты испытывает к нему раздражение и даже злость.

— Я знаю, что ты лжёшь, — подходит к нему со спины Лино, и Кастильо напрягается. — Мы это уже проходили, но ты должен остановиться. Это не тот случай. Офицер связана с DEA, и она для меня сейчас как золотая жила. Полезешь в это, сделаешь что-то с девчонкой, не просто разозлишь меня, а разрушишь наши с тобой отношения. Ты понял меня? — разворачивает его лицом к себе.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — не смотрит ему в глаза Бинни.

— Понимаешь, — обхватывает руками его плечи Венсан. — Ты должен научиться доверять мне и уважать мой выбор, поэтому не зли меня.

— Как скажешь.

Санчес празднует второй день рождения Джи бутылкой пива прямо на рабочем месте, благо, официально рабочий день закончился.

— Подруга, я, как новости узнал, чуть не обоссался, отвечаю, — качает головой Санчес, рассматривая её обклеенное пластырями лицо. — Пока я пытался дорваться до управления, я твой труп как только не представлял. Блять, ты именно в день нападения там была.

— У меня самой вся жизнь перед глазами пронеслась, — честно говорит Джи. — Ещё три шага, и у меня бы точно не было головы.

— Я теперь в ангелов-хранителей верить начну, — хохочет Санчес. — С утра вообще в церковь пойду, потому что это реально чудо.

— Ага, только мой ангел-хранитель — приставучий торгаш техникой, который не умолкает, — смеётся Джи. — Откуда новая кофемашинка в участке? — спрашивает она, наслаждаясь запахом, идущим от кружки друга. — Неужели руководство раскошело?

— Жди, не дождёшься, — усмехается Санчес. — Какой-то анонимный благотворитель прислал, капитан сказал, что услуга за услугу от полиции.

— Да хранит его Дева Мария, — вдыхает аромат, поднимающийся от чашки, Джи.

Она уже успела побывать в больнице, где, к её счастью, сказали, что у неё даже нет сотрясения. Все последние часы Джи думала о том, что могла бы погибнуть, и продолжала мысленно благодарить навязчивого Ортегу, который по факту спас ей жизнь. Джи, которая с удовольствием завалилась бы к себе в квартиру, ждёт, когда Карл выйдет из кухни, чтобы поехать с парнем на ужин в их любимый ресторан. Карл отказывается забирать её домой, утверждая, что, раз она хорошо себя чувствует, они обязаны отметить этот день, а девушка с ним спорить не хочет, ведь он искренне переживает за неё.

Карл забирает из холодильника контейнер с недоеденным обедом и, почувствовав руку на своей заднице, резко оборачивается и шипит:

— Я тебе сказал, в участке руки не распускай.

— А то твоя Хименес увидит? — кривит рот всё же отошедшая на шаг Антония.

— То, что было между нами, давно прошло, смирись и отступи уже, — убирает контейнер в рюкзак парень.

— Поэтому мы всё ещё трахаемся? — скалится Антония, следя за его действиями.

— Ты твердишь, что выбрал её, потому что она может подарить тебе семью и спокойную жизнь, и при этом бегаешь ко мне за встряской. Что за семья, если ты со своей жёнущкой в постели мечтаешь обо мне?

— Ты ничего, кроме секса, мне дать не способна, и кто знает, скольким ещё ты даёшь, а я тебе говорил, что меня такое не интересует. Джи ни на кого, кроме меня и своей работы, не смотрит, к тому же, она не гонится за блестящими колечками и ничего от меня не требует, как некоторые. Мне с ней комфортно, уяснила? Так что, как бы хороша ты ни была в постели, одного этого мне недостаточно, поэтому не лезь ко мне в участке. Не заставляй меня жалеть о том, что я к тебе прихожу, — цедит сквозь зубы Карл и, пройдя мимо неё, выходит в общий зал.

Терраса ресторана, расположенная прямо у тротуара, как и всегда по вечерам, оживлённая и шумная. Низкие деревянные столики стоят вплотную к дороге, откуда открывается вид на шумную улицу Картахены, по которой проезжают автомобили и мотоциклы. Тропический вечер дарит тёплый ветерок, а вокруг звучит ненавязчивая музыка в ритме сальсы, что придаёт вечеру особый шарм и заставляет забывать об утренних событиях. Бриджит искренне наслаждается каждой минутой, продолжая думать о том, что этого вечера у неё могло бы и не быть. Карл много смеётся, пьёт охлаждённое пиво, а Джи любит его сияющими глазами. На их столике стоит большая корзина с хрустящими золотистыми лепёшками из кукурузной муки, которыми они время от времени перекусывают.

— Ты знаешь, что мне безумно повезло с тобой? — тянется рукой к его ладони Бриджит.

— Никогда не против снова послушать, — очаровательно улыбается ей Карл.

— Я очень тебя люблю, — переплетает их пальцы девушка. — Со дня, как я встретила тебя, моя жизнь обрела краски, и мне жаль, что со мной ты так часто грустишь.

— Я знал, на ком собираюсь жениться, — подаётся вперёд парень и подносит её руку к губам. — Поэтому не кори себя и не забывай, что совсем скоро мы ещё будем клясться про «и в горе, и в радости», а для меня это не просто слова.

— Мне уже не терпится назвать тебя своим мужем, — тянется за бокалом коктейля с ромом и соком маракуйи Бриджит. — Надеюсь, ты маме не говорил, что я была там во время взрыва?

— Конечно нет, иначе мы бы не сидели здесь, а капали успокоительное всему твоему семейству, — смеётся парень.

Карл снова подносит к губам её руку и целует костяшки.

Мимо продолжают проезжать автомобили, Джи реагирует именно на чёрный затонированный эскалад, но машина продолжает движение, а девушка возвращает внимание парню.

— Кто он? — спрашивает, откинувшись назад, Лино у сидящего впереди помощника Чапо.

— Её жених.

— У Хомяка жених, — толкается языком за щёку Лино и пару секунд думает.

— Убей его сегодня же. Это моя игрушка, и только я могу с ней играть.

— Сделаю, — кивает Чапо без лишних вопросов. — Но предупреждаю, она плакать не будет.

— Чего так? А как же любовь? — хмурится Лино.

— Он с её коллегой трахается, я, когда инфу на неё собирал, и это выяснил, — докладывает Чапо.

— Интересно, — снова задумывается Лино. — Тогда я приказ отменяю, не убивай его. Хочу, чтобы Хомячку было больно, чтобы плакала горше.

Гильермо кладёт телефон на стол и, поднявшись с кресла, подходит к окну, за которым открывается вид на поле для гольфа. Он стоит с руками в карманах брюк, рукава завёрнуты до локтей, обычно тщательно уложенные волосы ниспадают на лоб, а взгляд его устремлён вдаль.

— Я могу продолжить? — спрашивает сидящий на диване в кабинете Кристофер и получает короткий кивок.

— Фелиппе выполнил свою часть договора, оплата переведена, думаю, он будет доволен, — продолжает проходить по повестке дня Кристофер. У Наварро есть личный помощник, который занимается большей частью того, что касается его бизнеса, но именно Кристофер лично курирует некоторые вопросы, в решении которых необходимы нетрадиционные методы.

— Мы оплатили услугу, как договаривались, но этого мало, — не оборачиваясь, говорит Гильермо. — Фелиппе — ценный кадр, он мой мостик в сенат, и отношение к нему должно быть особенным. Как думаешь, что можно подарить одному из самых богатых людей страны?

— Я не думал о дополнительном подарке, мы же заплатили за услугу, — хмурится Кристофер.

— В этом и твоя проблема, мой дорогой друг, ты всё делаешь по уставу, не проявляешь инициативу, когда она нужна, — Кристофер его лица не видит и рад этому, потому что уверен, что на губах босса презрительная усмешка, которую так же тяжело стерпеть, как и его слова.

— Фелиппе вызывает не только мой интерес, и, сделай я шаг назад, его купит другой, — трёт переносицу Гильермо. — Я должен не просто платить ему за услугу, но и доказывать, насколько он ценен для меня. Это называется дальновидность, которая формируется на основе того, насколько сильно ты привяжешь к себе нужного человека.

— Я решу вопрос с подарком, найду достойный для него, — виновато говорит Кристофер.

— Нельзя дарить подарок вслепую, и я уверен, что ты уже решил выслать ему очередную неоправданно дорогую побрякушку, — теперь презрение скользит и в его голосе. Самое ироничное, что он прав.

— Того, кому хочешь дарить подарки, с условием, что они ему понравятся, нужно изучать, Кристофер, а что мы знаем о господине Фелиппе, кроме того, что он достойный семьянин и член общества?

— Он игрок, и у него две любовницы, — вспоминает досье мужчины Кристофер.

— Подаришь ему одну из моих инвестиций. Они все прекрасны, но проследи за его любовницами и выбери под его вкус.

— Значит, человека, — тихо говорит Кристофер, коря себя за то, что снова не додумался до этого сам.

— Он будет в восторге, в Картахене нет людей красивее, чем те, кто принадлежит мне. Это повысит его симпатию ко мне и окончательно привяжет его к нам.

Кристофер давно в этом бизнесе и знает, что не только Наварро в качестве знака своей признательности дарит партнёрам красивых девушек или парней. Наварро называет это взаимовыгодным сотрудничеством, полностью обеспечивает будущие «подарки», получает их согласие, и в моменты, когда он предоставляет им счёт за свою поддержку, они с покорностью его оплачивают. В сенате на сегодня есть два сенатора, которые уже получали от Наварро бонусом к выплатам «красивые подарки». Один из них на своём подарке даже женился.

Помимо этого, такую щедрость Наварро оказывал и партнёрам по бизнесу, и судьям, и даже министрам. Притом он всегда попадает в цель, и редко кто из тех, кто купался в его щедрости, расторгал своё сотрудничество с мужчиной. Наварро не просто оказывает внимание своими своеобразными подарками, он ещё и привязывает их к себе, ведь, в зависимости от предпочтений партнёра, дарит он не только людей, но и услуги, которые без его особых связей и власти не реализовать. Поддавшиеся соблазну и принявшие его не всегда законные подарки не могут легко оборвать с ним связи, ведь, уйдя от Наварро не с миром, им придётся нести ответственность.

— Что дальше по списку? — перебивает мысли помощника Гильермо.

— Согласно последним опросам, твой рейтинг упал, и ты снова на втором месте, Перес опережает тебя с небольшим различием, — мнётся Крис, который ненавидит докладывать боссу плохие новости. — Я хотел узнать, как действовать.

Наварро молчит, на первый взгляд складывается впечатление, что он даже не слышит, что ему говорят, но Крис давно ходит с ним бок о бок и знает, что босс всё слышал. Наварро убирает пальцами волосы назад, возвращается к столу и, опустившись в кресло, пристально смотрит на мужчину.

— Я поручил штабу всё выяснить, и, по их докладам, это связано с тем, что Перес делает уклон в обеспечение рабочих мест, поддержку рабочего класса, а ты...

— Бью по картелям, — перебивает его Гильермо. — Неудивительно, ведь людей интересует только то, чтобы на столе сегодня был хлеб. Им не важно, что завтра за этим столом будет некому сидеть, потому что хлеб, который они жадно поглощают, вырос на почве, удобренной костями их детей, а вся Картахена — одно большое кладбище.

— Я вернулся к досье Переса, мы можем ударить его, ты же знаешь, что он любит помоложе, можем использовать классическое оружие, и весь его имидж рухнет, — предлагает Кристофер. — Но, с другой стороны, мне нужно твоё добро, ведь ты пьёшь с ним, и до недавнего времени я верил, что он подставной, чтобы обеспечить тебе конкуренцию. Сейчас мне всё больше кажется, что он втянулся и сошёл с пути.

— Рано, и мне будет скучно, — усмехается Наварро. — Никто не может сойти с пути, который для него выбрал я. Перес заигрался, и меня это даже забавляет. Нужно создавать видимость борьбы, даже если я убеждён, что победа за мной. Большой брат следит, а поводов

давать ему я не хочу. Начнут копать под выборы, нароют то, что не должно всплывать, — темнеет взгляд мужчины. — Но идея с детьми будет рабочей, этот педофил с ними и погорит, если он совершит ошибку. Пока всё по плану. Так продолжит, я сделаю ему последний подарок и сяду в своё кресло.

— Как скажешь, ничего предпринимать не буду, — встаёт Кристофер, но, не дойдя до двери, оборачивается.

— Я сразу подумал о Луке Висконти, история повторяется.

— С чего ты вспомнил именно его, земля ему пухом? — хмурится Наварро.

— С того, что компания этого итальяшки-извращенца появилась здесь тоже благодаря тебе и твоей идее заниматься изумрудами от их добычи до продажи на мировых рынках, — говорит Кристофер. — Всё шло замечательно, пока он не зажрался и не забыл, кто правит Колумбией. Ты меня так же удерживал, даже подготовил ему подарок в честь нескольких лет вашего сотрудничества, но в итоге пожадничал и не подарил его. Ты сделал ему другой подарок. Тут будет так же? Я хочу быть готов.

— Будет так же, — опасно блестя глаза Наварро.

— Земля пухом Пересу тогда, — вздыхает Кристофер.

Кристофер уходит, а Наварро, откинувшись назад в кресле, прикрывает веки. Просидев поглощённым мыслями минут десять, он тянется к выдвижному ящичку в столе и достаёт из него выцветшую фотографию. С фотографии на него смотрит женщина в форме медсестры, на руках у неё ребёнок лет четырёх. Золотые волосы Софии Наварро собраны в пучок, а на лице фальшивая улыбка.

— Надеюсь, ты горишь в аду. Я готов платить чертям, чтобы пламя под тобой не гасло, как пламя ненависти к тебе не гаснет во мне ни на секунду, — говорит Наварро фотографии и убирает её обратно в ящичек. Он отвечает на звонок и, прежде чем заблокировать экран телефона, открывает папку и, наугад выбрав одну из сотен фотографий с одним и тем же лицом, долго в неё всматривается. На улице уже стемнело, Гильермо закрывает папку с фотографиями, открывает сообщения и перечитывает одно слово — «спасибо». Он давит острое желание прямо сейчас поехать на улицу Сан-Хуана и убеждает себя быть терпеливым.

Терпение и есть его главный дар, и его у Наварро океан, ведь именно оно сделало его тем, кем он сегодня является.

Хоть это не прихоть Фелисии, а работа, она всё равно не знает, как сказать родителям, что её не будет на празднике, который они устраивают для неё же. До того, как заснуть, она долго думает об этом, а просыпается от громкого «с днём рождения» от всей семьи. Фелисия присаживается на постели, задувает свечи на любимом торте и искренне благодарит родных. Даже Алисия, которая в это время только собирается отправляться ко сну, тут. Фелисия принимает подарки в постели и, хотя знает, что ей купили, учитывая, что список желаемого она кидала в семейный чат, всё равно удивляется. Родители оставляют девушку собираться, а она, натянув на плечи пиджак и собрав волосы в низкий хвост, спускается на кухню, где мама уже нарезала торт. Фелисия долго топчется на кухне, наблюдает за пьющим кофе отцом и никак не может начать разговор. Мама разговаривает по телефону с сестрой, обсуждает меню на вечер, и Фелисия, поняв, что тянуть нельзя, иначе она опоздает в офис, подходит к столу.

— Вечером мне нужно быть на открытии больницы, буду освещать мероприятие, — тихо начинает девушка. — Я пыталась соскочить, но шеф сказал, что моё присутствие обязательно.

— Как так? — восклицает повесившая трубку Джорджиа. — У тебя же день рождения, и мы проводим его не в рабочее время! Что за безобразие? Ничего человеческого у твоего босса нет?

— Мам, я сама не хотела идти, но я хочу перейти в штат, поэтому мне придётся, — мнётся Фелисия.

— Это правильно, — кивает не ожидающей такой реакции дочери Пабло. — Нельзя получить всё, если не выкладываться.

— Но праздник! Гости! — не может уgomониться Джорджиа. — Некоторые издалека приедут, чтобы её поздравить.

— Может, всё закончится быстро, и я успею, — вздыхает Фелисия, прихватив из холодильника бутылку апельсинового сока. — Мне правда очень жаль.

— Моё солнышко, это первый раз, когда ты не будешь праздновать с нами, я не могу с этим смириться, — причитает Джорджиа.

— Прекращай с ней сюсюкаться, — ворчит Пабло. — Сделала её неженкой.

Фелисия оставляет спорящих о её воспитании родителей и, прихватив рюкзак, идёт на выход. Так как до открытия ещё несколько часов, Фелисия уходит в работу, параллельно собирает информацию о больнице, чтобы быть готовой. Из головы никак не выходит короткая переписка с Наварро, и ей приходится прикладывать максимум усилий, чтобы концентрироваться на задании. Миранда переговаривает с фотографом, и в половине пятого на служебной машине они выдвигаются. Фелисия записывает важные моменты из речи выступающих и восхищается Наварро и тем, сколько денег он вложил в проект, который в принципе ему ничего не принесёт. Всё-таки доброта этого мужчины впечатляет. Фелисия думает, что, если она когда-то разбогатеет, тоже будет помогать своему народу. Наварро не просто восхищает, он ещё и вдохновляет. Самого Наварро, к слову, на открытии нет. Фелисию эта мысль веселит, ведь мужчина устроил ей нагоняй, а сам не явился. Хотя глупо сравнивать их, учитывая, что Наварро можно всё, а Фелисии только то, что он разрешит. Миранда бежит среди толпы перед центральным входом, где присутствуют представители власти, медицинский персонал и сами жители города, пришедшие выразить благодарность. Фелисия, которая от долгого стояния на ногах устала, никак не может дождаться, когда уже перережут красную ленту, и она сможет вернуться домой. Директор больницы снова выражает благодарность Наварро и собравшимся, и Фелисия замечает, как толпа начинает расходиться, открывая коридор для нового гостя. Значит, он всё же приехал. Фелисия тоже отходит в сторону, снова поражаясь количеству личной охраны мужчины, и с замиранием сердца смотрит на идущего ко входу Наварро. Гильермо пожимает руку директору, кивает собравшимся и, сказав короткое «поздравляю», вместе с мужчиной перерезает ленту. Фелисия, которая готовилась записывать речь, в шоке смотрит на спустившегося вниз и сразу же удалившегося мужчину.

«Будто бы галочку поставил», — толпа с криками и аплодисментами провожает кортеж, а Фелисия собирает рюкзак. Миранда говорит, что с утра они начнут готовить материалы, но коротко информацию об открытии уже запустили в СМИ. Фелисия, радуясь тому, что потратила на открытие меньше часа, прощается с девушкой и вызывает такси. Она выходит на дорогу к ожидающему её такси, плюхнувшись на сиденье, снимает с волос резинку и массирует голову. Всё-таки она устала, и не от работы, которая быстро закончилась, а от нервного напряжения и постоянных переживаний. Домой ехать уже и не особо хочется, ведь, учитывая, что гости прибыли ради неё, она будет вынуждена сидеть с ними до глубокой ночи, хотя хочется зайти под душ и завалиться в кровать. Такси не успевает проехать и десяти минут, как сдаёт на обочину, и копающаяся в телефоне Фелисия не сразу понимает, что случилось. Дверца рядом с ней открывается, шокированная происходящим девушка инстинктивно двигается в противоположную сторону и видит того самого красивого мужчину, который вечно маячит рядом с Наварро.

— Выходи, босс хочет поговорить.

— Я сделала что-то не так? — растерянно смотрит на него Фелисия, но салон покидает. Стоит девушке оказаться на тротуаре, как она видит несколько автомобилей, припаркованных у дороги. Кристофер провожает её до роллса и, открыв дверь, ждёт, когда она сядет.

Фелисия забирается в салон и первым делом вдыхает любимый парфюм. Кристофер садится на переднее сиденье, и автомобиль двигается.

— Прости, что напугал, но это вынужденные меры предосторожности, сама понимаешь, внимания много, и я не мог подойти к тебе среди толпы, — Наварро смотрит на неё, а его голос снова обволакивает сознание девушки, которая на миг теряет ощущение реальности происходящего.

— Я сделала что-то не так? — повторяет свой вопрос теперь уже ему Фелисия, очень старается не выдавать, как сильно она нервничает.

— Ты сделала всё правильно, — говорит Наварро, но Фелисия не сосредотачивается на его словах, потому что не может отвести взгляд от его лица. — Знаешь, есть такая штука, как совесть, и, как бы я ни думал, что у меня её нет, она периодически всплывает, — продолжает мужчина. — Мне жаль, что я был груб с тобой вчера и лишил тебя праздника, ведь ты совсем ребёнок, и то, что я не придаю значения своему дню рождения, не значит, что и остальные не должны.

— Всё нормально, я делаю свою работу, — тает от его слов Фелисия.

— Всё равно я бы хотел подарить тебе праздник взамен того, который сам же испортил. Если торопишься домой, я пойму, если нет, то позволь мне искупить вину.

— Вы уже сделали мне большой подарок, порадовали на концерте, — всё ещё не понимает, куда именно он клонит, Фелисия. — Вы не виноваты, и я зла не держу.

— Разве? — выгибает бровь Наварро, у Фелисии от его пронзительного взгляда кожа стягивается.

— Немножко злилась вчера, но уже нет.

Чёрт возьми, он читает её как книгу, и Фелисии очень не хочется быть настолько предсказуемой рядом с ним.

— Думаю, моя семья уже закончила праздновать, — продолжает девушка, нервно разминая свои пальцы. — Мне лучше поехать домой, родители переживать будут.

— Они ведь знают, что ты на работе, а ты на работе, просто продолжим мы её в более приятной атмосфере, — словно не слушает её Наварро. — Хочу, чтобы следующие часы ты отдыхала и наслаждалась, это ведь твой день. Сколько тебе лет исполнилось, кстати?

— Девятнадцать.

— Совсем юная, — в этот раз его улыбка нежная, даже тёплая, обещающая Фелисии, что ей бояться нечего.

— И где мы продолжим работу? — прокашливается Фелисия и сама себя убеждает, что глупо бояться, ведь Наварро известный человек и её шеф. Его биография кристально чиста, и Фелисия не помнит ничего, что оправдало бы её страхи о том, что она сидит в салоне с убийцей или насильником.

— Ты, наверное, голодна, сразу из офиса сюда приехала, я тоже сегодня нормально не ел, поэтому мы поужинаем вместе.

Фелисия хочет что-нибудь сказать, ответить, но слова застревают в горле, и в её голове продолжает крутиться так небрежно брошенное «вместе», которое вселяет надежду. А вдруг не показалось, вдруг Наварро и правда чувствует к ней то же самое, что и Фелисия к мужчине, а значит, надо это проверить и не упускать возможность заполучить его.

Автомобили беспрепятственно двигаются по вечерним улицам, а Фелисия понемногу успокаивается. Только когда они заворачивают на территорию аэропорта и, продолжая движение уже по взлётной полосе, паркуются у частного самолёта, готового к взлёту, паника к девушке возвращается с двойной силой.

— Мы кого-то встречаем? — растерянно смотрит на мужчину Фелисия.

— Нет, мы слетаем поужинать в Санта-Марту, — отвечает Наварро и, стоит подбежавшим телохранителям открыть дверцы, первым покидает автомобиль.

— В другой город? — обойдя машину, снова подходит к нему Фелисия, которую наполняет тревога. — Зачем нам лететь в другой город?

— Какая же ты пугливая, — усмехается Наварро. — Если ты боишься летать, мы не полетим. Мой любимый повар переехал в Санта-Марту и открыл там ресторан. Раз я хочу устроить тебе вкусный ужин в день твоего рождения, то я подумал, что ты должна поесть мясо, которое готовит именно он.

— Может, я вегетарианка, — не находит для ответа ничего лучше всё ещё потерянная девушка.

— Ты не вегетарианка.

— Хорошо, но я никогда не летала на частных самолётах, вообще не летала...

— Замечательно, первый опыт самый яркий, — протягивает ей руку Гильермо, и Фелисия несмело тянет в ответ свою. Она не знает, откуда у Наварро такая странная власть над ней, но точно знает, что она ей поддаётся.

Фелисия не скрывает восторга, когда поднимается на борт роскошной железной птицы. Она устраивается в кресле, с благодарностью принимает бокал шампанского от стюардессы и ждёт, когда задержавшийся на трапе Наварро присоединится к ней. Просторный интерьер заставляет девушку забыть, что она в самолёте, окутывает её тишиной и комфортом. Она удобнее располагается на кожаном диване цвета слоновой кости и, пригубив шампанское, прикрывает от удовольствия веки.

Зоны салона чётко разделены, и Фелисия бы с удовольствием обследовала все, если бы не смущалась. Она ведь не солгала, она никогда не садилась в самолёты, и её первый раз получился таким роскошным. Наварро наконец-то идёт к ней и, на ходу сняв с себя пиджак, опускается в кресло напротив. Ему сразу же подадут янтарного цвета жидкость на дне стакана, и он, перекинув ногу через ногу, смотрит на девушку.

— Такой большой, — обводит взглядом пространство Фелисия.

— Он больше, чем кажется, — улыбается Наварро. — Пока отдыхай, может, на обратном пути проведу тебе экскурсию.

— Тут даже гостиная есть, — разинув рот, заглядывает за отодвинутую шторку Фелисия.

— Есть и спальня, — усмехается Наварро, а Лис, которая моментально представляет, что в этой спальне можно не только спать, смущается. — Я люблю путешествовать с комфортом.

— Понятно, — кивает Фелисия и, откинувшись назад, чувствует, как её окутывает дрема. Небольшие светильники, встроенные в потолок, создают тёплый, приглушённый свет, который не только придаёт обстановке интимность, но ещё и рубит девушку.

Полёт занимает около часа, на протяжении которого они практически не общаются, потому что Наварро сидит за планшетом и, судя по морщине на лбу, что-то решает. Периодически он отвлекается на подходящего к нему Кристофера и снова возвращается к работе. Фелисию его молчание не обижает, напротив, она благодарна, что Наварро дал ей передышку, ведь диалог с ним заставляет девушку пропотеть.

В аэропорту Санта-Марты их встречает новый кортеж, и теперь, устроившись в бентли, они несутся по ночному городу в неизвестность. Фелисия проверяет телефон, но ничего нет — или родители заняты гостями, или не хотят мешать ей работать. Спустя минут двадцать автомобили паркуются у бордюра, и Фелисия, выйдя наружу, разминает свои затёкшие от долгого сидения плечи.

Небольшой ресторанчик в центре города словно ждал только их. Только на одном столике горит свеча, а рядом, в ведёрке, охлаждается шампанское.

Наварро прав, не только мясо, а всё, что подают к столу, божественно, и если сначала Фелисия смущалась его присутствия, за приборами не тянулась, то после того, как мужчина пошутил, что посадит её на колени и сам покормит, девушка сдалась. Более того, стоило Фели-

сии сказать ему, что у неё аллергия, прежде чем им начали выносить блюда, Наварро сам отметил, что арахиса ни в одном блюде нет.

— Откуда вы знаете, что у меня аллергия на арахис? — удивлённо спросила его девушка.

— Ты ведь сказала, что у тебя аллергия, а на арахис — это самый распространённый вариант пищевой аллергии. Я угадал.

Закончив с закусками, они перешли к мясу, и Фелисия поняла, что лететь сюда час того стоило. Такой вкусный стейк она не ела никогда.

— Вы слишком добры ко мне, — говорит Фелисия, закончив с божественным грушевым тарт татеном с шариком ванильного мороженого.

— Вне офиса можешь обращаться ко мне на ты, — Наварро, в отличие от неё, от десерта отказался и пьёт чёрный кофе.

— Я ещё увижу вас вне офиса? Тебя, — исправляется Фелисия.

— Твоё желание превалирует, захочешь — увидишь.

Фелисия легонько улыбается, убирает с лица волосы и, хотя она выпила только бокал вина, чувствует себя опьяневшей.

— Ты похожа на ангела, — любитесь ею мужчина. — Это пугает, ведь мир безжалостен к своим хрупким детям.

— Я не ангел, — задевают его слова Фелисию, ведь получается, он считает её слабой. — Вы моё резюме не читали?

— Прекрати выкать, не читал, не собираюсь, — хмурится Наварро. — Мне не интересно, что там написано, ведь что надо ты можешь рассказать сама.

— Просто знай, что я далеко не ангел, — хмыкает Фелисия, допивая свой кофе.

— Что же ты натворила? — выгибает бровь мужчина. — Забыла цветы полить?

— Не смешно, и не скажу.

— Скажи, ведь это точно нечто несерьёзное, а серьёзное и так будет в твоём деле. Я не беру на работу преступников, — холодно говорит Наварро, и девушка ёжится.

— Я была трудным подростком.

— Не верю, ты всё равно ангел.

— Неправда! Я даже в участке была, мне грозила колония за порошок, — выходит как бахвальство тем, чем гордиться не стоило бы, и Фелисия прикусывает губу.

— Употребляла? — моментально мрачнеет Наварро.

— Нет, то есть, не успела, вовремя получила и соскочила, — уже жалеет, что открыла рот Фелисия. — Поэтому отец у меня строгий, я живу, как в плену, и, думаю, за этот вечер тоже получу.

— Не получишь, ты не сделала ничего плохого, — заверяет её Наварро, и Фелисия ему верит.

Наварро, извинившись, отвечает на звонок, а Фелисия уходит воспоминаниями в допросную, которая до сих снится ей в кошмарах. Она как вчера помнит, как, дрожа от страха и порошка в крови, сидела в одиночестве в чёртовой комнате, сужающейся до размеров гроба, и ждала вердикта. Точнее, ждала, что отец решит вопрос и вытащит её, потому что от мысли, что она может оказаться за решёткой даже на сутки, Фелисию выворачивало от страха. Она никогда не забудет пережитые ей в ту роковую ночь эмоции и то, как она сидела в неведении почти три часа, уставившись на стекло в допросной, и представляла, как по ту сторону стоят издевающиеся над ней полицейские, которые в пути были с ней очень грубы, и чуть ли не плакала. Это был отличный урок, после которого Фелисия больше и мысли не допускала вернуться к наркотикам.

— У тебя есть любимая книга? — убедившись, что Фелисия снова с ним, спрашивает Наварро.

— Их две, и обе принадлежат Достоевскому — «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Вы из тех, кто делает выводы о человеке по тому, что он читает? — шурится Фелисия.

— Нет, просто хочу тебя узнать. Огромное заблуждение — судить человека по его увлечениям и любимым книгам. Я встречал тех, кто цитировал величайшие умы и был туп как пробка, и тех, кто школу не закончил, но проворачивал аферы, которые другим и не снились, — усмехается Наварро. — Первая книга — моя любимая. Я часто возвращаюсь к ней, размышляя о раскаянии и искуплении или думая о том, оправдывает ли высшая цель преступление.

— И как думаете?

— Оправдывает.

— Категорично, — нервно усмехается Фелисия и решает, что пора заканчивать ходить вокруг да около и нужно брать быка за рога. — Так зачем вам узнавать меня получше, дарить ВИП-билеты на концерт и вообще привозить сюда? Я всего лишь одна из тысячи ваших работников.

— Как думаешь зачем? Ты же не глупая, — и снова этот взгляд, пробирающийся под кожу.

— А ты конкретный, — довольно улыбается Фелисия, не скрывая радости от услышанного. Значит, это правда — он ей увлечён. Фелисия, несмотря на все свои предыдущие заслуги на любовном фронте, сомневалась в том, что привлечёт внимание этого мужчины, а сейчас она чувствует, как в ней разом все поры раскрываются и дышать становится легче.

— Я спросила, потому что у тебя могут быть проблемы, если нас увидят, — уже смелее продолжает девушка.

— У меня проблем не будет. Почему я не могу пригласить на ужин своего работника?

— Ну, слухи, сплетни, зачем вам это...

— Запомни, я не делаю того, чего не хочу. Никогда, — отрезает Наварро. — А тебя я хочу, — не тянет время на прелюдии, прицельным и прямо в лоб выстреливает. Фелисия, которая наблюдала за тем, как им наливают лимончелло и поджигают свечу на маленьком, выглядящем аппетитно торте с клубникой, аж воздухом поперхнулась. Давящая тишина между ними длится минуту, Фелисия пытается собрать воедино мысли, а Наварро следит за её лицом, словно читает на нём ответ на своё заявление. Ответ утвердительный.

— Это ведь итальянский ликёр, я его пробовала, вкусный, — тянется за стаканчиком наконец-то оклемавшаяся Фелисия. — Я, кстати, знаю итальянский, — решает похвалиться девушка, ведь, как бы там ни было, Наварро её босс, и лучше ему не думать, что в её личном деле только её падения.

— Интересно, зачем ты его изучала? — выгибает бровь мужчина.

— Поддалась влиянию подруги, — пожимает плечами наконец-то расслабившаяся в его присутствии Фелисия. Как бы её ни удивляла напористость мужчины, она благодарна ему, что тот сразу объявил о своих желаниях и частично снял напряжение между ними.

— Понятно. Загадай желание, — двигает торт к ней Наварро. — До конца твоего дня рождения ещё больше двух часов.

Фелисия, которая польщена его внимательностью, ведь он уже подарил ей чудесный вечер и можно было бы обойтись без торта, прикрывает веки и задувает свечу.

— Что ты загадала? — с улыбкой спрашивает Наварро.

— Если я скажу — не сбудется, — бурчит смущённая девушка.

— А как мне его исполнить, если я не знаю, чего ты хочешь.

— Ты правда очень добр ко мне, и я уважаю то, что ты чётко озвучил свои желания, но не думай, что из-за пары красивых жестов я разденусь и лягу на этот стол, — у Фелисии даже взгляд меняется, а в Наварро не дремлющий с момента их первой встречи зверь желания в экстазе бьётся.

Вот она, та самая девочка, увидев которую, Наварро моментально распознал своё. Вся эта притворная покорность, пугливый взгляд и нерешительность — маска, которая уже срослась с Фелисией, и как хорошо, что именно этим вечером она решила её с себя содрать. Фелисия же не только рада, она ещё и удивлена, ведь последние годы она даже мысленно к своему настоящему «я» возвращаться боялась, а оказалось, ей безумно сильно не хватало перестать быть удобной и стать собой. Правда, маску отдирать пришлось с кожей.

— Нет, я даже думать так о тебе не хочу, ведь я люблю загонять добычу. Брать то, что идёт в руки само — неинтересно, — подавшись вперёд, говорит Наварро.

— Только у меня к тебе просьба, не обижайся, не надумывай, сразу говори, что не так, и отвечай, если я спрашиваю. Я опускаю прелюдии, они — трата времени, и это очередное доказательство моего уважения к тебе, ведь ты большая девочка, понимаешь, к чему я веду. Если мои слова доставили тебе дискомфорт, я прошу прощения. А теперь улыбнись.

— Это приказ? — нахмурившись, смотрит на него Фелисия.

— Это просьба. Приказ ты переспрашивать не будешь.

Полёт в Картахену проходит спокойно. Фелисия еле держится, чтобы не заснуть. Её разморило вкусной едой и вином, а в салоне самолёта приглушённый свет и тишина, и спать хочется безумно. Наварро сидит напротив, пьёт коньяк, наблюдает за ней. Ближе к Картахене мужчина берёт с подноса подошедшей стюардессы чёрную бархатную коробочку и, передав её Фелисии, говорит:

— С днём рождения.

— Это подарок? — не спешит тянуться за коробочкой Фелисия, и мужчина кивает.

— Не стоило, вы уже подарили мне чудесный вечер, — мнётся девушка, но Наварро настаивает, чтобы она его взяла. Фелисия, подняв крышку, смотрит на наручные часы, камни на которых красиво переливаются под искусственным светом, и недовольно дует губы.

— Это Chopard Emerald, обычно у них инкрустация бриллиантами вокруг циферблата, но по запросу они добавили изумруды. Ты знаешь, что я занимаюсь изумрудами, и мне кажется, их цвет идеально оттеняет тёплый тон твоей кожи, — говорит Гильермо.

— Спасибо, конечно, я оценила щедрость твоего жеста, но я их не приму, — захлопывает крышку коробочки Фелисия и протягивает мужчине. — Не в моём вкусе.

— Значит, не понравилось? — почти незаметный оскал трогает губы Наварро.

— Не мой стиль, — спокойно отвечает Фелисия.

— А я отказов не принимаю.

— Я не приму подарок, — всё равно возвращает ему коробочку Фелисия. — Попробуешь ещё раз, у тебя будет шанс, — совсем снисходительно добавляет, и, кажется, именно в этот момент охотник сполна осознаёт, что выбрал жертву себе по уровню.

— Я думал, такая красивая девушка знает, как вести себя, когда ей делают подарки. Или их тебе никогда не дарили? — подначивает её Наварро.

— Дарили, и много, и цветы, и подарки, но это не значит, что я принимала всё, я капризная, — невозмутимо отвечает подпитываемая годами всеобщего поклонения Фелисия, а Наварро, усмехнувшись, подзывает стюардессу и, передав ей коробочку, просит оставить её себе.

— Ты подарил ей мои часы, — плохо скрывает злость девушка.

— Я же сказал, я отказов не принимаю, но ты со мной только знакомишься, и я уступлю сегодня. Значит, ты с характером, так даже интереснее.

До аэропорта Фелисия больше ничего не говорит, она обдумывает вечер и не может понять, чего в ней больше: восторга или некоего дискомфорта, учитывая, что они оба играют в пока ещё не понятную, но явно опасную игру.

— Не надумывай ничего, — уже у поджидающего их автомобиля говорит Наварро, и Фелисия аж вздрагивает.

— О чём ты?

— Я слышу твои мысли, выключи их. Я лишил тебя твоего праздника, захотел тебе подарить новый, вот и всё. Не нужно рассматривать каждое моё слово или действие под микроскопом, — лично открывает для неё дверцу Наварро.

— Как скажете, — опускается на сиденье Фелисия.

— Ну вот мы снова на «вы».

Автомобиль мягко вливается в поток, фары освещают тёмную трассу, а Фелисия любуется огнями ночной Картахены. Ей трудно сосредоточиться на чём-то одном, что она услышала или увидела за этот странный вечер, поэтому она продолжает бесцветным взглядом наблюдать за автомобилями на трассе и жуёт свои губы. Наварро, в отличие от неё, абсолютно спокоен и расслаблен. Его профиль подсвечен мягким светом приборной панели, блеск фонарей отражается в его глазах, и Фелисия солжёт, если скажет, что он, как и прежде, не завораживает её. Они толком не знакомы, между ними всё ещё огромная пропасть, но прямо сейчас она наполнена сладостным предвкушением, с которым девушка никак не может справиться. Фелисия не помнит, когда в последний раз она чувствовала себя настолько живой, и пусть, стоит ей переступить порог дома, она снова натянет уже потрескавшуюся маску, она благодарна мужчине, рядом с которым ей больше не нужно играть.

— Я выйду в центре, — прочистив горло, всматривается в уже знакомые улицы Фелисия. — Не хочу, чтобы все эти машины въезжали на мою улицу, будут сплетни.

— Я довезу тебя до дома, время позднее, незачем рисковать.

Фелисия хочет поспорить, но быстро сдаётся, её греет забота со стороны мужчины, а ещё она надеется, что, учитывая, что уже глубокая ночь, соседей на улице не будет. Они завораживают на её улицу, и, хотя стёкла в автомобиле затемнённые, Фелисии хочется сползти на сиденье. Свет на крыльце их дома включается, как только роллс паркуется у калитки, и идея девушки проскользнуть незамеченной проваливается, потому что родители выходят во двор.

Наварро первым покидает салон и, подойдя к ним, протянув руку, здоровается.

— Решил лично привезти Фелисию, чтобы вы не переживали, и заодно попросить прощения, что лишил вас праздника, — говорит удивлённой паре мужчина.

— Ну что вы, не стоило так утруждаться, — запахивает халат бледная Джорджия, всё ещё не веря в то, что перед ней стоит сам Гильермо Наварро.

— Она переживала, что была вынуждена оставить вас, но заверяю вас, она отлично сегодня поработала, вы можете ей гордиться. Ещё раз приношу свои извинения и доброй ночи, — Наварро возвращается к роллсу, у которого так и застыла Фелисия, и, нагнувшись к ней, говорит:

— Спокойной ночи, Белла.

— Белла?

— Ты же знаешь итальянский.

— Меня не так зовут, — тихо говорит Фелисия.

— Именно так.

— Я не принимаю отказов, — кривит рот Фелисия, вызвав у мужчины улыбку.

Автомобили удаляются, а Фелисия следует за родителями в дом. Отец вопросов не задаёт, сразу идёт курить на террасу, а мать продолжает снимать праздничные ленты с потолка. Фелисия не знает почему, но она чувствует острую нужду оправдаться, и в чём — не понятно.

— Вы обижены? — помогает матери с шарами девушка.

— Что ты, солнышко, это работа, мы понимаем, — нервно усмехается Джорджия, наматывая ленточки на руку.

— А папа злится.

— Он всегда злится, ведь для него все вокруг тебя хищники, — качает головой женщина и переходит к шарам.

Фелисия оставляет шары на полу и идёт на террасу к отцу, зная, что, пока не поговорит с ним, не уснёт.

— Пап, не злись, ты сам хотел, чтобы я карьеру делала, вот я и выбрала работу вместо праздника, — остановившись в паре шагов от мужчины, говорит девушка.

— Я не злюсь, просто такие люди, как Наварро, опасны, и я переживаю, — выдыхает дым в ночь Пабло, отказывается смотреть на дочь.

— Он хороший человек, помогает людям, в политику идёт...

— Хорошие сказочно богатыми не бывают, — перебивает её отец и наконец-то поворачивается к ней. — Ты же не сделаешь глупость?

— Какую? — выходит почти истерично. — Чего ты ждёшь от меня? Очередной истории с порошком? Или что я пойду по рукам, только потому, что он меня подвёз? Ничего такого не было, а если и будет, ты достаточно решал, как мне жить, а с кем мне спать — моё дело!

Фелисия, только договорив, понимает, что именно она сказала, и, прижав ладонь к губам, с сожалением смотрит на отца.

— Ликси...

— Я ошибалась, но это не значит, что всю мою жизнь меня нужно держать на поводке. Спокойной ночи, папа, — уже тихо говорит девушка и, оставив мужчину на террасе, удаляется.

Фелисия принимает горячий душ и, устроившись на кровати, листает скудные сообщения от Наварро по поводу концерта. Ужасно сильно хочется ему написать, найти сочувствие, ведь, как бы она ни любила свою семью, она никому о том, насколько больно делает их недоверие, рассказать не может. Каждый взгляд отца пропитан сомнением, каждый его вопрос звучит так, словно Фелисия маленький ребёнок, который вот-вот совершит ошибку. Ей обидно из-за того, что те, кто должен её поддерживать и доверять ей, вместо этого душат своей заботой и заставляют её притворяться другой. Все делают ошибки, но Фелисия свои не повторяла и убеждена, что не заслуживает такого отношения. Родителям давно пора перестать воспринимать её как пятилетнюю девочку, не способную разобраться в своей жизни, и считать, что без их указаний она обречена на провал. Фелисии так хочется, чтобы кто-то понял её, просто выслушал, без критики, без советов. Но с Яной обсуждать обиду на тех, кого она, несмотря ни на что, любит, не хочется, и, видимо, вслух она никогда своих беспокойств не озвучит. Вот и Наварро Фелисия ничего не пишет, убирает телефон и, повернувшись на бок, нарушает своё слово — под микроскопом рассматривает весь сегодняшний вечер. Несмотря на некоторые моменты, когда ей было некомфортно, в целом — это был её лучший день рождения. Фелисия никогда раньше не встречала настолько прямолинейного и уверенного в себе и своих силах человека. Её это только поджигает, ведь Яна права, все, кто был у неё до этого — мелюзга, и девушке давно пора начать играть во взрослой лиге. Тем более чувства, которыми она передознулась пока ещё только на одном свидании, затмевают эффект даже порошка.

Глава 6. Rojo

— Офицер Хомячок, — не успевает Бриджит пройти к своему месту, как её окликают. Впервые за время знакомства с Ортегой Джи, узнав его голос, не хмурится, а, обернувшись, сама протягивает ему руку. Он снова в чёрной кожанке, такого же цвета джинсах, всем своим видом напоминает Джи сердцедавов из маминых любимых мыльных опер, и девушка сама удивляется своим мыслям.

Её взгляд скользит вниз, она замечает поблёскивающие на запястье мужчины часы и моментально хмурится. Бриджит выросла в семье с низким доходом, но с предметами роскоши хорошо знакома, учитывая, что комната с вещественными доказательствами и хранилище забиты побрякушками драг лордов, большую часть которых в этот участок загоняла сама девушка. Рауль сразу замечает её взгляд, мысленно материт себя за неосмотрительность, но прячет истинные эмоции за широкой улыбкой.

— Это ведь Patek Philippe Olive Green, — не поддаётся очарованию чужой улыбки Джи и, схватив его за запястье, поднимает руку. — Это коллекционная модель, я уже видела их на одном из наркобаронов. Откуда у торговца ворованной техникой столько денег? — всё больше мрачнеет офицер.

— Ты что, укурена, — громко смеётся на весь участок Ортега и отбирает руку. — Какой Патек Филипп? Это подделка, я в Чайна-тауне их за сто пять песо взял. Хочешь, и тебе что-нибудь куплю?

Судя по глубокой морщине на лбу Бриджит, она ему не верит, но Ортега не теряет, он снимает часы с запястья и, бросив их на пол, давит на них ботинком.

— Будь это Патек Филипп, я бы так сделал? — обиженно продолжает Ортега, пока Джи, разинув рот, смотрит на треснутое стекло часов. — Я бы только рад иметь их, но пока столько не зарабатываю, — подняв часы, убирает их в карман мужчины. — А ты должна мне сотню песо.

— Я не просила их разбивать, — наконец-то расслабляется Джи и зовёт его за собой в допросную. — Думала, ты соскочишь, но рада, что ты пришёл, — кивает на стол девушка и закрывает за ними дверь.

— Кофе не предложишь? — упав на стул, спрашивает Ортега, и Бриджит выходит обратно в коридор. Спустя минут пять она возвращается и ставит перед Лино бумажный стаканчик.

— Я люблю с молоком и сахаром, — скривив рот, смотрит на чёрную жидкость в стакане Ортега.

— Это тебе не кофейня, и да, я всё ещё благодарна, ты мне жизнь спас, но не перегибай, — холодно говорит Джи. — Я не могу пока подписать тебя в информаторы и, следовательно, платить не буду, но раз ты по доброте душевной хочешь поделиться, то я слушаю.

— Честно скажу, нравишься ты мне — такая правильная, смелая, небось, и неподкупная? — выгибает бровь Ортега, сканируя девушку заинтересованным взглядом.

— Ты сразу к делу перейти не можешь? — теряет терпение офицерша.

— Сколько ты стоишь? — внезапно подаётся вперёд мужчина, в глазах которого клубится та самая порой пугающая Джи темнота.

— Прости...

— Мне всегда было интересно, сколько стоят полицейские, потому что я не идиот и знаю, что вас покупают. Так сколько ты стоишь? — касается языком своих клыков Ортега.

— Могу расценить твои слова как оскорбление полиции, но, учитывая, что ты клоун, я закрою глаза, — отвечает спокойно, к своему удивлению, Бриджит. — Да, к сожалению, в полиции, как и в любой другой структуре, есть грязные копы, но я люблю свою работу и я не продаюсь.

— Значит, силой, — цокает языком Ортега.

— Что ты несёшь?

— Размышляю, — потягивается на стуле Рауль. — Теперь к делу, приходи к семи в мой район. Вчера пацаны привезли систему охраны и обсуждали, что у торговцев «Доминион» сегодня будет сходка. Я даже знаю где. Приезжай строго в штатском, сам тебя встречу.

— А если это подстава? — усмехается Джи. — Думаешь, я идиотка?

— Офицер Хомячок, ты всё про меня знаешь, я у вас в системе уже, плюс, я спас твою шкурку от огня, — недовольно говорит Ортега. — Нет, я не считаю тебя идиоткой, и ты так про меня не думай, ведь я знаю, что ты не приедешь без подкрепления.

— Я дам тебе шанс, проверю твой слив, но если это пустышка, то в следующий раз ты придёшь в участок в наручниках, — поднимается на ноги Хименес.

— Договорились, жду тебя вечером, — Ортега допивает кофе, машину для которого анонимно выслал в участок сам. — Напрасно я кофе ругал, очень вкусно. Копы себя балуют, —

идёт за ничего не подозревающей офицершей заслуженно самый страшный человек Колумбии, напевая при этом любимую считалочку.

— Хотела спросить, — останавливается у двери Бриджит. — Почему именно она? Что за жуткая считалочка про ведьму Мэри?

— Сам не знаю, — пожимает плечами Рауль. — В детстве часто напевал её в надежде, что Мэри вылезет из зеркала и сожрёт меня, но эта сука вечно была занята, — смеётся, только Джи от его слов совсем не смешно. В любом случае, дальше она уже ничего не спрашивает, лично выпроваживает Ортегу и, вернувшись за свой стол, продолжает работу. После обеда она уезжает в ДЕА, где ей подтверждают, что взрывы перед главным управлением дело рук «Доминион», и до пяти часов работает над делом Кастильо. В конце дня Хименес, как и несколько других офицеров, получает список мест и время, где будут проходить предстоящие облавы. По имеющейся информации, в этих точках будет представление нового товара «Доминион», и именно у Джи и её источников большая роль в их обнаружении. Бриджит вместе с коллегами из ДЕА и отрядом спецназначения будет брать спа-салон на окраине, вторая группа выедет в подпольное казино в городе.

— А я обрадовался, что ты пришла пораньше, думал, кино посмотрим, проведём время вместе, — Карл, который после работы сразу приехал к Джи, сидит на диване с пультом от телевизора в руке, а девушка, подойдя к нему, целует его в затылок. — Ты снова уходишь, и твоя нежность меня не успокоит, — ворчит парень.

— Вполне возможно, что это просто бред, но я проверю, тем более я ему должна, — идёт к ванной Джи. — Ты не грусти, мне кажется, он блефует и всё накроется. Уверена, я приеду пораньше, и мы реализуем твои планы на вечер.

— Я тогда не буду сидеть здесь один и лучше поеду к себе, если что, позвони мне, — просит её парень.

Приняв душ, Бриджит переодевается в джинсы и чёрную футболку, проверяет оружие и документы и, попрощавшись с женихом, выходит наружу. У тротуара её ждёт тойота, которую она в виде исключения одолжила из гаража полиции, где хранятся конфискованные автомобили. Джи оставляет машину в соседнем квартале, переговаривает с коллегами, которых попросила быть начеку и ждать её сигнала, и идёт к указанному Раулем адресу. Не успевает она дойти до магазина, на котором горит светодиодная вывеска с надписью Elektra, как ей навстречу выбегает Ортега и с широкой улыбкой идёт к ней.

— Родная, — обнимает растерянную девушку Рауль и шепчет в ухо: — Подыгрывай, тут новичков вычисляют, а ты со мной.

Бриджит хлопает его по плечу и просит, чтобы Рауль немного расслабил руки, иначе он ей позвоночник сломает.

— Не веди себя, как коп, — уже пройдя внутрь, говорит ей Лино и забирает с прилавка-витрины свой телефон.

— Чем я себя выдаю? — топчется рядом Джи, рассматривая магазин. Ничего необычного, одна из сотни таких же точек, торгующих электроникой.

— Ты напряжена, походка, осанка — всё в тебе кричит, что ты коп, — хлопает её по плечу Венсан. — Впервые вижу тебя без формы, она тебя портит, — скользит по её фигуре взглядом. Взлохмаченная Хименес в джинсах и этой чрезмерно облегающей чёрной футболке похожа на подростка. Если бы Лино не знал, что эта девушка одна из лучших полицейских города, он бы в жизни в это не поверил.

— Форма — моя гордость, и кончай языком молоть, веди уже, — раздражённо говорит Бриджит. Раздражена она больше на себя, чем на Ортегу, потому что, когда тот откровенно разглядывал её, Джи поняла, что смущается, и ей это совсем не нравится.

— Мы идём пить пиво, есть начос и приятно общаться. И сделаем мы это там, где тусуется твой любимый «Доминион», — открывает для неё дверь Венсан.

Они переходят дорогу, Джи постоянно напоминает себе следить за походкой, старается добавить непринуждённости и лёгкости шагу и покорно следует за Венсаном. Лино толкает дверь в шумный паб и, кивнув бармену, занимает место в углу. Бриджит садится рядом, сканирует взглядом посетителей. На первый взгляд, ничего необычного — исцарапанные деревянные столы с облупившейся краской стоят хаотично, воздух пропитан запахом табачного дыма, смешанного с потом и ароматом жареной уличной еды, проникающим через открытую дверь. Мужчины за соседним столиком оживлённо о чём-то спорят, а стоящая у стойки компания парней чрезмерно громко смеётся. Подозрительного ничего не видно, и пусть часть Джи думает, что Ортега её провёл, её внутренний инстинкт всё же не позволяет ей расслабиться. К ним сразу подходит коренастый мужчина лет сорока, протянув руку, тепло здоровается с Ортегой и кивает Джи. Мужчина представляется девушке хозяином паба, обещает, что первый круг выпивки за его счёт, и скрывается за стойкой.

— Друг? — когда он отходит, спрашивает собеседника Джи.

— Уго? Нет, просто знакомый, один район же, а я тут часто зависаю. Видишь тройку на девять часов? Не пьялся, — шипит Ортега, приняв от официантки бутылки обещанного им пива. — Они из «Доминион».

— Откуда знаешь? — прячась за ним, незаметно фотографирует парней Бриджит и отправляет фото в участок.

Ответ приходит быстро — многочисленные аресты за ношение оружия, хранение наркотиков, нападения.

— Я ведь прав? — довольно скалится Венсан, прочитав реакцию по её лицу.

— Прав, — нехотя отвечает Джи.

— Один из них раньше напрямую работал на Кастильо, и я знаю их как облупленных, — понизив тон голоса, рассказывает Лино. — Мне тут нашептали, что готовится крупная партия для наших соседей, и он знает детали. Возьмёшь его?

— Возьму, — кивает Бриджит, а сама думает, что лично проверит его по базе данных, потом установит за ним слежку, соберёт данные о его связях с «Доминион» и усадит его на стул в допросной в наручниках.

— Так я был полезен? — подмигивает ей Венсан. — Я тебе такую крупную рыбу слил, а ты мне всё ещё не доверяешь.

— Насколько она крупная — покажет время, я его ещё не взяла и не знаю, — усмехается Джи. — Но не скажу, что вечер был бесполезным, ты реально подсобил. Вкусное пиво, необычное, — наконец-то попробовав напиток, говорит девушка.

— Это точка «Доминион», своим тут наливают отменный алкоголь, — говорит довольный собой Лино.

— Значит, ты свой? — напрягается Бриджит.

— Я просто из местных, — закатывает глаза Лино. — Ты меня обижаешь своим недоверием.

— Не боишься, что вычислят в тебе крысу и обезглавят? «Доминион» славится своим «кодексом чести» и жестоко расправляется с теми, кто стучит на них, — внимательно смотрит на него Джи. — Даже если ты правда сумасшедший без инстинкта самосохранения, зачем ты это делаешь? Почему именно мне?

— Я же сказал, нравишься ты мне, — хмыкает Лино.

— А ты мне нет, но я терплю.

— Плюс к уважению за честность, — смеётся Венсан.

— Раз работа закончена, а пиво я допила, то пойду, — говорит Джи, убирая телефон в карман.

— Нет, останься, — хватает её под локоть Лино. — Давай посидим ещё, тут караоке к полуночи будет, песню-другую споём. Ты мне должна, я и спас тебя, и с делом помог!

Как бы Бриджит ни хотела с ним спорить — он прав. Ортега и правда очень сильно помог ей, более того, без него Джи бы сейчас лежала на столе судмедэксперта, а не сидела здесь и не наслаждалась пивом. Ничего плохого в том, что она проведёт с ним ещё немного времени и, хотя бы угостив его, расплатится за своё спасение. Карл с его огромным сердцем девушку обязательно поймёт.

— Ещё на час, но я бы поела, — опускается обратно на скамью девушка.

Лино не даёт ей расплатиться за выпивку, напомнив об обещании Уго, и просит идти за ним. По его словам, за углом жарят безумно вкусное мясо. Джи уже теряет счёт времени и уверена, что прошло больше двух часов. Уходить, в любом случае, ей не хочется. Она уже отослала своих коллег, написала Карлу, чтобы не ждал её, и искренне наслаждается редким вечером, когда голова не взрывается из-за мыслей о работе. Джи не помнит, когда она в последний раз так отдыхала от работы. Они и с Руи часто выбирают пропустить по стаканчику, но, как бы ни старались, разговор всё равно раз за разом возвращается к работе. С Ортегой всё по-другому. С ним Джи словно возвращается в свою юность до полиции, не думает о наркоторговцах и не ждёт, что из-за каждого угла на неё смотрит дуло. Ортега уже прикончил четыре бутылки пива, Бриджит выпила две, они наелись и правда очень вкусным мясом, которое заворачивали в кукурузную лепёшку и щедро обмакивали в соус. Они сидят за столиком прямо на тротуаре, и, пока Ортега во весь голос завывает «Санта Лучиа», Бриджит заливается смехом и продолжает чокаяться с ним бутылкой. Ортега больше не раздражает, более того, с ним интересно, он знает всё и про всех, явно пользуется особым отношением в районе, ведь каждый, кто проходит мимо, непременно с ним здоровается.

— Сеньора Анхела ругает молодёжь за распушенность, а сама спит с часовщиком, — кивает в сторону женщины, высунувшейся из окна второго этажа дома напротив, Лино. — Пепе — гей, но качается, думая, что чрезмерная маскулинность скроет то, как он любит подставлять свою задницу, — теперь смотрит на курящего у бара справа крупного мужчину.

Бриджит, которая услышала всё про всех, кто прошёл по этой улице, утирает слёзы от смеха.

— А ты сам кто? Что они могут сказать про тебя? — наконец-то успокаивается девушка.

— Всё и ничего, — зачёсывает пальцами волосы назад Лино и, повернувшись, смотрит на Хименес. Чёртово смущение возвращается, но Джи себя не винит. Вся проблема в Рауле, который на редкое мгновение словно меняется, его глаза темнеют, а лицо приобретает не присущую ему серьёзность. Джи кажется, что она одновременно общается с двумя людьми, и если один из них её забавляет и периодически раздражает своей доставучестью, то второй пугает. Она ставит бутылку на стол, решив не допивать, и терпеливо ждёт объяснения.

— Ничего необычного в этом нет, все районы Картахены знают своих и распознают чужаков. Меня знают как честного торговца электроникой, — продолжает Лино.

— И я тебе поверила, — вздыхает Джи.

— Ладно, я не хотел этого говорить, но придётся, хотя я этим не горжусь, — начинает Ортега, и Бриджит напрягается. — Я так известен, потому что я проебавшаяся звезда. Один раз я так мощно напился, что запутался в развешенном на заднем дворе белье соседки и так и уснул, замотанный в него. С тех пор меня дети прозвали мумией. Ещё я спал с дочкой Карлоса, это мясник на соседней улице, и он всем рассказал, что отрубил мне член. Это неправда, мы просто подрались, член на месте. Хочешь, покажу? — подсакивает на ноги мужчина и тянется к ремню.

— Воздержусь, — хохочет Джи и, схватив его за руку, заставляет сесть.

— Но прозвище за мной осталось, порой слышу за собой «обрубок». Так что да, я тут личность известная, — допивает пиво Венсан. — А чем ты живёшь, кроме полиции? И почему всё же полиция? Только месть?

— Банально, но изначально да, — кивает Джи. — Сперва я хотела отомстить, но потом поняла, что просто хочу делать добро. Хочу помогать населению моей страны, хотя пока особо не получается.

— Так одно то, что ты, несмотря на риски, выбрала эту профессию в стране картелей, уже говорит о том, что ты очень смелая, — абсолютно серьёзно говорит ей Венсан, и Бриджит его слова трогают. — А насчёт помощи, уверен, ты уже сделала много хорошего.

— Хорошего никогда не достаточно, — и нет в Джи больше и следа былой весёлости. — Стоит сделать что-то плохое, нанести кому-то травму, нарушить закон, и ты плохой. А где предел доброты? Когда человека можно называть хорошим, ведь нельзя стать хорошим, сделав что-то одно. Ты перечислишь деньги в фонд по борьбе со СПИДОМ, все скажут: вау, какой щедрый и какой хороший, — Джи говорит и говорит, не замечает, как внимательно Венсан её слушает, как жадно проглатывает её слова и всё больше очаровывается. — Но ты не внёс деньги в фонд по защите животных, не поддержал больных детей и ещё десяток других инициатив. Ты спас кого-то от смерти или грабежа, арестовал преступника, но не спас второго на соседней улице, и его убийца сбежал. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Понимаю, — кивает Венсан, перестав лицеизреть её завораживающие черты. — Чтобы стать плохим, надо один раз нажать на курок. Чтобы стать хорошим, надо делать добро до конца жизни. Ты это осознаёшь, но при этом всё ещё работаешь в полиции и хочешь нести добро. Странно, не правда ли, учитывая, что ты никогда хорошим человеком в глазах других так и не станешь.

— Ты хороший человек? — пристально смотрит на него Бриджит, знает, что никто не подключён к детектору лжи, и то, что говорит язык — не есть истина. Но в то же время есть в Ортеге нечто, что внушает девушке ощущение, что он не соврёт.

— Нет, — подтверждает её мысли Венсан. — Я уже родился плохим.

— Давай без образа брутального мачо, — улыбается Джи.

— О, это не образ, — тень печали ложится на лицо Лино. — Я нехороший человек, но я принял это, не борюсь, не пытаюсь меняться, и уж тем более меня не заботит, что обо мне думают другие. Мы живём в мире, где главная цель — выжить и защитить своих близких. Я эти цели реализую, а каким путём никого не касается.

— Ты говорил, что у тебя нет семьи, так кого ты защищаешь? — хмурится Бриджит, а сама думает о женщине. Кажется, она перепила, иначе не понятно, почему она не хочет делить внимание только приобретённого друга с другой женщиной.

— Пока только себя, — усмехается Венсан и кивает на кольцо на пальце девушки. — Любишь его?

— Очень, — сразу загораются глаза Джи, стоит разговору зайти о Карле. Только если у Джи в глазах огонь, то во вторых — море мазута за берега переливается.

— За что? — пальцы Венсана больше не барабают по столу.

— Станный вопрос.

— За что ты любишь его? — повторяет Венсан.

— Он добрый, умный, красивый, и я благодарна небесам, что он выбрал меня, — запинаясь, отвечает Бриджит, которая сама себе этот вопрос никогда не задавала.

— Ты же сама прекрасная девушка, почему ты такого низкого мнения о себе? Почему тебя могли бы не выбрать? — мрачнеет Лино. — Ты хороший офицер полиции, ты не глупая, целеустремлённая, и ты чертовски красивая. Я правда так думаю, не хмурься.

— Он всё равно лучше, он как ангел, который спустился с небес, и я бы очень хотела, чтобы он был счастлив, — уже тихо говорит Джи.

— Не идеализируй людей, Хомячок, будет больно, — его слова звучат как предупреждение, а взгляд теперь смотрит сквозь девушку.

— Кончай меня так называть, — бурчит недовольная Джи и проверяет телефон.

— Я без злости, мне просто нравятся твои щёчки, — улыбается Лино.

— Отстань, — смеётся смутившаяся Бриджит и чокается с его пустой бутылкой.

Фелисия просыпается до того, как будильник успеваает прозвенеть, и, потянувшись, улыбается. Это странно, учитывая, что до первой кружки кофе она обычно испытывает ненависть ко всему миру, но не после субботнего вечера.

Её сердце всё ещё трепещет, стоит вернуться в недавнее прошлое, вспомнить все те огни нового для неё города, а главное, голос и гипнотизирующий её взгляд Наварро. Она так и лежит несколько минут, глядя в потолок с глупой улыбкой, которая никак не сходит с лица, и громко выругивается на никогда не подводивший её будильник. Хотя глупо ругаться на него, ведь сегодня будний день и работа, а значит, у неё есть шанс увидеть свою одержимость и снова ощутить этот прилив эмоций, который обрушился на неё в день рождения.

Фелисия не торопится в этот раз с выбором одежды, сразу отменяет привычный синий костюм и, достав чёрный, дополняет свой классический образ оранжевым шарфиком.

— Ну да, здравствуйте, я стюардесса, — стащив с себя шарфик, тянется за кольцами девушка.

Жаль, в рамках офиса у них строгий дресс-код, иначе бы Фелисия вырядилась и снова утонула в восхищении чужих глаз. А Фелисия обожает наряжаться, ей даже предлагали вести коммерческий блог с образами, но она отказалась из-за лени. Когда Фелисия выкладывает фото в личный Инстаграм, то обязательно набирает десятки тысяч лайков и столько же вопросов о том, где именно она это всё купила. Она бы украсила их унылый офис своими яркими образами, привила бы хороший вкус парочке мужчин, а самое главное, блистала бы ради внимания одного. Как бы обидно Фелисии ни было от слов Наварро в лифте, она всё ещё упивается его жадным взглядом, когда тот рассматривал её наряд на концерт. Родители и Яна считают, что от Наварро не стоит ждать ничего хорошего, но, несмотря на то, что моментами сама девушка тоже так думает, она всё равно тянется к мужчине, который уже перестал казаться ей недостижимым. Более того, Фелисия уже убеждена, что она закинула удочку, а Наварро проглотил наживку. Фелисия нервно ёрзает на сиденье автобуса, злится, что так долго добирается до работы, и, пусть в глубине души сомневается, что Наварро наведается в «Обелиск», всем своим естественным стремится в офис. В лифте она поправляет ворот рубашки и, в последний раз вдохнув глубоко, чтобы унять волнение, переступает порог опенспейса. Все, как и всегда, уткнувшись в свои планшеты и ноутбуки, пытаются влиться в рабочий ритм, но Фелисия всё равно чувствует, что обстановка в зале другая. Так и не поняв, в чём причина витающей в воздухе напряжённости, она проходит к своему столу и, водрузив на него сумку, первая здоровается с коллегами. На её приветствие никто не отвечает, Фелисию это ещё больше смущает. Обычно весёлые, делящиеся с ней новостями коллеги смотрят на неё тяжёлым взглядом, заставляют девушку чувствовать себя виноватой, хотя, казалось бы, она ничего плохого не делала. Она так и стоит у своего стола и, поняв, что разговаривать с ней никто не планирует, спрашивает:

— В чём дело? Не с той ноги встали?

Большая часть отводит глаза, а смотрящий на неё с холодной усмешкой Диего из финансового отдела идёт к ней.

— Это больше не твой стол, — скрестив руки на груди, в упор смотрит на девушку мужчина, и остальные коллеги подходят ближе. — Интересно, что же ты такого сделала в больнице, чтобы так резко продвинуться.

— Это я выполнила большую часть работы, но кабинет выделили тебе? — вторит ему Миранда, и Фелисия всё больше путается. Она бежит растерянным взглядом по лицам коллег,

чувствует себя брошенной в яму со змеями. Пара человек притворно кашляет, выдавая через кашель ядовитые комментарии, остальные шёпотом переговариваются между собой.

— Я не понимаю, о чём вы, — наконец-то берёт себя в руки Фелисия.

— Тебе выделили отдельный кабинет, небось, трудишься как пчёлка и в нерабочее время.

Это звучит настолько колко, что Фелисия думает, что не против бы провалиться сквозь пол.

— Теперь ещё и шофёра выделяют, ведь ты у нас важная персона. И не важно, что я вкалываю как не в себя пять лет, главное ведь не как, а где работать, — кривит рот Диего.

Фелисию начинает мутить, она делает шаг назад, тянется к вороту рубашки, словно ей не хватает воздуха, а потом, схватив сумку, срывается в уборную. Фелисия не хочет возвращаться в зал, сокрушается, что путь к лифту всё равно проходит через него, и, умывшись холодной водой, пытается взять себя в руки. Какой кабинет? О чём они вообще говорят? Фелисия всё обязательно выяснит, узнает, чем она это всё заслужила, но сейчас её ломает от мысли, что те, с кем она почти полгода бок о бок сидела в этом зале и тепло общалась, за одно утро оплевали её ядом с ног до головы. Она выходит из уборной, но так и стоит в конце коридора, не решаясь двинуться.

— Так ты здесь, — перебивает её мысли неожиданно оказавшийся перед ней Исая, и Фелисии стыдно, что шеф увидел её в момент слабости. — Слышала уже, небось, новости? — прислоняется к двери мужчина и сканирует её взглядом. — Ты, это, не расстраивайся, люди не любят чужой успех, и мне стоило предупредить тебя пораньше, но не успел, стая пираний перехватила, — ободряюще улыбается ей.

— Что происходит? Что за кабинет? — вернув себе самообладание, спрашивает его Фелисия.

— У тебя теперь свой кабинет, рядом с моим. Так что поздравляю, ты в штате и на новой позиции, — протягивает ей руку Исая.

— Но я не понимаю, — честно говорит окончательно растерявшаяся Фелисия. — Я просто осветила мероприятие с больницей.

— Я решения руководства не обсуждаю, я их выполняю, — так и не дождавшись рукопожатия, хлопает её по плечу Исая. — Но по-дружески скажу, даже Джером удивлён.

— То есть распоряжение было не его, — и тут Фелисия всё понимает и прикусывает губу, чтобы не озвучить шокирующую её мысль.

— Не его.

— Хорошо, спасибо, что объяснили, — выдыхает Фелисия. — Я скоро вернусь в зал.

— Ты можешь сразу идти в свой кабинет, не сиди с ними, они готовы тебе кости обглодать, и судить их сложно, — Исая уходит, а Фелисия возвращается к своим мыслям.

Наварро. Это он сделал ей неуместный подарок и заставил Фелисию пережить не самые приятные чувства. Если бы Наварро был здесь, то Фелисия набросилась бы на него и уж точно заставила мужчину забрать обратно свои непрошенные дары. И Фелисии очень этого хочется. Она не знает, на что рассчитывал Наварро, но это ведь ясно как день, что, делая такой жест спустя сутки после мероприятия, которое, по большей части, отработала Миранда, он лично дал пищу для сплетен всей компании и публично унизил её. Фелисия точно не собирается его благодарить. Только жаль, что на пике гнева и обиды у неё нет даже возможности вылить их на виновника, ведь его величество появляется, только когда сам этого хочет. Хотя у Фелисии ведь есть его номер телефона, и раз он считает, что может так легко распоряжаться её жизнью, то девушка распорядится его временем. Фелисия не мешкает, нажимает на контакт и, поднеся телефон к уху, терпеливо ждёт. Смелость начинает рассеиваться после третьего гудка, и, поняв, что отвечать на звонок не собираются, она с облегчением нажимает на красную кнопку. Фелисия обожает широкие жесты, более того, она неровно дышит к подаркам, каждый из которых, она убеждена, заслуживает одним тем, что она есть на свете. Но Наварро снова ошибся, как с

подарком, так и со временем. Фелисия, которая последние годы прожила в железных тисках, не переносит любую попытку распоряжаться её жизнью, а Наварро сделал именно это. Он не просто внезапно повысил её, заставив других думать, что девушка делает карьеру через постель, он лишил её возможности выбора, поставил перед фактом и, небось, решил, что Фелисия от его поступка превратится в лужу под ногами. Фелисия с ним разберётся, но сперва она поставит на место стаю гиен, поджидающую её за стенами. Она растерялась из-за неожиданности, спряталась в уборной, но теперь броня на месте, и каждая змея, которая плевалась в неё ядом, им же и подавится.

Фелисия собирается с духом и, выдохнув, возвращается в зал. Странно. Все, кто облил её ушатом с помоями, отсутствуют, видимо, теперь перемывают ей косточки на кухне. Искать их девушка не намерена, потому она проходит в единственный пустой кабинет рядом с офисом Исаи и, закрыв за собой дверь, обречённо опускается в кресло. Она не будет здесь обосновываться и должность забирать не планирует, в конце концов, ей не место гендиректора предложили, а размениваться по мелочам она не станет. Она досидит до вечера и, пока Наварро не объявится, больше в офис не приедет.

Просто так сидеть тоже не дело, и, раз уж Фелисия пришла, она хочет, чтобы за этот день ей заплатили, поэтому девушка, достав телефон, начинает работать над пресс-релизом про больницу. Спустя час к ней стучатся, и заглянувший Исаия просит её идти за ним в отдел кадров. Фелисия честно говорит ему, что эту должность не примет, но мужчина настаивает решить всё на месте. Фелисия минует полупустой опенспейс и уже в лифте спрашивает Исаю о мероприятии.

— Нет, сегодня по плану никаких мероприятий нет.

— Где тогда все? — не понимает Фелисия.

— Уволились, — как ни в чём не бывало заявляет Исаия. — Завтра новая команда из другого офиса прибудет.

Фелисия открывает и закрывает рот, но так ничего выдать из себя и не может. Никто из её коллег увольняться не планировал, более того, даже открытых недовольств работой и её условиями она не слышала. Странная мысль, у которой не должно быть шансов на жизнь, противно скребётся под черепной коробкой, и девушка на миг даже забывает про насущное.

Фелисия проходит в отдел кадров одна и, только когда минует стоящие в ряд шкафы с делами сотрудников и останавливается перед стеклянным кабинетом HR-директора, понимает, почему Исаия не вошёл. Наварро стоит у стола, больше никого в комнате нет. Фелисия, шумно сглотнув, толкает дверь и, оказавшись перед мужчиной, даже о приветствии забывает.

— Ты плакала, — не спрашивает, а утверждает Гильермо, и Фелисии безумно стыдно, ведь казалось, следы её злости и обиды на коллег уже должны были пройти спустя час.

— Я звонила вам, хотела поговорить, — нарочно делает акцент на обращении Фелисия, вкладывает в это всю свою силу.

— Я видел, но не ответил, — кивает Наварро и, пройдя к креслу, указывает Фелисии на второе.

— Конечно, вы же человек занятой, распределяете должности тем, кто о них не просил, — цедит сквозь зубы так и не сдвинувшаяся с места девушка.

— Нет, я тогда пил кофе и не взял, потому что подозревал, какие эмоции тебя обуревают, — усмехается мужчина, доводит Фелисию до точки кипения своей невозмутимостью. — Я дал тебе время остыть, чтобы ты в порыве гнева не наговорила того, о чём обязательно потом пожалеешь.

— Какое великодушие, — еле контролирует дрожащий от нервов голос Фелисия.

— Надо мной издеваются, приписывают то, чего нет, а всё почему? Потому что вы решили сделать красивый жест? Я благодарна за ужин и хороший вечер, но ваш поступок заставил меня пожалеть о том, что я приняла то предложение. Тот кабинет и должность мне

не интересны. Если и вывозить злые языки, то за что-нибудь стоящее, — ядовито добавляет, и именно последние слова разжигают огонь на дне чужих глаз.

— Мне нравится твой аппетит, — щурится Гильермо. — И кто над тобой здесь издевается? Я думал, что плачу за работу, а не за сплетни.

— Уже никто, потому что есть во мне уверенность, что ты их всех уволил, — забывает про свою же идею держать субординацию Фелисия. — Это что за извращённое выражение своей симпатии? Это вообще оно?

— Ты всё же забавная, — улыбается Наварро. — Ты правда решила, что я дал тебе должность из-за ужина, ещё и уволил тех, кто бросил пару слов в твой адрес? — теперь от улыбки нет и следа, и смотрит он так, что Фелисии стыдно за свои выводы. — Я дал тебе должность, потому что почувствовал твою ответственность в тот вечер в больнице, понял, что ты амбициозна, и решил облегчить тебе первый шаг на пути к вершине. И нет, выше должность ты сейчас не получишь, потому что, какой бы чарующе прекрасной и желанной ты ни была, у тебя пока нет ни опыта, ни той самой хватки, что принесёт пользу моему бизнесу, — он снова её отчитывает, и Фелисия еле проглатывает рвущиеся наружу ругательства. — Я никого не уволил, они ушли сами, решив, что не готовы смириться с тем, что человек вне штата получил должность, на которую они, по их мнению, потратили больше времени и сил, — продолжает Наварро. — Можешь позвонить им и спросить, раз на слово мне не веришь. Ты перспективный кадр, Фелисия, и нет ничего странного в том, что я думаю о благополучии своей компании, — поднимается на ноги и идёт к ней, заставляя девушку вжаться лопатками в дверь. — Видимо, я переоценил твои способности и недооценил твой аппетит, и это единственное, что я могу признать и за что извиняюсь.

Вся злость вместе с набором громких слов, которые Фелисия планировала обрушить на него, лопаются внутри. Она собиралась ругаться, вылить на него свой гнев на коллег и доказать, что её так дешёво не купить, а в итоге оказалось, что она снова всё надумала и выставила себя идиоткой перед тем, кого, несмотря ни на что, безмерно уважает. Фелисию настолько задело то, что о ней говорят другие и что Наварро всё за неё решил, что она даже обрадоваться должности себе не разрешила, а ведь о ней и правда мечтает весь его этаж. И Наварро прав, Фелисия в жизни на руководящих должностях не была, а возглавлять для начала отдел — прекрасная возможность набраться опыта.

— Я тебе ещё в тот вечер сказал — не надумывай, не ищи везде подвоха, не понимаешь — спроси, говори со мной открыто, — Наварро наблюдает за её ресницами, считает веснушки и радуется, что этот солнечный зайчик не слышит рык в его голове. Какая же она красивая, какая нежная и плачет, наверное, так же очаровательно, как и улыбается. Определённо. Наварро внезапно хочется посмотреть на то, как из её глаз сыплются сверкающие бриллианты, а сочные губы дрожат. Жаль, в этот раз Гильермо это пропустил.

— Я всё равно не...

— Тебе не нужно ничего решать сейчас, — перебивает её Гильермо. — После сегодняшней встряски я буду чудовищем, если не позволю тебе уйти домой. Проведи вечер с родными, подумай о моём предложении. Никто не будет заставлять тебя делать то, чего тебе не хочется. Я готов вложиться в тебя и поддерживать только при условии, что ты будешь помогать развитию моего бизнеса. Все мои инвестиции должны оправдываться. Кто знает, может, завтра ты уже будешь готова к ещё одному рывку вперёд, — размеренно продолжает. — Ты никогда не будешь хорошей в глазах всех, Фелисия, а это значит, что тебе должно быть безразлично чужое мнение, ведь именно оно может лишить тебя блестящего будущего. Я не знаю, что именно ты сегодня услышала, но я точно знаю, что, предложи я эту должность любому из них, они бы уже закатывали вечеринку в честь повышения. А теперь прошу меня извинить, — мужчина обходит её и, оставив растерянную девушку, в горле которой так и булькают невысказанные слова, покидает кабинет.

Фелисия от предложения Наварро уйти домой не отказывается, но сходит с автобуса, не доезжая до дома, и заходит в одну из кофеен. Она заказывает себе капучино, улыбается бариста, объявившему, что кофе за его счёт, и занимает место в глубине кофейни. С Наварро каждый раз сценарий одинаковый, пусть их общение пока было коротким, Фелисии бы уже пора это принять. В офисе Лис было достаточно нескольких минут, чтобы эмоции образовали грозящийся взорвать её изнутри шар в груди. Она красочно представляла, как выскажет ему своё недовольство, сотрёт с его лица маску холодного равнодушия, объявив, что достойна большего, и красиво уйдёт из «Обелиска» с гордо задранной подбородком, но всё снова закончилось не в её пользу. В итоге Фелисия покинула компанию с пылающими от стыда щеками и чувством абсолютного опустошения. И даже сейчас, находясь в нескольких километрах от него, Фелисия чувствует, как в ней бурлят эмоции, которые при мужчине умолкают все разом, и ещё больше себя ненавидит. Наварро всегда словно лишён эмоций, его голос ровный и спокойный, а его холодный взгляд заставляет девушку давиться словами. Именно это спокойствие и невыносимо для привыкшей вечно быть на пике эмоций Фелисии. Каждый раз, когда она пытается начать разговор, отстоять свою точку зрения, её доводы превращаются в глупость, а все те уверенные фразы, которые она так тщательно обдумывает перед встречей, разбиваются о холодный расчёт, будто это не аргументы, а бессвязный детский лепет. И, несмотря на всё это, Наварро продолжает вызывать в ней восхищение, граничащее с идолопоклонством. Фелисии хочется быть как он, уметь так же разговаривать и обладать магией убеждения. Десятиминутный диалог в кабинете ведь принёс девушке не только чувство стыда, но и сомнение в своей правоте. Наварро прав, ей дали шанс продвинуться по карьерной лестнице, рассмотрели в неё потенциал, а Фелисия раскатала губу, надумала себе, что её пытаются таким образом дёшево купить, а ещё как ребёнок обиделась на слова коллег и выставила себя перед ними посмешищем. Это только её проблема, что она слишком остро реагирует на всё и переоценивает свои способности. С другой стороны, Фелисия ведь не сама вбила себе в голову, что если её баловать, то по максимуму. Всю свою жизнь Фелисия окружена мужчинами, готовыми ходить на цыпочках перед ней и исполнять любое её желание. Да, ей не везло на любовном фронте, но она никогда не была обделена вниманием. Ради неё развязывались уличные конфликты, братья били братьям морды, а поток подарков к дому Лим дошёл до того, что отец обращался в полицию из-за внимания к своей несовершеннолетней тогда дочери, нанимал охрану и даже поднял забор. Ухажёров дочки и это не останавливало, потому что в сад Джорджии стали прилетать пакеты и коробки со всем, на чём стоило Фелисии задержать взгляд. Фелисия будет идиоткой, если и дальше продолжит думать только о спокойствии своей семьи, заикливаться на словах друзей и откажется от должности, поддавшись соблазну доказать Наварро, что она заслуживает большего. В конце концов, не каждый день она может получить предложение о повышении в холдинге уровня Falcon Group, тем более учитывая отсутствие толкового опыта и её юный возраст. Наварро чётко ей всё разъяснил, свёл к тому, что, несмотря на его симпатию, дело чисто в бизнесе, и сейчас, немного успокоившись, Фелисия понимает, что, в случае чего, она всегда может поступить, как и её коллеги, и написать заявление. Никто её насильно удерживать не станет, а судя по словам Гильермо, он и не планирует.

Приехав домой, Фелисия сразу идёт на задний дворик, где мама подаёт вернувшемуся с работы отцу кофе, и, присев в плетёное кресло, тянется за эклером.

— Ты сегодня рано, — удивлённо смотрит на неё Джорджия, протягивая и ей чашку.

— У меня есть новости, — проглотив пирожное, объявляет девушка, которая уже всё решила, и родители внимательно слушают её. — Меня повысили. С завтрашнего дня я буду возглавлять отдел SMM в «Обелиске».

— Что? — первой возвращает себе дар речи Джорджия.

— Что-то я не вижу радости, — уже понуро говорит Фелисия. — Я знаю, новость как гром среди ясного неба, я сама её ещё не переварила, но я всё обдумала и думаю, что приму предложение. Зарплата отличная, плюс, это огромный рывок вперёд для моей карьеры. Я не могу найти минусы.

— Дочка, ты голодаешь? — после долгой паузы начинает Пабло, а Фелисия, не совсем понимая его, отрицательно качает головой. — Если бы ты голодала, не имела крыши над головой, я бы понял импульсивность твоих поступков, но сейчас я, честно, их не понимаю. У тебя есть всё, что можно пожелать, я из кожи вон лезу, чтобы выполнять любые ваши прихоти, и при всём при этом ты бросаешься на любое предложение так, будто ты в отчаянии.

— Я очень хочу понять, куда ты ведёшь, но не могу, — честно говорит ему Фелисия, а Джорджиа, опустившись в кресло, разглаживает свою юбку.

— Я хочу думать, что, если бы ты не была ослеплена зарплатой, ты бы заметила, насколько это странно — приезжать домой в полночь со своим шефом, а чуть ли не через сутки получать от него же повышение, — пристально смотрит на неё Пабло.

— Ты ошибаешься, если считаешь, что я об этом не думала, — у Фелисии после нервного дня нет сил на очередной взрыв эмоций, и, честно говоря, ей и не хочется. Пусть она и уговорила себя, рассмотрела все доводы, червячок сомнений в ней после слов отца начинает вырастать в змея. Фелисия органически не переносит все лекции об её поведении и решениях, и часто именно это было главной причиной, почему ей было легче согласиться с отцом, лишь бы не слушать, как он будет её отчитывать.

— Рад это слышать. Для нас с мамой ты самая умная и ответственная девочка, но, согласишься, новая должность — явно не только твоя заслуга, — продолжает мужчина. — Вся улица видела то, что он тебя привёз, а теперь ты получаешь, я уверен, пока не полагающееся тебе повышение и делаешь нас объектом насмешек.

— Пабло, — наконец-то вмешивается в разговор Джорджиа. — Она поделилась радостью, будь мягче на слова.

— Всё нормально, мам, — слабо улыбается ей Фелисия и снова поворачивается к отцу. — Наварро сказал, что это моя заслуга, и не буду скромничать, я правда очень старалась, притом, лично я думаю, что заслуживаю не просто отдел, а руководство всем этажом. Так что, как по мне, он пожадничал.

— Ликси, мне кажется, ты перебарщиваешь, — хмурится Джорджиа.

— С чего это? — кривит рот девушка. — Отец убеждён, что Наварро повысил меня из-за его тайного желания затащить меня в свою постель, а раз всё именно так, то почему он так дешёво меня покупает? Или почему я должна отказываться от повышения из-за страха перед сплетнями? Я их не боюсь.

— Фелисия, прекрати! — багровеет Пабло.

— Ты начал разговор про это, так давай поговорим, как взрослые, — не сдаётся девушка, в которой после напряжённого дня слетели все барьеры. — Твои выводы были бы правильными, если бы он осыпал меня бриллиантами, подарил свой роллс, в конце концов, предложил бы мне должность Джерома. Или ты ошибаешься, или он пожадничал. Какой вариант ты выбираешь?

— То есть ты абсолютно убеждена, что ничего странного в твоём внезапном повышении нет? — старается говорить спокойно Пабло.

— Не совсем, — выдыхает Фелисия. — Я получила должность так скоро, меня это тоже смущает, но в то же время, если я откажусь, это покажет мою трусость перед ответственностью.

— Или перед ним.

— Нет, но и передо мной! — восклицает Фелисия. — Я пришла посоветоваться, поделиться, а слышу только обвинения! Сперва я подумала, что могу работать, а если не буду справляться или мне что-то не понравится, я просто уволюсь. С другой стороны, раз всё так, как

говоришь ты, то я убеждена, что заслуживаю большего и соглашаться на первое же предложение не обязана. В этом случае пусть уж наши соседи сплетничают по делу.

— Дева Мария, что за чушь ты несёшь! — восклицает Джорджиа.

— Говорю, что думаю, потому что устала говорить то, что вы хотите от меня услышать, — цедит сквозь зубы девушка. — Вы хорошо устроились, приняли, что я буду всю жизнь при- творяться той, кем не являюсь, а вы будете жить в покое. Так вот, чужое настроение больше не моя забота. Мне это надоело. Я приму его предложение, нравится вам это ли нет.

— Следи за языком, не переходи черту, — нервно убирает со столика посуду на поднос Джорджиа.

— Раз ты решила, что теперь слишком взрослая, чтобы грубить родителям и говорить такие мерзости, замечательно, и я не буду сдерживаться, переживая за твоё настроение, — поднимается на ноги Пабло. — Должность ты не примешь. Ты завтра же поедешь в офис, напишешь заявление по собственному желанию и вернёшься домой.

— Ты не можешь мне запретить! — срывается на крик Фелисия.

— Могу, — твёрдо говорит мужчина. — Завтра твоя работа там закончится, пару месяцев отдохнёшь дома, погуляешь с друзьями, а потом найдёшь новую или будешь мне помогать.

— Пабло, не горячись, — хватает его за руку Джорджиа.

— С чего ты взял, что я послушаюсь тебя? — подсказывает на ноги Фелисия. — Мне больше не четырнадцать, и ты не можешь указывать, как мне жить!

— Если ты этого не сделаешь, я сниму с тебя защиту, лишу тебя денег и оставлю тебе право выживать самой, — чеканит каждое слово мужчина.

— Пабло, одумайся! — прикрывает ладонью рот шокированная Джорджиа.

— Так, значит? — проглатывает поднимающиеся к горлу рыдания Фелисия. — Ты так поступишь с собственной дочерью, потому что она хочет жить свою жизнь?

— Я пойду на всё, лишь бы ты не сделала самую большую глупость в жизни. Я не позволю тебе работать на человека, который заинтересован явно не в твоём профессионализме, и уж тем более не стану предметом насмешек со стороны остальных. Даже если ради этого мне придётся окончательно испортить наши с тобой отношения. Хотя испортишь их ты, сделав, как и всегда, неправильный выбор, после которого будешь искать успокоение в этом же доме.

— Не смей упоминать мои прошлые ошибки! — дрожащим от нервов голосом говорит Фелисия. — Каждый грёбаный раз ты не упускаешь возможности вернуться к ним, и мне это надоело!

— Ты же не слушаешь, — уже мягко говорит Пабло. — Зачем ты лезешь в пасть зверю, когда у тебя всё ещё есть шанс развернуться? Это должно быть твоё решение, Ликси, скажи ему, что тебе это всё не надо, нет больше интереса, и уходи. Я сделаю всё, чтобы ты и дальше ни в чём не нуждалась. Тебе до конца жизни работать не придётся, обещаю. Неужели ты забыла про «Доминион»? Забыла про то, через что мы все прошли? Это ты умоляла нас спасти тебя от них. Ты была так напугана, что и во двор не выходила, пока я всё не решил. А ведь я предупредил тебя не лезть им на глаза, я говорил: не общайся с теми, у кого их знак. Ты ответила так же, как и сейчас, сказала, чтобы мы не вмешивались и дали тебе самой решать, как жить. Мы с твоей мамой уже не молоды, почему ты так одержима идеей усложнять нашу жизнь?

Фелисия, услышав название картеля, с которым у неё связаны одни из самых страшных воспоминаний, молчит. Она помнит всё как вчера и при желании не забудет, как и родители, которые при любой возможности напоминают ей о её ошибках. Она не послушала их тогда, сто раз об этом пожалела, но неужели одна крупная ошибка — это гарантия того, что человек будет ошибаться всю жизнь?

— Мне стоило огромных усилий и средств выкупить твою свободу, Ликси. Так вот Наварро — это как два «Доминион». Прошу тебя, не раззадоривай его ещё больше, уходи, пока можешь, — с мольбой смотрит на неё Пабло. — Он против твоего «нет», учитывая поли-

тическую карьеру, не пойдёт, но, если ты скажешь «да», а потом передумаешь, боюсь, здесь тебя больше никто ждать не будет. Ты сейчас ненавидишь меня, считаешь, что тебя никто не понимает, но, клянусь жизнью, я делаю это ради тебя. Жаль, что ты никогда не делаешь ничего ради нас.

— Пап, он же не преступник, он не наркобарон, — пытается убедить и себя, и его Фелисия. — Он ничего плохого ни мне, ни стране не сделал. И да, он мне нравится, очень нравится. В то же время я не понимаю, почему ты настолько сильно его боишься. Объясни мне это. Объясни, почему тогда ты вообще разрешил мне работать в «Обелиск», ты ведь знал, что это его компания? И если всё будет плохо, если мне реально что-то будет угрожать, я ведь могу на худой конец просто уехать из страны и начать новую жизнь! Обещаю, я к вам, как побитый щенок, не вернусь.

— Ты была так рада, когда получила предложение из «Обелиска», а я поддался своим чувствам и не учёл риски. Я поступил глупо, признаю, — понуро отвечает мужчина. — Но всё равно не поздно. Ты всё ещё можешь уйти, у вас ведь ничего не было? — ожидающе смотрит и, к своему облегчению, получает отрицательный ответ. — А насчёт побега, Ликси, как бы ни было больно это признавать, ты не можешь уехать из страны.

— В смысле? — нахмурившись, смотрит на него девушка.

— Видимо, придётся тебе рассказать, хотя я очень не хотел этого делать, потому что знал, что ты будешь чувствовать вину, — вздыхает мужчина.

— Пабло, не надо...

— Пусть расскажет, мам, я хочу знать. Я никогда не собиралась оставлять Картахену, а теперь я узнаю, что и при желании не смогу этого сделать. Так в чём дело? — настаивает Фелисия.

— Я всё ещё выплачиваю долг «Доминион», — прокашливается Пабло. — Моя семья — гарантия моих выплат.

— Я думала, ты откупился, — в шоке смотрит на него Фелисия.

— Это не так, — с горечью улыбается Пабло. — Часть моих объектов у них под контролем, и я выплачиваю ещё ежемесячную дань. Никто из вас не может покинуть Картахену до погашения долга, хотя я пытался вывезти тебя, если помнишь. Эта ошибка привела к тому, что долг был удвоен, а я получил предупреждение. Мне не у кого просить помощи, органы к ним не суются, а попытка пойти в полицию закончилась полным фиаско, и я чуть не потерял не только бизнес, но и вас всех. От них невозможно спрятаться, Ликси, и я с ними не разобрался, а ты навлекаешь на нас новую беду.

— Папа, я ведь не знала, — зарывается пальцами в волосы Фелисия. Пару лет назад, в одну из ночей, отец посадил её в автомобиль и сказал, что какое-то время Фелисия погостит в Бразилии у кузена, который сможет даже перевезти её в Штаты. Девочка, которая не совсем поняла, что вообще происходит, толком и воспротивиться решению родителя не успела, потому что с первого же пропускного пункта они вернулись домой. Позже Пабло объяснил свой поступок тем, что просто хотел, чтобы Фелисия посмотрела другие страны, а потом бы вернулась домой, но возникла проблема с документами.

— Сколько же у тебя проблем из-за меня, — сокрушается Фелисия, в которой кипит ненависть к себе.

— Поэтому я и не хотел говорить, дочка, — подходит к ней Пабло. — Ты не виновата, что эти большие ублюдки рассматривают людей как товар. И ты не виновата, что родилась той, кто привлекает внимание. Ты сейчас ослеплена и поглощена своей влюблённостью, но ты же должна понимать, что он в шаге от политической карьеры, а значит, он никогда не сможет дать тебе отношений, которых ты заслуживаешь. Не в ситуации, когда нельзя рассчитывать на брак из-за разницы в возрасте. Ты готова любить человека, который будет тебя прятать или называть своим увлечением? Ты правда думаешь, что всё в этом мире так легко, и твоя влюблённость

решит все остальные проблемы? Наварро, возможно, не картель, и сажать тебя в клетку или калечить не будет, но он точно разобьёт твоё сердце, а мой долг как родителя тебя защитить.

— Я не думала об этом, — честно говорит Фелисия. Отец ведь прав, Лис даже себя не спрашивала, к чему приведёт её одержимость этим мужчиной, учитывая, что они всё ещё из абсолютно разных миров.

— В любом случае, я своё слово сказал, ты завтра же уйдёшь из «Обелиска» и напишешь заявление по собственному желанию, — твёрдо говорит Пабло.

— Ты не должен принимать за меня решение, — шумно сглатывает Фелисия, чьи глаза блестят из-за слёз.

— Но и на твою благоразумность рассчитывать не приходится. Поэтому выбирай: семья или отношения, которые ему не будут нужны уже через месяц.

— Что за траурные лица? — перебивает их вышедшая во двор Алисия, которая только проснулась, но макияж уже нанесла. Джорджиа вкратце пересказывает ей новости от Фелисии, а девушка, передумав возвращаться к себе, тоже садится в кресло.

— Я найду новую работу и помогу тебе выплатить долг, — смотрит на отца Фелисия. — Ты прав, я должна возместить ущерб, из-за которого я настолько сильно зависима от тебя, но потом я не позволю ни тебе, ни маме решать, с кем и как мне жить.

— Завтра на ужине жду от тебя новости о заявлении, — собирается в дом Пабло, и Джорджиа срывается за ним.

— Ты тоже думаешь, что мне надо уйти из «Обелиска» и забыть о Наварро? — тихо спрашивает сестру Фелисия.

— Я в этом уверена, — серьёзно говорит Алисия. — Отец у нас порой самодур, но в этом вопросе он совершенно прав. Ты не можешь диктовать ему условия, когда половина его бизнеса кормит картель, который привлекла именно ты. Вдобавок ко всему, Ликси, ты одержима свободой, и, как бы ты ни притворялась перед предками, я знаю, что для тебя это большая тема. Так вот, можешь положить на все сомнения и принять его предложение, но знай, он тебя хочет. Мама рассказала, что он тебя привёз. Он всех своих работников лично развозит? — кривит рот девушка. — Я тусуюсь в кругах, где о нём известно чуть больше, чем на твоём уровне. Он любит один и тот же типаж внешности, которым я не обладаю, кстати. Так вот догадайся, с кем он спит.

— Я видела его девушку, — бурчит Фелисия.

— Одну из них. Ликси, они все плохая копия тебя. Все. Руку даю на отсечение, что, увидев тебя, он решил, что ты будешь следующей в его постели, — с уверенностью говорит девушка. — Это меня не пугает, скорее, тут ничего удивительного, но завтра ты наиграешься, интерес погаснет, а где гарантия, что он тебя отпустит? Я уже не говорю о том, что он наиграется и выставит тебя, что куда реальнее, учитывая, что он меняет любовниц чуть ли не каждый день. Так вот, выбрав его, тебе будет некуда возвращаться. Ты знаешь, каким упёртым может быть наш отец.

— Ну, есть у человека вкус, у тебя он тоже свой, — не хочет мириться с очевидным девушка. — Я ведь тоже не отрицаю, что он весь в моём вкусе. Он мне нравится, Алисия. Я с ума по нему схожу. В то же время, я всё пытаюсь убедить себя, что он — воплощение зла и принесёт мне только вред, но у меня не получается. Мы же живём в современном мире, а не во времена рабства. Что бы ты сделала? Как бы поступила на моём месте? — спрашивает её Фелисия.

— Честно, это впервые, когда я не хочу быть на твоём месте.

— Как это? Он ведь тот самый супер богатый, успешный мужчина, за которым ты через пару часов отправишься на охоту, — не понимает Фелисия.

— Нужно уметь трезво оценивать свои силы, я такого не потяну, сестрёнка, — поднимается на ноги Алисия. — Ты и подавно не потянешь. Ты же мелкая пиздючка, Ликси. У тебя нет

жизненного опыта, и в своей тусовке, которая состоит из таких же зелёных пацанов, ты ещё можешь выделяться, но не с ним. Это другой уровень, и надо тебе это понять.

Фелисия так и остаётся сидеть в смятённых чувствах в одиночестве. С одной стороны, она не видит ничего плохого в том, что Гильермо сделал ей такой подарок, учитывая, что сама испытывает к нему неоднозначные чувства, с другой — понимает, что и родители правы, ведь, не закончив разбираться с одной проблемой, они рискуют ввязаться в другую. Хотя родители тоже играют нечестно, они лучше всех знают, как сильно Фелисия ценит свободу, и мало того, что сами ограничивают её, так теперь утверждают, что и Наварро может её свободы лишиться. В любом случае, после услышанного сегодня у Фелисии не остаётся прав думать только о себе, тем более отец выдвинул ей ультиматум.

Получается, теперь она должна сделать один из самых тяжёлых выборов в своей жизни, где против только зародившихся чувств стоят её родные. Тут, скорее всего, и думать не о чем. Наварро — не первая, но явно незабываемая любовь Фелисии, вот только семью она любит больше. И дело не столько в любви, сколько в нависшем, как дамоклов меч, долге, который они вынуждены выплачивать из-за неё. Фелисия чувствует себя Кэтрин из «Грозового перевала», которая из-за чувства долга перед семьёй и обществом вышла замуж за Эдгара, и сама усмеяется своей мысли, ведь Наварро явно не Хитклифф. Открытой угрозы от Наварро нет, он не покушался ни на неё, ни на родителей, но слепая вера отца, что всё будет именно так, и мужчина, попользовавшись ею, выставит Фелисию за порог, пугает её. В любом случае, она решает, что лучшим выходом из ситуации будет поговорить с Исаей или самим Наварро и попробовать убедить их, что, раз практика заканчивается, оставаться в холдинге она дальше не намерена. Она сделает это ради отца. Если Наварро и правда был честен с ней в своих намерениях, он выполнит её просьбу, спокойно примет её заявление. В ней всё ещё теплится надежда, что потом, когда она и сама поможет отцу закрыть долг, она сможет восстановить отношения с Наварро. Хотя это бред чистой воды, но ноющее в преддверии разлуки сердце даже на него согласно. Она должна сделать это ради семьи, которая столько лет является заложником головорезов по её вине.

Исая слова девушки воспринимает без энтузиазма, пытается её переубедить и откровенно не понимает, почему та отказывается от должности.

— Меня о ней умоляют, из кожи вон лезут, а ты получила всё на блюдечке, но вместо того, чтобы наслаждаться повышением, делаешь такую глупость! — возмущается Исая, заставляя Фелисию чувствовать себя виноватой.

— Я не просто от должности отказываюсь, я ухожу после практики. Хочу попробовать себя в другой сфере.

Этого Исая даже комментировать не стал, выпроводил девушку за дверь и сразу доложил Наварро о её решении. Наварро, который занят вопросом утечки информации из его компании по изумрудам, решил оставить Фелисию на потом. С ней нельзя торопливо, тем более загруженно. Каждую минуту с ней нужно смаковать, и, как только Наварро закончит с работой, он займётся своим новым и очень непослушным удовольствием.

После разговора с Исаей Фелисия вернулась к своему привычному рабочему столу и до конца дня честно выполняла свои обязанности. Периодически она оглядывалась на лифт и на дверь кабинета босса, всё ждала, что за ней пошлют из отдела кадров, но, раз на часах уже шесть, а её так и не вызвали, решила, что её заявление приняли. Даже сопротивляться никто не стал. В глубине души Фелисия всё равно ждала, что Гильермо объявится, захочет хотя бы узнать причины её поступка, но, видимо, она не входит в приоритет его дел на сегодня, а, следовательно, о борьбе за чувства можно забыть. Отец был прав, бороться Гильермо Наварро не за что, а значит, Фелисии не стоит жалеть о сделанном. Она покидает здание с мыслями, что

купит себе по дороге лимонад с манго, всё поглядывает на молчащий телефон в ожидании хотя бы сообщения и, ударившись о мужчину, появившегося перед ней из ниоткуда, отшатывается.

— Извините...

Кристофер смеряет её холодным взглядом, а потом, подняв с земли телефон, который девушка уронила, передаёт ей.

— Он хочет поговорить? — опережает его Фелисия и улыбается, обнажая свои ровные зубы. Кристофер, который, как и все вокруг девушки, очарован её улыбкой, не сразу ей кивает. Он всегда выбирает боссу бриллианты среди людей, но именно эта девчонка затмевает собой все.

— Машина внизу, на парковке.

— Конечно, безопасность, — ворчит Фелисия, а сама борется с обуревающей её радостью от встречи и нервным напряжением из-за предстоящего диалога. По пути обратно к лифту она думает о Наварро, о том, что, если тот её не поймёт и нагубит ей, это сильно разочарует девушку, и мысленно молит его не подвести.

Когда дверцы лифта расходятся на тёмной из-за слабого освещения парковке, Фелисия сразу видит стоящий недалеко роллс с открытой дверцей и идёт к нему.

Шофёр кивает ей на сиденье, и Фелисия, опустившись на него, понимает, что Наварро в автомобиле нет. Дверца спереди открывается, и Кристофер занимает место рядом с шофёром.

— Не поняла, а где он? — нервно спрашивает мужчину Фелисия.

— На мероприятии, оно уже заканчивается, я тебя к нему везу.

Больше Кристофер ничего не говорит, а Фелисия, устроившись поудобнее, старается набраться смелости для предстоящего разговора. Она выныривает из своих мыслей, только когда автомобиль останавливается, и, подняв голову, в недоумении смотрит на массивные стены из белого камня.

— Церковь? Что мы здесь делаем? — спрашивает она закончившего говорить по телефону Кристофера.

— Он внутри. Если не хочешь ждать его, сидя под кондиционером, то можешь зайти.

Фелисия сразу же тянется к дверце и, выйдя наружу, идёт за следовавшим её примеру Кристофером. Оказавшись внутри, Фелисия сразу же жалеет о своём поступке, потому что в церкви где-то около двадцати человек, и, судя по открывшейся перед глазами картине, они пришли попрощаться с усопшим. Гроб стоит в центре главного нефа, окружённый белыми лилиями и розами, а рядом с ним священник тихо читает молитвы. Родственники покойного подходят к гробу один за другим, касаются рукой края и шепчут пару слов. Фелисия, которая всю свою жизнь прожила с верующей матерью, сразу вспоминает, как в детстве та буквально заставляла их с сестрой ходить с ней в церковь, и радуется, что, повзрослев, не вынуждена этого делать. Фелисия всегда относилась к религии с равнодушием. Она не считает себя атеисткой, просто в её душе нет пока места ни для любви к Богу, ни для того благоговения, которое она видит у Джорджии. Церковь всегда вызывала у неё скорее эстетическое любопытство, чем внутренний трепет. При этом вера Джорджии всепоглощающая. Она постоянно молится, зажигает свечи у домашнего алтаря и убеждена, что её дети должны повторять за ней.

— Ты тоже однажды почувствуешь это, Ликси, — часто повторяет Джорджия, когда Фелисия вновь отказывается от её просьбы пойти с ней в церковь. — Ты поймёшь, что Бог всегда рядом, и откроешь для него своё сердце.

Фелисия давно с ней не спорит, а молча продолжает делать всё по-своему. Ей кажется, что абсолютная вера матери — это её способ справиться с миром. Самой Фелисии странно искать в вере ответы на вопросы, которые можно было бы решить действиями. Но, возможно, нечто в глубине её души всё же остаётся открытым для чуда, просто она пока не ищет к нему путь.

Они так и стоят с Кристофером у стены рядом с входом, прячутся в тени балок, исподтишка наблюдая за чужой трагедией. Фелисия видит Наварро, который стоит у инвалидной коляски пожилой женщины, а его рука мягко обхватывает её ладонь. В глазах женщины застыла боль, но даже сквозь неё Фелисия различает ещё и глубокую благодарность. Наварро наклоняется к ней, что-то шепчет, а она уже держится за него обеими руками.

— Кто умер? Он потерял кого-то из родни? — тихо спрашивает Кристофера девушка.

— Нет, внук женщины, с которой он рядом, погиб во время стычки картелей. Оказался не в том месте, не в то время, — прислоняется к стене Кристофер.

— То есть он этих людей не знает? — удивлённо смотрит на него Фелисия, потому что родственники погибшего, попрощавшись с ним, по одному подходят к Наварро, протягивают руки, выражают благодарность.

— Нет, — усмехается Кристофер, — но в этом и суть Гильермо. Он показывает, что готов принять участие в жизни любого человека этой страны.

Отец не прав насчёт Наварро, и то, что сейчас наблюдает Фелисия — лучшее доказательство этому. Не может средоточие зла быть настолько эмпатичным к своему народу, ведь, помимо того, что Наварро финансово помогает людям, он не упускает возможности принять личное участие и разделяет с ними как горе, так и радость.

— Вернёмся в машину, — поворачивается к дверям Фелисия, заметив, что в их сторону начали бросать взгляды.

Долго ждать Наварро не приходится, Фелисия только устраивается в автомобиле, как дверца рядом с ней открывается. Наварро коротко с ней здоровается, извиняется за ожидание и сразу снимает пиджак. Синяя рубашка красиво облегает мощные плечи мужчины, но Фелисия засматривается на кольцо, блестящее на покоящейся на бедре руке.

— Господин Наварро...

— Опять я господин, — убирает её рюкзак в сторону мужчина, не оставляя между ними препятствия.

— Я ценю ваше предложение и верю, что оно сделано из самых лучших намерений, но я всё же решила от него отказаться, — тараторит Фелисия, боясь, что ей не дадут договорить.

— Я ведь сказал, что решение принимаешь только ты, поэтому не беспокойся, я его уважаю, хотя был удивлён, что ты совсем уходишь из «Обелиска», — спокойно отвечает мужчина. — Я просто очень хотел тебя увидеть.

— И всё? — Фелисия поздно понимает, что произнесла свою мысль вслух, но она правда в шоке из-за реакции мужчины. Она снова надумала себе десяток сценариев, и ни один из них не реализовался. А ещё ей обидно, ведь Наварро не сделал и попытки её отговорить.

— А чего ты ожидала? — внимательно смотрит на неё Наварро. — Что я заставлю тебя остаться? Или, может, буду умолять тебя забрать заявление? Почему ты такого плохого мнения обо мне?

— Это не так, — облизывает сухие губы девушка и замечает, как темнеет взгляд смотрящего на неё мужчины. — Я просто переживала, что вы меня не так поймёте.

— Это ты меня не так поняла, но не страшно, — усмехается Наварро. — Забудь о должности, о работе, продолжай делать то, что делаешь, и я верю, что ты своими успехами даже выше прыгнешь. Не важно, в моей компании или в другой. Ты ценный кадр.

— Поэтому так легко ты со мной прощаешься? — не сдерживается Фелисия.

— Я с тобой прощаться не планирую никогда, — лёгкая улыбка трогает губы мужчины. — Поужинаешь со мной?

— Нет, мне надо домой, — чуть ли не идёт на поводу желания девушка. — Я выйду на остановке после поворота, — всё равно не принимает его «никогда» всерьёз Фелисия и оправдывает себя, ведь слова Наварро и его действия расходятся.

— Детский сад, и он утомляет, — зачёсывает пальцами волосы назад Наварро, а потом двигается ближе, заставив Фелисию запаниковать. — Потому что я твоему отцу не нравлюсь? Не он ли случайно поменял твоё мнение, ведь от разговора, что ты хочешь должность повыше, мы дошли до момента, когда ты вообще ничего не хочешь, — вкрадчиво спрашивает, девушка его дыхание на щеке чувствует. — Тебе я нравлюсь? Ты мне ответь, и я решу, как мне действовать дальше, — не удержавшись, ловит прядь у её виска, пропускает её меж пальцев, веки от удовольствия чуть ли не прикрывает.

Фелисия, которая такой внезапной близости не ожидала, чуть ли не задыхается от эмоций и только со второго раза выдавливает из себя:

— Нравишься.

Если бы она видела лицо Наварро, а не сидела, уткнувшись взглядом в свои колени, она бы заметила, как губы мужчины растянулись в триумфальной улыбке, больше напоминающей оскал хищника, поймавшего свою добычу.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, беспокойства отныне решаю я, — цепляет пальцами её подбородок Гильермо и заставляет смотреть на себя. — Скажи, что хочешь, чтобы я отодвинулся, и я это сделаю.

Фелисия не может сфокусироваться на его лице, взгляд всё время скользит к губам, и при всём при этом в ней вопят сирены, предупреждают о последней черте, пересеки которую, она уже легко не отделается. Она знает, что скажет, даже открывает рот, чтобы слово «отодвинься», нашёптываемое в её голове голосом отца, наконец-то вылетело из неё, но вместо этого чувствует чужие настойчивые губы на своих, и огни города для неё гаснут. Правая рука Наварро на подлокотнике сиденья девушки, он сжимает её в кулак, вонзается ногтями в свою кожу, с трудом балансирует на грани между сорваться, сожрать её свет, окунуть в свою темноту и не напугать ещё больше. Фелисия и правда задыхается, и не только из-за языка, который хозяйничает у неё во рту и делает это так искусно, что все кости девушки превращаются в желе. В ней одновременно бушует желание стать ещё ближе, почувствовать эти сильные руки вокруг себя, и расплзается страх за последствия этой минутной слабости.

— Я не думала... Я... — всё ещё губы в губы пытается сформулировать свои мысли Фелисия и снова давится словами, потому что теперь Наварро целует её жадно, сминая её губы, а девушка, которая вроде бы сидит, в то же время словно летит в пропасть, цепляется пальцами за воротник его идеально выглаженной рубашки. Поцелуи только распалют, Фелисия чувствует, как руки Наварро уже сжимают её бедра, и, поняв, что ещё секунда, и она будет сидеть на нём, резко отстраняется.

— Ты пробуждаешь мои первобытные инстинкты, но мне нравится, как ты держишь меня на расстоянии. Это распалют, — хотя его и разозлило то, что девушка отодвинулась, Наварро не лжёт. Фелисия заставляет его балансировать на самой грани, и она единственная, кто способна дарить ему такой адреналин.

Пока Наварро разрешит ей вести, ведь она дала ему себя попробовать, а значит, дверца мышеловки захлопнулась. Он достаёт телефон, отвечает на пару сообщений и больше ничего не говорит, а Фелисия изображает интерес к вечернему пейзажу за окном. Наварро, как и всегда, делает всё по-своему, и роллс останавливается перед калиткой дома семьи Лим.

— Спасибо, что подвели, — торопится выскочить из автомобиля Фелисия в надежде, что родители не заметят ни её сопровождение, ни горящие огнём щёки. Она ведь пообещала им всё решить, а в итоге приехала к дому с тем, от кого должна была бежать. Но у Наварро другие планы. Он выходит из автомобиля следом, сам открывает для Фелисии калитку и, заметив вышедшего на улицу Пабло, сразу идёт к нему.

— Добрый вечер, — как и всегда, учтиво здоровается с мужчиной Гильермо, и тот сразу тянет ему свою руку. — Фелисия, можешь принести воды Кристоферу? А то в машине бутылочек не осталось, — внезапно обращается к девушке Гильермо, и та на ватных ногах скрыва-

ется в доме. Мамы нигде не видно, Фелисия бросает рюкзак прямо на пол и, забрав из холодильника бутылочку, идёт наружу.

Когда она выходит за порог, она слышит своё имя и последовавшие за этим слова отца, что она без сомнений заслужила эту должность. Атмосфера на улице теперь другая, но, как бы Фелисия ни старалась, она не может её охарактеризовать. В то же время вопрос, почему отец так сильно боится Наварро, остаётся актуальным, потому что прямо сейчас лицо мужчины бледное как полотно.

— Держи, — сразу идёт к Кристоферу Фелисия и протягивает ему воду. Тот без слов её берет и опускает на сиденье. Фелисия замечает, что прямо рядом с коробкой передач стоят две нераспечатанные бутылки, и снова идёт к отцу.

— Точно не зайдёте? — провожает Наварро до автомобиля Пабло, и тот, поблагодарив его за приглашение, кивает оставшейся у двери Фелисии. Девушка подходит ближе, усиленно старается не выдавать стоящему в десяти шагах отцу то, как её ведёт от этого мужчины.

— Спасибо за вечер.

— Вам спасибо за понимание, — жуёт губы девушка, Наварро снова ладонь ногтями полусует. — Может, ещё увидимся.

— Может? — приподнимает бровь мужчина. — Мы увидимся, Белла, потому что видеть тебя — моя отрада. А теперь иди к отцу.

Роллс отъезжает, а Фелисия задерживается на лужайке. Отец снова ошибается, ведь то, как себя с ней ведёт Наварро и что говорит — доказательство, что их чувства взаимны. Расправившие в животе девушки крылья бабочки устраивают новый танец, и Фелисия, стараясь спрятать улыбку, идёт в дом.

— Что он тебе сказал? О чём говорили? Я написала заявление, если что, хочу, чтобы ты знал, — с порога выпаливает мужчине Фелисия.

— То, что ты до меня донести не смогла, — опускается в кресло Пабло, нервно разминает пальцы. — Поделился твоими успехами и тем, что не ожидал, что ты не примешь должность, ради которой так усердно работала.

— Я же рассказала тебе всё, и ты сам мне объяснил, что не...

— Я был не прав! — резко выпаливает Пабло, удивляя Фелисию. Отец редко признаёт свою неправоту, даже когда в этом есть необходимость. — Я привык, что тебя окружают хищники, и его постоянно к ним приплетаю. Но в то же время, я не хочу быть препятствием на твоём пути к успеху, поэтому тебе всё же стоит подумать о новой должности и отозвать своё заявление.

— Ничего себе, — растерянно смотрит на него Фелисия. — Я только объявила, что ухожу, а теперь как я, по-твоему, скажу ему, что передумала? Он решит, что я сама не знаю, чего хочу. Более того, после того, что ты рассказал, я хочу найти хорошую работу, помочь тебе закрыть долг, а не расстраивать тебя ещё больше.

— Не решит, ему же лучше, если ты примешь предложение, его вера в тебя безгранична, — не согласен с ней Пабло. — И потом, где ты найдёшь работу с доходом лучше, чем у него? Он ведь не покусится на оплату твоего труда, и я не откажусь от твоей помощи с долгом. Подумай ещё раз, лично я больше препятствовать твоему карьерному росту из-за страха не буду. Мы по-мужски поговорили, он чётко сказал мне, чем ты занимаешься и какая у тебя перспектива. Я поторопился с выводами и не учёл того, что завтра он пройдёт в сенат, а значит, мне пора перестать сравнивать его с этими ублюдками из картеля, с которым он как раз-таки борется. Если он уничтожит их, то и мой долг будет закрыт.

— Я на это так не смотрела, хотя всё, что ты говоришь, правильно, — задумывается Фелисия. — Но что именно он тебе сказал, что так сильно тебя напугало? На тебе лица не было, — осторожно говорит.

— Ничего, и он меня не напугал, я просто не подумал о том, что он ведь реально борется с ними, — массирует свой лоб Пабло. — Я переживал, что он разобьёт твоё сердце, но ты сама говоришь, что ты уже взрослая девушка. Может, мне и правда стоит позволить тебе хотя бы сердечные дела решать самой.

— Хорошо, я рада, что ты даёшь мне шанс выбирать самой, — выдыхает Фелисия.

— Я подумаю, как всё сделать с работой, но сейчас хочу лечь, — демонстративно зевает девушка, которая хочет поскорее спрятаться у себя и рассказать Яне о поцелуе, заставившем её забыть обо всех, что были до.

— На сегодня всё? — Кристофер продолжает подбрасывать и ловить бутылочку, переданную ему Фелисией, пока сидящий на заднем сиденье Наварро задумчиво смотрит в окно.

— Да, едем на ранчо, хочу отдохнуть, и мне нужна компания.

— Понял, — сразу тянется за телефоном Кристофер. Гильермо не сомкнёт глаз, если не потушит разгоревшийся в нём огонь из-за поцелуя, и раз та, чьё тело для него пока табу, его тушить не намерена, это сделают другие.

— А ещё набери нашего дорогого прокурора, скажи, я хочу завтра его видеть, — говорит Гильермо.

— Дельгадо не в стране, — оборачивается к нему Кристофер. — Командировка у янки.

— Значит, сократит её, — без тени сомнения говорит Наварро. — Пора ему возвращать свой долг. Хочу, чтобы он проконтролировал ищеек. Я уже так близок, никто не должен мне помешать.

— Сделаю, — кивает Кристофер.

— Что с инвестициями? Решили вопрос с партнёрами? Вернули доверие? — меняет тему Гильермо.

— Всё сделано, а с утра наши будут на встрече в штаб-квартире и выкурят мразь.

— Как крысу впустили, так пусть всё и уладят, иначе я буду очень зол, — откидывается назад Наварро. — Не люблю, когда горят мои инвестиции.

— Тебе не о чем беспокоиться, этим занимаются наши лучшие люди, — заверяет его Кристофер.

— Это хорошо, потому что, если этим буду заниматься лично я — никому несдобровать, — усмехается Наварро, а Кристофер возвращается в недалёкое прошлое, когда одну из инвестиций босса пытались испортить, облив кислотой. Крис сам нашёл виновника, предотвратил его намерения и сам же, по приказу Наварро, опустил его головой в ванну кислоты. Вонь стояла жуткая. Крис даже дёргается, вспомнив удушающий запах разъедающей человеческую плоть кислоты.

Попрощавшись с Ортегой, Бриджит пешком добирается до соседнего квартала, чтобы немного проветриться, и, сев за руль, решает, что всё же поведёт сама. Вечер был прекрасным во всех отношениях — она и по работе зацепку нашла, и отдохнула душой со странным Ортегой, который заставил её столько смеяться, что болит лицо. Джи уже представляет, как тяжело ей будет работать, учитывая, что скоро рассвет, а она нетрезвая и невыспавшаяся. Стоит ей устроиться на сиденье, как на телефон поступает срочный вызов от Руи, чтобы она отправилась к мотелю «Абла».

— Зачем мне на место убийства? — Джи и так подташнивает от пива, а опять видеть казнь наркоторговцев, а учитывая, что друг позвонил ей, это именно она, ей не хочется.

— Я тоже в пути, выезжай, там Антония, — повторяет Санчес, и Бриджит чувствует, как противный холодок расплзается по её спине. Джи больше не медлит, давит на педаль и выезжает на дорогу. Руль в руках кажется липким, и пальцы машинально сжимают его, как спасательный круг, который не даёт ей окончательно потерять связь с реальностью. Случилось

нечто ужасное, и, как бы Джи ни хотела, чтобы предчувствие её обмануло, тревога в ней только нарастает. Дорога никак не заканчивается, она не следит за знаками, почти игнорирует светофоры. Всё перед глазами расплывается, Джи вроде смотрит на дорогу, но перед глазами ужасающие картины, которые рисует воображение.

Наконец-то она видит мигалки, ограждение из полицейских машин, а тишину в ушах нарушают сирены. Бриджит резко тормозит, заставляя шины стереться об асфальт, выходит из автомобиля и, не закрывая дверь, быстрыми шагами направляется в сторону мотеля. Вокруг хаос — синие и красные огни слепят, кричат полицейские, из скорой торопливо выгружают носилки, но Джи ни на чём не заикливается.

Проходя рядом с коллегами, она ловит их сочувствующие взгляды, слышит обрывки фраз и двигается дальше. Её сердце стучит всё громче, и на секунду ей кажется, что ещё немного, и оно лопнет. Голос Руи дрожал по телефону, и пусть, направляясь сюда, Джи всё ещё позволяла себе думать, что речь о плохо закончившейся облаве, где Антония просто одна из первых прибывших, сейчас она в этом сомневается. Бриджит проходит в коридор, в конце которого стоят следователи, вдыхает запах дешёвого моющего средства, смешанного с железным запахом крови, который она начинает различать, и теперь уже заставляет себя идти дальше. Она кивает знакомым полицейским, замечает полуоткрытую дверь номера, куда входят криминалисты в белых костюмах. Адреналин вперемешку со страхом усиливается, но Джи блокирует свои чувства. В конце концов, за годы работы в полиции она уже видела всё. *Или она так думала.*

Комната залита ярким светом ламп полицейских фонарей, но её взгляд моментально цепляется за кровать. На ней, раскинув руки в обе стороны, в пропитавшей простыни крови лежит тело. Пусть у погибшей отверстие от пули прямо по центру лба, её лицо всё ещё красиво, и Джи знает кто это.

Антония.

Бриджит отшатывается, чувствует на плече железную хватку Руи и не может совладать с собой. Любимая кожанка Антонии висит на стуле, остальная одежда на полу. На тумбе рядом с кроватью лежит нетронутым её оружие. Видимо, нападение было внезапным, или она спала, но женщина даже до пистолета не дотянулась. Горло Джи сжимается, ноги будто приросли к полу, она за пару секунд переживает одновременно гнев, шок, отчаяние. Она слышит голоса коллег, у неё что-то спрашивают, Руи оттаскивает её в сторону, но Джи, как тряпичная кукла, на всё кивает, всему подчиняется.

— У неё пуля во лбу, — еле двигает губами Джи, обхватив голову руками. — Каким зверем надо быть, чтобы стрелять в лицо, — выбегает в коридор девушка и вылёвывает содержимое желудка на пол.

Джи не может остановиться, её без остановки выворачивает, желудочный сок разъедает горло, но что ей до него, если ей только что разъело душу чудовищной смертью подруги. Спустя минут десять она стоит в коридоре, прислонившись к стене, пьёт из любезно предоставленной ей Санчесом бутылки воду и пытается восстановить контроль над собой.

— Что она делала в этом задрипанном мотеле? — смотрит она на прячущего глаза Санчеса. — Зачем убивать Антонию, она ведь чиста вроде? У неё были враги?

— Она была здесь с парнем, — мнётся Руи и снова кладёт руку на её плечо. Джи это раздражает, ощущение, что Санчес пытается удержать её на ногах, будто бы он сам не пострадал от произошедшего.

— Его задержали? Мы допросим, — сразу же оживлённо говорит Джи. Как бы больно ни было от утраты, она должна делать свою работу. Она должна найти убийц Антонии и заставить их заплатить за содеянное.

— Джи, тебе лучше быть сильной, — пытается подобрать слова Руи, всё так же продолжает избегать её взгляда и заменяет в Бриджит боль на ярость.

— Убили нашу коллегу, подругу, блять. Вместо того чтобы нянчиться со мной, начнём работать! Где парень? — грубо толкает его в грудь Джи и, проходя мимо номера, старается не смотреть в его сторону.

— Парень здесь, — догоняет её Руи уже на выходе. — Я лучше сам с ним поговорю, ты останься тут, — крепко хватая её под руку Руи, не даёт дальше двинуться.

— Убери руку, пока я тебе её не сломала, — шипит Джи. — Мы оба были её друзьями, поверь, я страдаю не больше тебя, но мы, в первую очередь, полицейские и будем делать свою работу.

Бриджит сбрасывает с себя руку друга и, подойдя к скорой, просит пропустить её к свидетелю. Она ещё издали видит закутанного в одеяло молодого мужчину, сидящего в автомобиле, но, подойдя ближе, не верит своим глазам.

— Карл...

Карл бежит по ней расфокусированным взглядом, его лицо забрызгано кровью, и парня так трясёт, что медбрат не может сделать ему укол успокоительного.

— Он был с Антонией, ворвался человек в маске, выстрелил в неё и ушёл, — тихо говорит остановившийся позади Джи Руи. — Прости, подруга, я не хотел...

Будто бы Джи что-то слышит. Она не понимает, как вообще продолжает стоять на своих двоих, если её мир только что разрушился. Хочется одновременно кричать, разбивать свои кулаки об асфальт и плакать. Такую же беспомощность и эмоциональный хаос она пережила много лет назад, когда к ним постучались из полиции. Офицеры и рта не успели открыть, но Джи, которая тогда была ребёнком, уже знала, что они скажут. Казалось, больше она через такое не пройдёт, ведь настолько тяжёлые испытания посылаются дозировано, и Джи своё отстрадала, но она ошибалась. Возможно, сравнивать смерть отца и смерть подруги и, как она думала, вечной любви, не правильно, но под грудиной всё тот же ураган эмоций, а на языке горечь полыни. Она так и стоит на месте, пошатываясь от тяжести свалившегося на неё отчаяния, и не может найти точку опоры. Джи хочет что-то сказать, даже пытается, но губы не двигаются, а голос застрял где-то в горле. Руи снова рядом, держит её за плечи, и Джи ему благодарна, потому что без его рук она бы определённо рухнула.

— Он ведь не ранен? — наконец-то выдавливая из себя Джи, не сводит глаз с парня.

— Нет, но сильно напуган, он такое увидел...

Джи дальше не слушает, она опускается прямо на бордюр и, обхватив голову руками, изо всех сил давит. Будто бы так она сможет забыть обо всём, избавиться от последнего часа или хотя бы проснуться. Телефон разрывается от звонков, она продолжает сидеть на бордюре, наблюдая за тем, как всё, во что она верила и чему была предана, затирается на фоне жестокой реальности. Ничего больше не будет как прежде. Она уже знает, что её мир развалился на куски, а сама она так и останется его маленьким осколком, обречённым на бесконечную тьму.

«Не идеализируй людей, Хомячок, будет больно», — всплывает в голове теперь уже определённо пророческое заявление Ортеги.

Глава 7. Burdeos

Сразу после похорон Антонии Бриджит отправляется в участок. Эти три дня прошли для неё как в тумане. Она знает, что следствие по делу Антонии передано коллегам из убийного, а результаты вскрытия и баллистическая экспертиза доказали, что оружие, из которого стреляли в неё, совпадает с типичным арсеналом «Доминион». Джи была в больнице у Карла два раза. Парень будет ещё какое-то время проходить лечение в больнице, а потом, по словам родителей, поживёт у них под присмотром. Полиция занимается безопасностью Карла как потенциального свидетеля, но DEA убеждены, что ему ничего не грозит — «Доминион» не оставляет свидетелей, а раз его не тронули, то они не видят в нём угрозу. Джи стояла у палаты Карла, смотрела на бледного парня и, как бы ни хотела, не смогла вызвать в себе гнев на него. Да, ей

изменили, и она, возможно, долго бы об этой связи не узнала, если бы Антония не перешла кому-то дорогу, но злиться на сломанного человека, который в итоге сломал и её, она не в состоянии. Впереди Карла ждёт долгий путь восстановления, и ещё неизвестно, оправится ли он после такого шока. Руи не отходит от подруги, приносит ей еду, стоит над головой, пока Джи не положит что-то в рот, и всячески её поддерживает. Руи разрушается вместе с ней и, понимая, что словами тут ничего не сделать, выбирает молчать и быть рядом. Приехав в участок сегодня с утра, Хименес только опускается в своё кресло, как её зовут в кабинет Рамоса. Бриджит подозревает, о чём будет разговор, поэтому, тяжело вздохнув, идёт к шефу.

— Присаживайся, — кивает на кресло Алехандро и, достав из шкафа два стакана, ставит один перед ней. Следом он достаёт бутылку коньяка. — Пить на рабочем месте не в моих правилах, но порой без этого никак, — отвечает на её немой вопрос капитан и, чокнувшись, смачивает горло.

— Бриджит, ты прошла через многое, и всё это выпало на твою долю за одну ночь, — осторожно начинает Рамос. — Мы все ещё долго будем отходить от этой трагедии, ведь мы потеряли нашу дочь, сестру и подругу, но я знаю, что тебе больно вдвойне.

Больно — не то слово, которое охарактеризовало бы все чувства Джи. Ей не просто больно, ведь теперь, приходя в участок, она сталкивается с оглушительной тишиной и в каждом взгляде, обращённом на неё, чувствует жалость, которая прожигает её насквозь. Джи знает, что все они скорбят о гибели Антонии, но в их глазах проскальзывает ещё и сочувствие, обращённое именно к ней. Джи пытается сохранить лицо, делает вид, что ничего не замечает, но сердце девушки сжимается от боли и стыда. Эта двойная потеря разрывает её изнутри. Она потеряла подругу, которую считала сестрой, человека, которому доверяла, и жениха, которого любила, как ей казалось, всем сердцем. Стыдно не только за его измену, но и за то, что она не замечала. За то, что, возможно, где-то глубоко внутри она не хотела видеть очевидного, и за то, что он предпочёл другую — ту, кто была рядом с ней каждый день, ту, кому она доверяла. Джи хочется, чтобы они смотрели на неё так же, как раньше, как на человека, который всегда держит ситуацию под контролем, но она сомневается, что отныне хоть что-то будет «как раньше». Рамос делает длительную паузу, наблюдает за эмоциями, сменяющимися одна за другой на её лице, а потом подаётся вперёд:

— Если тебе нужно время, никто не будет против. Ты можешь вообще ни с кем из участка не общаться.

— Нет, всё в порядке, — лжёт Бриджит. Даже вопреки желанию, она не может взять это время, ведь если она уйдёт, то эти взгляды, эта жалость будут преследовать её ещё сильнее. Это докажет, что она сломалась, что выбрала самый лёгкий путь и решила прятаться. Отцу за такое было бы стыдно. А ещё у неё есть ответственность, есть цели, которые она обязана реализовать. И пусть Джи хочется прямо сейчас раствориться в воздухе, она останется. Она запрет всю свою боль внутри, докажет и себе, и коллегам, что она, в первую очередь, профессионал.

— Я бы не сказал, что это предложение, скорее, приказ, — снова подносит стакан к губам Рамос. — Я знаю, насколько ты ценна для отдела и всего города, твои заслуги невозможно преуменьшить, но, Хименес, есть правила, которым мы должны подчиняться.

— Капитан, пожалуйста...

— Дослушай, — не даёт ей договорить мужчина. — Мне придётся временно отстранить тебя от работы, учитывая, что на месте преступления был твой жених, а ты, возможно, всё ещё находишься в состоянии эмоционального шока. За время своего отстранения ты будешь посещать обязательные сеансы с психологом, и, если после этого ты пройдёшь медицинскую и психологическую оценку, ты вернёшься к работе.

— Пожалуйста, умоляю вас, не поступайте так со мной, — с надеждой смотрит на него Джи. — Вы знаете, что мы уже подошли к «Доминион», что у DEA расписаны задания по разрушению этой махины на месяцы вперёд, и два из них, которые буквально на днях, курирую

лично я. Не лишайте меня дела жизни, ведь, потеряв несколько месяцев, я не смогу снова во всё это влиться.

— Бриджит, твоё психическое здоровье не менее важно, чем «Доминион». Я тоже подчиняюсь процедурам, и ты просишь у меня почти невозможного.

— Неужели нет способа обойти процедуру? Я уже в порядке почти. Да, мы все потеряли коллегу, и мой жених в больнице, — осекается Джи. Может ли она называть его всё ещё своим женихом? — Но я всё ещё офицер, который борется с преступностью. Они убили моего отца, и я пришла сюда, чтобы выполнять свой долг. Что изменилось в этот раз?

— Я ничем помочь не могу, я сам не хочу терять тебя на месяцы, но это процедура, и исключений нет, — виновато опускает глаза Рамос.

— Совсем ничем? Вы даже путь указать мне не можете? — не собирается смиряться с вердиктом Бриджит.

— Я бы сказал тебе, чтобы ты поговорила с ДЕА, тем более они оказывают на нас огромное влияние, но я не скажу, — усмехается капитан.

— Хорошо, — кивает Джи, поняв, что ей делать.

ДЕА, к огромной радости Джи, вопрос с отстранением не просто решают, они ещё до визита офицера заявляют ей, что беспокоиться не о чем. ДЕА готовили все ближайшие операции, в первую очередь, захват спа-салона и казино именно с Хименес и по её наводке. Начинать разрабатывать план захвата снова и с новым руководителем — не дело, учитывая, что любая мелочь может стоить полиции десятков жизней. Единственное, Джи всё равно должна пройти оценку психолога, и она не сомневается, что это сделает.

После участка Бриджит снова едет в больницу, сидит у койки Карла и не реагирует на его родителей, которые по-прежнему прячут при ней глаза. Она обещает парню, что он поправится, всё будет хорошо, а Карла трясёт от подступающих рыданий, и врач просит Джи пока к нему не приходите. Чувство вины сжирает мужчину, и он оплакивает как свою разрушенную по его же вине жизнь, так и свою любовницу. Следующие два дня Джи не вылезает из офиса ДЕА, до мелочей прорабатывает каждую деталь предстоящего захвата, а Санчеса просит заняться источником, на который ей указал Ортега. Последний, к слову, давно не объявляется, и Джи сама удивлена, что, учитывая то, как резко поменялась её жизнь за одну ночь, она всё равно продолжает думать о болтуне-перекупщике. Некоторые её мысли, видимо, всё же материализуются, потому что сегодня, выйдя из участка, она видит идущего в её сторону Ортегу. Впервые после событий той роковой ночи Бриджит, увидев его, чувствует некое облегчение. Как бы там ни было, именно с ним она спустя долгое время позволила себе быть беззаботной девчонкой и расслабиться, и с ним же она была до момента, который разрушил её веру в людей.

— Офицер Хименес, примите мои искренние соболезнования, — протягивает руку Ортега, и Джи читает в его взгляде, что он знает о Карле.

— Значит, я больше не офицер Хомячок, или ты тоже теперь меня жалеешь? — сама не понимает, почему её так это обидело, Джи. Словно жалость всех, кто за стенами этого участка, воспринималась ею легче.

— Офицер Хомячок будет всегда, — широко улыбается Ортега и передаёт ей пакет с упаковкой пива. — Тебе оно понравилось, я подумал, что, пока повода заманить тебя ко мне нет, ты не приедешь пить со мной, так что работаю курьером.

— Спасибо, это неожиданно с твоей стороны, — берёт пакет Джи. — Но имей в виду, повод не всегда обязателен, и я в твой район ещё заеду, — улыбается девушка, Венсан забывает, кто он, зачем он здесь, какие раны носит в своей душе. Остаётся только эта улыбка. Она не просто красива — она опасна для Венсана, ведь против оружия он достанет любимый Файв-севен (FN Five-seveN — самозарядный пистолет), а что делать с улыбкой, которая для Венсана, как первый луч солнца после долгой тьмы, он не знает.

— Ловлю на слове и жду тебя всегда, — кивает сбросивший оцепенение мужчина. — Кстати, раз вы всё время проигрываете «Доминион», не хочешь ли ты пойти другим путём? Может, тебе уже пора стать копом под прикрытием?

— Не поняла, с чего мне обсуждать с тобой работу полиции, и с чего ты взял, что я хочу быть копом под прикрытием? — мрачнеет Хименес.

— Не кипятись, — выставляет вперёд руки Лино, обезоруживает собеседницу улыбкой. — Я тут слышал, что недавно кого-то из ваших раскрыли, коп под прикрытием была одной из ночных бабочек картеля «Очоа» и нехило так потрясла их. Вот я и подумал, не хочешь ли ты быть копом под прикрытием в «Доминион», оказаться в самой гуще, это ведь круче, чем у них под забором копать. Можешь быть и проституткой, гарантирую, они поверят, — скользит откровенным взглядом от подбородка к её горлу.

Дикая мысль пришла к Венсану вчера ночью, когда ни свой же товар, ни мальчики и девочки, способные затуманить разум любого, так и не смогли растормошить тонущего в пучине чужих глаз мужчину. Даже понимая, насколько это нереально, ведь коп под прикрытием — это работа на пару лет, и вообще, Хименес для неё не подходит, учитывая, что вся Картахена её знает, он сам придумал себе сценарий и сам же воодушевился. Это была бы безумная игра, где оба играли бы роли, а правду знал только один, и в этот раз не офицер полиции. Венсан бы сделал её своей куколкой, хотя бы так вдоволь наигрался, ведь Джи из-за работы себя бы не выдала и даже забыла бы, что она влюблена в другого. И уже было бы плевать, что Хименес знает его лицо, она стала бы его деткой, которую бы Лино поощрял сливами нужной ей информации. И никто бы его полицейской проститутке не угрожал. Никто, кроме него самого.

— Только я думаю, что ты нормальный, как ты выдаёшь очередной бред, — после долгой паузы смеётся Бриджит. — Езжай в свой магазин и больше такой чуши не неси, а то закрою в обезьяннике, — хлопает его по плечу всё ещё смеющаяся девушка и двигается к своему автомобилю.

— Какая наглость, даже всерьёз меня не воспринимает, — качает головой смотрящий ей вслед Венсан и снова возвращается к мечтам о копе под прикрытием с кудрявой копной, которая на все слова Венсана говорила бы «Sí, papí.».

Фелисия приезжает на работу, как и всегда, за пятнадцать минут до её начала. Бросив общее приветствие теперь уже новым коллегам, она сразу идёт к Исае и представляет, как глупо будет выглядеть, говоря мужчине, что согласна на должность. Фелисия, чья голова все последние часы разрывалась от мыслей, решила больше долго не думать и плыть по течению. Раз отец впервые в жизни с ней согласен и даже признал свою вину, а Наварро убедил его, что у неё есть потенциал двигаться выше по карьерной лестнице, то Фелисия это примет. Исае, к её удивлению, комментариев не даёт, просит зайти в отдел кадров в течение дня и говорит, что кабинет всё тот же. Так как теперь Фелисия подчиняется напрямую Исае, а над ним нет менеджеров, она получает от него список дел с пометкой, что может вливаться понемногу и не торопиться. Половину дня Фелисия тратит на обустройство и отдел кадров и, усевшись в своё новое кресло только к двум, тянется за мобильником. Она долго думает, что ей написать Наварро, и в итоге посылает ему «я скучаю». Проходит час, ответа от мужчины так и нет, и Фелисия снова чувствует, как начинает злиться. То он её обхаживает, целует, успокаивает, то игнорирует сутки. Фелисию уже реально раздражают их недоотношения, и пора бы ей всё выяснить раз и навсегда. У Фелисии, возможно, отсутствует большой опыт в отношениях, но одно она знает точно: если они есть, то люди общаются и уж точно отвечают на звонки и сообщения друг друга. Наварро ошибается, если думает, что Фелисия будет молить его о внимании. Она просто выяснит, что между ними происходит, и решит, как действовать дальше. А пока, раз Наварро сложно отвечать на её сообщения, новое он больше не получит. Оставшуюся часть дня Фелисия проводит за изучением материалов нового здания, которое «Обелиск» сдал в конце месяца, и ровно в

шесть собирается на выход. Она планирует встретиться с Яной вечером, а до этого, чтобы не торчать дома следующий час, будучи поглощённой мыслями, решает забежать в библиотеку. План реализуется частично, потому что Фелисия успевает прочитать только две главы книги, когда получает сообщение от Наварро с приглашением поужинать. Фелисия мнётся, думая, стоит ли набивать себе цену, вопреки жажде его увидеть, и в итоге пишет, что об ужине можно было бы предупредить пораньше, а сейчас она занята.

Наварро перезванивает.

— Чем ты занята? — спрашивает мужчина, а Фелисия, услышав его вкрадчивый голос, в полной мере осознаёт, как сильно она по нему скучает.

— Читаю, — не поддаётся эмоциям девушка.

— Я был на встрече, точно не знал, когда закончится, но учту твоё недовольство.

— С чего ты взял, что я недовольна? — пытается играть по его правилам Фелисия и не взрывать. Наварро ничто не способно вывести из себя, значит, и Фелисия научится его хладнокровию.

— Я это чувствую, — Гильермо снова усмехается. — Я не смог ответить на твоё сообщение, не предупредил тебя об ужине, наверное, я всё же виноват. Захвати книгу, вечером вместе читаем.

— Я же сказала, у меня планы, меня нужно заранее предупреждать, — Фелисию задевает его снисходительный тон. Неужели Наварро думает, что все их встречи будут проходить, только когда ему удобно?

— Хорошо, в субботу хочу взять тебя с собой на винодельню к моему другу, предупреждаю за несколько дней. Довольна? — с открытой издёвкой спрашивает Наварро.

— В субботу вечером я буду в клубе Caliente, празднуем повышение бывшей одноклассницы, так что или пойдёшь один, или могу составить тебе компанию днём, — не лжёт Фелисия, которая уже получила приглашение.

— Ты не пойдёшь в этот притон, — его голос звучит как приказ, не допускающий возражений, и Фелисию это коробит.

— Ты правда думаешь, что можешь мне указывать? — возмущена до глубины души Фелисия.

— Я уверен, что могу, и повторяю, тебе нечего делать в этом притоне, кишашем наркоманами и проститутками, — без лишних эмоций говорит Наварро.

— Значит, я ничего не слышу, — хмыкает Фелисия.

— Ты ведёшь себя, как обиженный ребёнок, — доносится до девушки вздох. — Я вышлю за тобой автомобиль, потом куплю тебе мороженое, и, надеюсь, сработает.

— Не смешно, — с обидой говорит Фелисия. — Если ты считаешь меня ребёнком, то нечего тогда со мной возиться, а тем более поручать неумелому дитя целый отдел.

— Я не считаю тебя ребёнком, ты себя такой считаешь и ведёшь соответственно, поэтому давай забудем этот диалог и поужинаем, — в голосе мужчины проскальзывают нотки раздражения.

— Я занята, если освобожусь пораньше, сообщу тебе, а пока нет желания с тобой разговаривать, — не дав ему сказать и слова, вешает трубку Фелисия.

Её трясёт от злости, и даже на её пике она знает, что вся она направлена на неё саму. Пальцы сжимают телефон до побеления костяшек, но он не вибрирует, не оповещает ни о звонке, ни о сообщении. Фелисия выкидывала подобное с бывшими, они всегда перезванивали, и их разборки могли длиться до утра и неизменно заканчивались признаниями друг другу. Ещё вешая трубку, Фелисия знала, что Наварро не перезвонит, и своим поведением фактически подтвердила его слова. Лицо девушки горит, а грудь вздымается так, будто она только что пробежала марафон. Каждое слово Наварро всегда бьёт точно в цель, ведь Фелисия и правда ведёт себя как ребёнок, капризничает, не хочет слушать. Но, чёрт возьми, она не ребёнок, и

ей надоело, что её семья, а теперь ещё и любимый мужчина в этом так убеждены. Она может злиться сколько угодно, но пора уже ей начать с этим что-то делать. Нет, она не побежит за Наварро, не будет извиняться за свой поступок, она переждёт, а потом, когда Гильермо объявится — Фелисия на это очень надеется, — она докажет ему, насколько она не ребёнок. Телефон вибрирует, девушка чуть не давится воздухом и, развернув экран, разочарованно открывает сообщение от Яны. Подруга пишет, что ждёт её в кофейне на их улице, и Фелисия уныло плетётся к выходу.

— Могли бы пива выпить, чего мы как гламурные девчонки в кофейне торчим, — ворчит Яна, которая, несмотря на своё недовольство, пьёт уже вторую чашку горячего шоколада, обильно добавляя в него взбитые сливки.

— Я же сказала, что у меня планы на вечер, не хочу быть под градусом, — бурчит Фелисия, продолжая помешивать соломинкой свой американо со льдом. — Хотя, может, их и не будет.

— Что опять случилось? — вздыхает Яна. — Твой папочка тебя наказал?

— Нет, с отцом уже всё нормально.

— Я не про дядю Пабло, — кривит рот Яна и получает испепеляющий взгляд от подруги.

— Он считает меня ребёнком, — отодвигает стакан Фелисия. — Он мне это в лицо заявил. То есть по телефону сказал, а я трубку повесила. Я повела себя как истеричка, не смогла придумать ничего лучше, чем повесить трубку. И знаешь, вроде я такое не раз проворачивала, но именно сейчас ощущение, что не стоило. Не тот случай. Мне нельзя вести себя с ним так, как я вела себя с другими. Ты меня не поддержишь?

— Я считаю, что твои выводы правильные, и вешать трубку не стоило, — пожимает плечами Яна.

— Он не перезвонил. Прикинь, ни слова! — с горечью улыбается Фелисия. — А вдруг так и не перезвонит? Вдруг я перешла черту и из-за собственной вспыльчивости уничтожила наши отношения?

— Так ты бы сперва определилась, что у вас за отношения.

— Именно! — хлопает по столу девушка. — Я сама ему звонить не буду, хотя, скажу честно, меня разрывает от желания. Я уже пару раз даже накатала сообщение на страницу, где мои извинения переходят в обвинения. Я не буду ему ничего отправлять, но, если он объявится, я выясню, как называются наши отношения, и, если его ответ меня удовлетворит, покажу ему, насколько я не ребёнок.

— Осторожно на поворотах, что твоя светлая голова удумала? — напрягается Яна.

— Ничего противозаконного, но лучше тебе подробности не знать, — хитро улыбается Фелисия. — Что бы там ни было и как бы порой он меня ни вымораживал, я тащусь по нему и терять его не собираюсь. Лишь бы только позвонил.

— Доконаешь ты меня своей влюблённостью, — вздыхает Яна.

— Сейчас бы джойнт выкурить, шум в голове унять, — откидывается назад Фелисия.

— Эй, не хулигань, — хмурится Яна.

— Не трясись, мамочка, я же не у тебя его прошу, — снова проверяет телефон Фелисия.

— Откуда достала? — приближается Яна.

— На углу у пацана взяла, тоже хочешь? — спрашивает Фелисия.

— Хочу, чтобы ты его выбросила.

— Это просто косяк, и пока проблем у меня не было, так что смирись, — тянется за счётом Фелисия.

Сегодня день X. Через три часа Бриджит вместе со своими людьми выдвигается в спасалон, вторая команда отправится брать казино. Джи закидывает в микроволновку замороженную пиццу и, пройдя к дивану, садится рядом с Руи. Снова перед глазами комната в мотеле,

залитая кровью постель, только лицо Антонии Бриджит уже не видит. Оно с каждым днём всё больше смазывается. Руи чокается с ней водой, желает удачи и сетует, что его включили в операцию в казино, а не поставили вместе с напарницей. Джи тоже желает ему удачи, обещает потом в красках всё рассказать и от него послушать и просит не переживать.

Ночь в Картахене влажная и душная, как всегда, но воздух в этот раз словно пропитан напряжением. Кастильо, который убеждён, что, если бедро обжигает любимый ствол, ему нечего бояться, не любит прислушиваться к интуиции. Хотя сегодня с самого обеда в нём поселилось тёмное, липкое беспокойство, которое он продолжает упорно игнорировать. Для Кастильо это всё глупости, ведь о чём переживать сикарио «Доминион», за которым стоит сам Лино, поэтому он снова отгоняет мрачные мысли и заходит в скрытое в старом здании на окраине города казино. Его люди сразу же разбредаются по заведению, а сам мужчина идёт к ожидающим его партнёрам. Нужно попробовать новый товар, который выйдет на рынок в следующем месяце, и обговорить детали, которые выделил для него Лино. Он с ухмылкой шлёпает по заднице принёсшую ему выпивку симпатичную блондинку и, получив в ответ от неё соблазнительную улыбку, слушает распинаящегося о качестве товара собеседника. Мужчина не лжёт, потому что лично попробовавший новинку Кастильо довольно хлопает его по плечу и кричит бармену, чтобы до конца вечера наливал всем за его счёт, а им принёс лучшее вино. Бутылку Кастильо приносит другая девушка, лет тридцати, и тот, нахмурившись, требует у неё вызвать очаровательную блондинку.

— Если бы я хотел выпивку от брухи (ведьма — пер. с исп.), я бы сделал пометку в заказе, — скривив рот, смотрит на неё Кастильо.

— Её смена закончилась, а на вкус вина то, что его подала я, не повлияет, — вкладывает все силы в улыбку девушка.

— Если оно такое же старое, как и ты, то согласен, — хохочет Кастильо, чьи слова задевают девушку, но она вида не подаёт.

Мужчина возвращается к собеседнику, пробует вино, вкус которого не разочаровывает, и представляет, как будет доволен брат, узнав, какую выгодную сделку он провернул. Кастильо только поднимает бокал, намереваясь сказать тост в честь начала нового сотрудничества, как через окна в помещение залетают шумовые гранаты, белая вспышка ослепляет всех присутствующих, а следом раздаются грохот и звуки стрельбы. Кастильо, получивший пулю в плечо, заваливается на бок и, пока его люди отстреливаются, проверяет рану. Просто задело. Мужчина, выдохнув, достаёт пушку и параллельно набирает брата.

— Отец, высылай всех, меня накрыли.

Шумовые гранаты были только первым ударом. Следом в помещение залетают дымовые пашки. Густой, едкий дым расплзается по казино, вызывая кашель и слёзы. Никто из присутствующих уже не может ни видеть, ни слышать, не то чтобы прицелиться. В ту же секунду дверь выносит ударом, и внутрь влетают бойцы спецназа.

Полицейские заблокировали оба конца улицы, силы национальной гвардии окружили здание. Руи, который руководит одним из отрядов, срывается вперёд и, крикнув своим: «Заходим быстро. Никто не выходит без наручников или в мешке», толкает повисшую на петле дверь. Люди Кастильо сопротивляются рьяно. Внутри казино происходит самый настоящий хаос. Игроки, полиция, наркоторговцы — все или отражают огонь, или убегают. Пули рикошетируют от металлических стенок игровых автоматов, а дым клубится, заполняя помещение. Один из офицеров падает, раненный в ногу, но Руи, приказав оттащить его в сторону, продвигается всё глубже. Кастильо понимает, что выхода нет, что, если подмога не придёт в ближайшую минуту, его или убьют, или снова загребут. Он переползает через тело своего телохранителя и продолжает ползти, не зная куда. Внезапно он чувствует руку на плече и слышит женский голос, требующий двигаться за ней. Терять уже нечего, и, даже если это ловушка, Кастильо

подчиняется. Только оказавшись за стеной, он поднимается на ноги и, придерживая рану, удивлённо смотрит на принёсшую ему вино девушку.

— Это тоннель. Только старые, — делает акцент на последнем слове официантка и показывает на дверцу в полу, — знают про его существование. Выйдешь у церкви в центре.

— Спасибо, — выпаливает растерянный её словами Кастильо.

— Двигай уже, — толкает его в грудь женщина, а сама с беспокойством оглядывается.

— Как тебя зовут? — подняв дверцу, ногой нащупывает лестницу Кастильо.

— Мерлин Монро.

— Я серьёзно.

— Кассандра.

— Я найду тебя, Кассандра, — кивает ей Кастильо и уже собирается спуститься в тоннель, как слышит снаружи пулемётную очередь. — Отец, — загораются глаза мужчины.

Руи продолжает отстреливаться, кричит, чтобы брали больше живых, и тоже слышит звуки стрельбы, доносящиеся снаружи. Руи, который уже передал в штаб, что цель здесь, ждёт прибытия подмоги и Хименес с людьми, учитывая, что в спа-салоне всё закончилось быстро и без крупной рыбы. Судя по всему, она именно здесь, и «Доминион» бросил все свои силы к казино. Когда Руи вываливается наружу, он с ужасом смотрит на усеянный трупами тротуар и, пригнувшись, еле добирается до продолжающих отстреливаться из-за машин коллег. Напротив них в ряд стоят пять чёрных бронированных внедорожников, из которых по ним шмаляют пулями. Один из них резко срывается вперёд, прямо на них, и теперь на полицию обрушивается пулемётная очередь. Люди картеля действуют слаженно, как натренированная армия, и полиция понимает, что шансов вылезти отсюда всё меньше. Руи, который замер за автомобилем под градом пуль, всё ждёт, когда уже их начнут прикрывать, и видит, как дверца одного из внедорожников открывается. Наружу выходит мужчина, и на мушку его, учитывая расстояние, автомобили и не прекращающуюся пулемётную очередь, не взять. Руи не понимает почему, но он чувствует, что это тот самый Венсан Лино. Судя по остальным, которые теперь не просто атакуют, но защищают именно его, так и есть. Мужчина выше среднего роста, уверенный, двигается с грацией хищника и абсолютно спокойный, несмотря на хаос вокруг. На его лице театральная маска — половина маски улыбается, как комедия, а другая половина плачет, как трагедия. Сирены, крики, звук пуль, мерцающий свет мигалок — всё это словно становится декорациями для его триумфального появления. Вокруг него солдаты, они превосходят полицию и по числу, и по вооружению, но Лино поднимает автомат, целится в одну из машин и стреляет.

— Отступаем! — с третьего раза слышит Руи и только благодаря втащившему его в автомобиль коллеге не получает пулю, предназначенную именно ему.

Когда полиция, ослабленная и окружённая, начинает отступать, Лино кивает своим, а увидев вышедшего наружу Кастильо и рану на его плече, с силой сжимает оружие.

— Всех убью, собаки ответят за твою кровь, — обещает брату Лино, и они садятся в автомобиль.

— Надо уезжать, они подмогу выслали. Отвезём тебя в больницу, подлатаем, — нажимает на рану брата Лино.

— Я всё выяснил, — обернувшись, докладывает боссу сидящий впереди Чапо. — Они напали на наш салон и сюда одновременно, операцию готовили DEA.

— Дай мне список всех ублюдков, которые её готовили, я всех сам обезглавлю. Никто не смеет проливать кровь моей семьи, — без малейшего колебания объявляет Лино.

— Выслал тебе на телефон. И там имя новенькой, которую ты завербовать хотел, — говорит Чапо.

Лино чувствует, как напрягается Кастильо в ожидании его реакции.

— Хименес? Чапо кивает.

— Как я и сказал, никто не смеет проливать кровь моего брата, — ерошит волосы довольного его словами младшего Лино.

Бриджит прибывает к казино вместе с подмогой, но находит только трупы. Хочется разбить голову о стену, ведь вместо того, чтобы быть здесь, в центре событий, она проторчала в спа-салоне, из которого полиция без сопротивления вывела мелких наркоторговцев. Как она могла так облажаться? Джи понимает, что она не виновата, откуда ей было знать, что именно в казино будет рыба покрупнее, но легче от этого не становится. Она с болью смотрит на носилки с убитыми, переговаривает с DEA и идёт к стоящему у обочины Руи.

— Главное, ты жив, — хлопает друга по плечу Хименес.

— Я видел его, — смотрит словно сквозь неё Санчес.

— Кого? — хмурится Бриджит.

— Мне кажется, я видел Лино, — наконец-то фокусирует на ней взгляд Руи.

— Ты уверен? Как он выглядел? Кто ещё видел? — сразу возбуждается Джи.

— Он был в маске, — качает головой Санчес, — но во мне сидит уверенность, что это был именно он.

— Не важно — рост, телосложение, хоть цвет волос! Что-то ты ведь можешь передать? — не теряет надежды Хименес. — Хотя с чего ты вообще решил, что это был он?

— Они, как псы, вокруг него носились, я не знаю, я просто почувствовал, что он большая шишка, — пожимает плечами Руи.

— У «Доминион» их несколько, — уже без энтузиазма говорит Джи. — Опять или двойник, или его замы. Сам он трус, на бойню в жизни не выедет, иначе давно бы повязали.

— Наверное, ты права, — вздыхает Руи и плетётся за подругой к фургону скорой помощи.

Никогда не действуй сгоряча — железное правило, которое опробовал своими костями Венсан Лино. Что бы ни произошло, нужно переспать с этим и дать реакцию только на следующее утро, а если время поджимает, то прождать законные четыре часа и только потом думать о том, как ответить. Именно поэтому, как бы Венсана ни распирало изнутри желание вгрызться зубами в глотку каждого, кто участвовал в облаве на казино, где пострадал его брат, он продолжает смотреть на часы.

Первый час — казнить всех, кто был на операции, и их семьи.

Второй час — казнить распорядителей и головы закопать в их дворах. Устроить бойню на улице, снова доказать полиции их ничтожность.

Казнить двух агентов DEA — лейтенанта наркополиции и Бриджит Хименес. Казнить агента DEA, лейтенанта наркополиции.

Жестоко наказать Бриджит Хименес. Не казнить. Не казнить. Не казнить.

Венсан медленно выдыхает дым и, раздавив ботинком сигарету, возвращается в больницу, которую содержит картель. Он идёт по коридору мимо выстроившейся в ряд вооружённой охраны и, толкнув дверь в палату, в которой накладывают повязку на свежий шов на плече брата, ждёт, когда врач закончит работу.

— Многих взяли? — стоит врачу выйти, спрашивает его Кастильо.

— Только трупы, пришлось добить своих же, чтобы не пытали, — опускается на койку рядом Венсан. — Ты ни о чём не думай, главное, что ты в порядке.

— Они стали действовать резко, за последние месяца четыре это уже которая облава. Что происходит, отец? — смотрит на него младший.

— Спонсоры увеличились, — кривит рот Лино. — Но не страшно, мы тоже не голодаем.

— Мы ведь ответим? — щурится Кастильо.

— Обязательно.

— Я серьёзно, я хочу головы всех, кто сегодня стрелял в меня и кто отдал приказ, — твёрдо говорит младший.

— Ты их получишь, — обещает Венсан.

— Всех?

— Я тебе уже сказал, — поднимается на ноги Венсан, прекрасно понимая, куда он клонит, и выходит прочь.

Фелисия, которую после разговора с Яной и выкуренного косяка немного отпустило, возвращается домой к восьми и, поздоровавшись с родителями, закрывается у себя. Она берёт телефон с собой даже в душевую и продолжает ждать звонка. Несмотря на то, что время неминуемо приближается к полуночи, а от Наварро ничего не слышно, девушка надежды не теряет и продолжает реализовывать первый пункт своего плана. Закончив возиться в ванной, она щедро увлажняет свою кожу и начинает сушить волосы. Телефон оповещает о входящем звонке, Фелисия бросается к нему и видит неизвестный номер на экране.

— Это Алисия, Ликси, мне срочно нужна твоя помощь, — слышит девушка, стоит ей поднести трубку к уху. — Я звоню из участка, они говорят, мне грозит штраф и даже условка, пожалуйста, не говори родителям, приезжай сюда, — плачет сестра.

— Чёрт, Алисия, во что ты ввязалась? — сокрушается напуганная девушка и второпях одевается. Фелисия бросает готовящей ужин на кухне матери, что идёт к Яне, и, выбежав наружу, вызывает такси.

Фелисия, которая всю дорогу перебирала в голове возможные проступки Алисии, врывается в участок и, замерев на пороге, пытается сориентироваться. Стоило ей войти, как почти все присутствующие повернулись к ней. Один из задержанных, явно не трезвый мужчина средних лет, тихо присвистывает, пачкая её своим грязным взглядом, за что сразу же получает толчок от полицейского. Последний, к слову, сам продолжает внимательно рассматривать Фелисию и даже не пытается скрыть свой интерес.

— Алисия Лим, где она? — подойдя к стойке регистрации, выпаливает Фелисия и ждёт, пока девушка проверит информацию.

Девушка продолжает лениво листать базу данных, а потом наконец-то кивает в сторону коридора.

— Задержана. Пока здесь, в изоляторе.

— Могу я увидеть её? — с надеждой спрашивает Лис.

— А кто она тебе? — не стесняясь, разглядывает её девушка.

— Сестра. Так могу или нет? — теряет терпение Фелисия.

— Можешь, тебя проводят, — кивает она охраннику у стены, и Фелисия идёт за ним.

— Мы перевели её в комнату для допросов, оформление ещё не закончилось, так что коротко, — открывает перед ней дверь полицейский и, пропустив Фелисию внутрь, сам остаётся на пороге.

Алисия сидит на жёстком металлическом стуле, сгорбившись, будто пытается спрятаться от всего, что происходит вокруг. Всегда бойкая, упрямая, не лезущая в карман за словом девушка сейчас выглядит слабой и напуганной. Фелисия, которая всю жизнь считала себя самым слабым ребёнком Пабло, теперь в этом сомневается, хотя, стоит вспомнить, что она сама проходила через подобное, она её понимает.

— Ликси, ты пришла, — смотрит на неё затравленным взглядом Алисия.

— Что случилось? Почему ты тут? — борется со спазмами в горле девушка, которая именно в этот момент не хочет быть взрослой. Лучше бы пришёл папа и всё решил, потому что Фелисия не знает, что ей делать, как помочь сестре, которая в отчаянии.

— По той же причине, что и ты, — её голос ломается, но она тут же проглатывает панику, заставляя себя говорить быстрее. — Ты должна мне поверить, Ликси. Это были не мои наркотики! Я не знала, что они у меня. Этот урод подсунул их мне, когда началась облава!

— Кто? — шокированно смотрит на неё младшая.

— Альваро, — всхлипывает Алисия. — Ублюдок.

— Ты им рассказала? — кивает в сторону полицейского Фелисия.

— Они не верят, никто не верит, ведь их нашли в моей сумке, — кусает губы девушка. — Прошу тебя, вытащи меня отсюда. Я не могу здесь оставаться. Я не выдержу.

— Я позвоню папе, он...

— Нет, — подаётся вперёд девушка, заставив полицейского напрячься. — Поэтому я позвонила именно тебе. Не говори ему, Ликси, они не должны знать.

— Но у меня нет столько денег, чтобы оплатить штраф, и адвоката я найти не могу...

— Ты не понимаешь, если они узнают, они меня не простят, — слёзы застывают на ресницах Алисии. — Тебя ведь так и не простили. Ты хочешь мне такой же жизни? Отец разочаруется во мне, но хуже всего, что я снова верну их в прошлое с тобой, от которого они всё пытаются убежать. Пожалуйста, помоги мне без них.

— Я бессильна, я не понимаю тебя, — растерянно смотрит на неё Фелисия.

— Один звонок, Ликси, — пристально смотрит на неё Алисия. — Тебе нужно сделать один звонок, и считай, что этого вечера не было.

Теперь Фелисия уже понимает, о чём она, точнее, о ком именно, и еле давит своё возмущение. Алисия, возможно, и правда в отчаянии, раз позволила себе попросить её о таком, но, даже если сестру она оправдать может, она не представляет, как позвонит Наварро за такой услугой. Наварро её пошлёт и будет прав, ведь у них не тот уровень отношений, более того, Фелисия сегодня повела себя с ним ужасно. Он не просто её пошлёт, он ещё повторит ей свои слова и явно заставит сильно пожалеть о звонке. Нет, Алисия не может заставить её сделать это. Фелисия не готова слушать очередное холодное «ты ведёшь себя как ребёнок», или, что ещё хуже, «с чего ты взяла, что можешь беспокоить меня по такому вопросу». Она уверена, что именно так ей Наварро и ответит. Если вообще ответит, учитывая, как он и до ссоры игнорировал её звонки и сообщения.

— Алисия, пожалуйста, я сама поговорю с отцом, Наварро не поможет, — шёпотом говорит девушка. — Я успокою отца, мы вытащим тебя...

— Уходи, — опускает глаза старшая. — Раз помочь ты мне не хочешь, то и от отца мне помощь не нужна, иначе я бы сразу позвонила ему.

— Почему ты такая упёртая? — восклицает Фелисия.

— Почему его мнение о тебе важнее меня? — с обидой спрашивает девушка. — Думаешь, я не знаю, что прямо сейчас творится в твоей голове? Ты боишься показать слабость, боишься попросить его, ведь Ликси у нас гордая и независимая, она всех мужиков за яйца держит, за помощью сама не обращается. И плевать, что твоя сестра получит срок и станет изгоем в семье.

— Ты несправедлива ко мне, но я не обижаюсь, я знаю, как тут страшно, — слабо улыбается девушка и идёт к полицейскому.

— Ты позвонишь? — кричит ей в спину сестра, но она не отвечает.

Фелисия выходит наружу, глубже вдыхает прохладный вечерний воздух и достаёт телефон. Если она и так уже потеряла Наварро из-за глупой обиды на его игнор, что мешает ей заколотить гроб их и так не состоявшихся отношений ещё и просьбой за Алисию? Наварро всё равно не возьмёт трубку, а Фелисия успокоит свою совесть, что не отказалась помочь сестре из-за гордости. Нажать на кнопку она не торопится, долго смотрит на открытый контакт, ещё раз всё обдумывает и подносит телефон к уху.

Первый гудок. Второй гудок.

— Повешу после четвёртого, он точно не возьмёт, — разбито улыбается девушка. Третий гудок.

Четвёртый гудок.

— Ладно, я пыталась, — опускает телефон Фелисия, подносит палец к красной кнопке и слышит из динамика голос:

— Слушаю.

— Привет, пожалуйста, ничего лишнего не говори, только «да» или «нет», — поднеся трубку к уху, выпаливает Фелисия.

— В чём дело? — в голосе мужчины чувствуется беспокойство.

— Со мной всё хорошо, но моя сестра попала в беду, я знаю, что не должна беспокоить тебя, но...

— Куда приехать?

Два слова, сказанных чётко, без колебаний, и Фелисия забывает, из-за чего они поссорились. Что бы ни случилось, если Фелисии это важно, он просто приедет. В этот момент мир вокруг девушки внезапно кажется самым безопасным местом, и она впервые в жизни не чувствует себя одинокой.

— В участок, район Гетсемани.

— Ты на улице? Зайди внутрь, жди и ни о чём не беспокойся.

— Хорошо, — облизывает солёные губы девушка, с плеч которой словно сошёл груз.

Фелисия наливает себе воды из кулера и, опустившись на скамью в приёмной, нервно поглядывает на двери. Спустя минут двадцать в них входит Кристофер и, кивнув девушке, идёт сразу к кабинету лейтенанта. Спустя ещё десять минут Алисию выводят в приёмную, и девушка, бросившись к младшей, обнимает её.

— Спасибо, мелкая, я теперь тебе должна, — размазывает тушь по лицу девушка и идёт с сестрой к выходу.

— Просто не попадайся больше, — слабо улыбается младшая, а сама всё поглядывает назад, надеясь увидеть Кристофера.

На улице, прямо рядом с входом вместо уже привычного роллса-ройса стоит чёрный гелендваген. Наварро не приехал, и Фелисия сомневается, что он в автомобиле, учитывая, что рисковать своим именем и светиться в участке он бы не стал, но девушка всё равно благодарна ему за помощь и надеется, что ей удастся выразить эту благодарность лично. Алисия вызывает такси, а Фелисия, наконец-то заметив выходящего наружу Кристофера, бежит к нему, чтобы поблагодарить.

— Он хочет с тобой поужинать, — не даёт ей открыть рот Кристофер.

— Сейчас? — удивлённо смотрит на него девушка и, получив кивок, возвращается к сестре.

— Услуга за услугу, — взяв её за руку, говорит Фелисия. — Езжай без меня и убеди родителей, что я у Яны тусуюсь, буду поздно.

— Что ты собралась делать? — напрягается Алисия.

— Ты правда будешь задавать мне вопросы? — хмурится Фелисия.

— Ладно, я тебе должна и сделаю, но будь осторожна, — снова обнимает её Алисия и садится в подъехавшее такси.

Кристофер открывает для Фелисии дверцу гелендвагена, и девушка взбирается на сиденье рядом с водителем.

— Ты теперь мой шофёр? — с издёвкой спрашивает она у устроившегося за рулём Кристофера.

— Я его шофёр, а ты моя работа, — парирует мужчина и заводит автомобиль.

— Спасибо, что приехал, хотя ты скажешь, что выполняешь приказы, — опустив солнцезащитный козырёк, проверяет волосы в зеркале Фелисия. Убедившись, что выглядит совсем не плохо, Лис возвращает внимание к дороге.

— Ужин подан.

— Не поняла, — поворачивается к мужчине девушка.

— Ты — ужин, и только что ты прихорашивалась перед подачей, что непонятно? — кривит губы Кристофер.

— Ты ревнуешь его ко мне? — щурится Фелисия.

— Нет, удивляюсь твоей глупости, — цокает языком Кристофер.

Больше Фелисия ничего ему не говорит, откидывается на сиденье и пару раз ловит взгляд Кристофера на себе.

Гелендваген заезжает на подземную парковку отеля и паркуется рядом с роллс-ройсом. Фелисия молча следует за Кристофером к лифту и, как и всегда перед встречей с Наварро, еле справляется с предвкушением. Дверцы лифта расходятся на двадцать третьем этаже, на котором находится ресторан с видом на всю Картахену. Фелисия, которая уже решила, что её ведут в номер, выдыхает. Она не против перевести их отношения на новый уровень, сама к этому готовилась, но то, что Наварро мог бы так вульгарно пригласить её для этого в отель, беспокоило её весь путь вверх.

В ресторане один клиент — Наварро, и он уже на месте. Мужчина сидит за лучшим столиком у окна и смотрит на вечерний город, озарённый мягкими огнями. Его блуждающий по окнам взгляд останавливается на Фелисии, и девушка рада, что он впечатлён.

— Я польщён, что ты приняла моё приглашение, — поднимается на ноги Наварро и опускается в кресло, только когда Фелисия садится.

Кристофер исчезает в глубине зала, а Фелисия любителю тем, кто занимал её мысли весь этот день, и тщательно выбирает слова.

— Спасибо за то, что ты не отказал, что...

— Я тебя остановлю, — усмехается мужчина. — Запомни с первого раза, и мы больше к этому возвращаться не будем. Мы с тобой в отношениях, а в них само собой разумеется, что я помогу. Всегда. Что бы ни случилось, ты скажешь мне, и я это решу. Договорились?

Фелисия, которая в его словах нашла ответы на все мучающие её вопросы разом, не может скрыть искрящуюся улыбку.

— Но благодарить всё равно надо, так принято, — продолжает улыбаться девушка.

— Благодарить своего мужчину за то, что он обязан делать по умолчанию — не надо. Пожалуйста, — тоном, не допускающим возражений, настаивает Наварро, и Фелисия кивает.

— Я мешкала, боялась звонить, потому что после нашей ссоры я думала, что ты не ответишь, — честно говорит ему девушка. — Ты не выбирал выражений, а я вспылила, — очень хочется решить и этот вопрос, снять с души груз.

— Мы будем ещё ссориться, это нормально, — усмехается Гильермо. — Но ни одна наша ссора, даже самая крупная, не будет оправданием для того, чтобы я не был рядом, когда тебе нужна помощь.

— И сам при этом не приехал, — не сдержавшись, фыркает Фелисия.

— Не хотел подвергать тебя лишнему вниманию, а не потому, что моё время — драгоценный актив, — произносит мужчина. — Это так, но тебя не касается.

— Ты не отвечаешь на мои сообщения. Хочу, чтобы ты знал, больше я их тебе писать не буду, — парирует Фелисия.

— Туше, — поднимает стакан с коньяком Наварро и подносит к губам. — Сегодня нас ждёт нечто особенное, поэтому не ищи меню.

— Ты меня не на ужин пригласил?

— Этот ресторан готовит исключительно по запросу, — говорит Наварро. — Сегодняшний вечер будет игрой. Шеф приготовит блюда, а твоя задача — угадать ингредиенты. Если угадаешь, будет награда. Если нет... — он чуть наклоняется вперёд, и его улыбка становится опасной. — Я поужинаю тобой.

— Мои рецепторы готовы, — ухмыляется Фелисия и тянется за бокалом, который наполняет для неё официант.

— Не притупляй вкус, — не даёт ей донести его до губ Наварро и кивает кому-то позади. Фелисия вздрагивает от неожиданности, когда подошедший сзади официант завязывает её глаза шёлковой ленточкой, и пару секунд даже испытывает панику.

— Я помогу тебе с блюдами, ты будешь их пробовать и угадывать ингредиенты.

Фелисия чувствует ладонь Гильермо, коснувшуюся её руки, и, успокоившись, кивает.

Первое блюдо подают сразу — изысканное карпаччо из тунца, украшенное тонкими лепестками фиалок и капелькой соуса. Наварро помогает Фелисии поднести вилку к губам и терпеливо ждёт, пока девушка жуёт рыбу.

Вкус, одновременно освежающий и пряный, с едва уловимой горчинкой. Фелисия не видит, как жадно мужчина впился взглядом в её губы, продолжает пробовать закуску и думать.

— Тунец, — неуверенно говорит Фелисия.

— Верно, а соус? — спрашивает Наварро.

— Лимон... и, кажется, имбирь?

— Близо, но нет. Это юзу и немного перечной мяты. Но для первого раза я засчитаю, — отодвигает свой стул Наварро, а Фелисия всё порывается снять повязку. Странно, она находится в полной безопасности, учитывая, что напротив неё сидит тот, кому она теперь безусловно доверяет, но в то же время невозможность открыть глаза заставляет её чувствовать себя уязвимой, и ей некомфортно.

— Мы облегчим тебе задание, сними повязку и иди ко мне, — словно читает её мысли Наварро.

— Без неё буду пробовать? — поднимается на ноги Фелисия, всё ещё не до конца понимая, куда ведёт мужчина. Стоит ей подойти к Наварро, как тот, обхватив её за талию, широко раздвигает свои колени и усаживает девушку на свои бёдра.

— Повязка останется, — Наварро забирает ленту из её рук и сам аккуратно завязывает ей глаза. Фелисия чувствует его обжигающее дыхание на лице, вызывающую трепет близость и старается не показывать своё волнение.

В его объятиях страха закрытых глаз совсем нет. Следующее блюдо уже посложнее — нежнейшее филе баранины с таинственным соусом из ягод. Фелисия открывает рот, а Наварро медлит, прежде чем поднести вилку к её манящим губам.

— Мясо с вином, — прожёвывает баранину Фелисия.

— Так не пойдёт, — улыбается Наварро.

— Давай ещё кусочек, я не распробовала.

Это не помогает, потому что Фелисии всё равно не удаётся угадать блюдо. Этому ещё мешает покоящаяся на её талии широкая ладонь, которая то ползёт выше, к лопаткам, то спускается прямо к пояснице. Фелисии кажется, что прикосновения Наварро обжигают её даже через футболку.

— Последнее, — Гильермо подносит к её губам ложечку ванильного крема с корочкой карамели, но Фелисия подаётся вперёд и пачкает губы в креме. Наварро не тянется за салфеткой и вытирает с её губ крем пальцем. Фелисия чувствует, что он не торопится убрать свой палец, сдаётся инстинктам и, обхватив его губами, слизывает с него крем.

— Засчитаешь за выигрыш? — совсем невинно спрашивает девушка.

— Нет, никаких поблажек, — снимает с неё повязку Наварро и, не дав девушке возмутиться, впивается в её губы. Он целует её с напором, отключив все свои контрольные меха-

низмы, которые до этого чётко работали даже рядом с его одержимостью. Фелисия еле успевает за его языком, ёрзает на нём из-за собственного и чужого возбуждения, которое отчётливо чувствует под собой, и понимает, что так пошло её ещё никогда не целовали. Более того, она никогда не думала, что можно быть на пике только из-за того, как искусно её целуют. Хотя и поцелуем то, что делает Наварро, назвать сложно. Он заставляет её задыхаться, сминает её губы и, погасив дикое желание впитаться в них зубами, выбирает провести по ним языком.

Фелисия, поняв, что ещё немного, и она промокнет насквозь, с трудом отстраняется. Её взгляд скользит к бокалу с вином, бегаёт по столу, чтобы хоть как-то собраться. Наварро больше за поцелуем не тянется, продолжает удерживать её на себе и изучает каждую эмоцию, мелькающую на лице Фелисии.

— Я, наверное, красная, — подносит к губам ладонь Фелисия, будто так сможет остудить их жар.

— Вкуснее тебя я ничего не пробовал, — утыкается носом в её висок мужчина, а его ладонь ложится на ногу, чуть выше колена. Фелисия млеет от его прикосновений не меньше, чем от слов, сама ластится, играет с пуговицами на его рубашке.

— Не хочу везти тебя домой, — его губы теперь на щеке, спускаются ниже, касаются уголка губ Фелисии.

— Так не вези, нам же необязательно прощаться до утра, — Фелисия сама его целует, обвивает руками шею и видит, как на дне тёмных глаз зажигаются огни.

— А твои родители? — отстранившись, внимательно смотрит на неё Наварро.

— Алисия мне должна, я напишу ей, она всё решит, — без тени сомнений объявляет Фелисия, и волна возбуждения проносится по всему телу девушки из-за хищного оскала мужчины.

Наварро снимает её с себя, а потом, поднявшись на ноги, берёт за руку и ведёт к лифту. Фелисия, которой уже плевать на все правила приличия из-за собственного желания, думала, что они спустятся в номер, и удивляется, что дверцы расходятся на парковке. Девушка никак это не комментирует и, устроившись в роллс-ройсе рядом с Наварро, предвкушает незабываемую ночь.

Спустя почти час в пути, за который Фелисия никак не успокаивается, хотя Наварро к ней больше не прикасается, автомобиль наконец-то заворачивает на просёлочную дорогу и останавливается перед высокими чёрными воротами.

— Я не думала, что ты живёшь за городом, — поворачивается к мужчине Фелисия.

— Я люблю покой.

Ворота медленно открываются, и первое, что замечает девушка — это шестеро облачённых в военную форму вооружённых людей. Фелисия решает не удивляться, учитывая богатство Наварро и его политическую деятельность.

Автомобиль неспешно въезжает на территорию, и Фелисия понимает, что это не просто поместье, а целый город, принадлежащий одному человеку. Перед глазами девушки простираются идеально ухоженные лужайки, зелень которых под светом многочисленных фонарей кажется нереальной. Она, не скрывая восторга, любитесь аллеями с величественными пальмами, замечает несколько прудов с изящными фонтанами. Автомобиль проезжает мимо площадки для гольфа, ещё дальше видно озеро, гладь которого такая же чёрная, как и небо.

— Это всё твоё? — выдыхает Фелисия, не в силах поверить в масштаб увиденного. — Тебе не грустно быть одиноким королём?

— Уже нет, — улыбается ей мужчина, и Фелисии кажется, что вздущийся в ней шар радости вот-вот лопнет. Мало того, что он привёз её к себе домой, что уже можно рассматривать как нечто большее, чем интрижка на одну ночь, так он ещё и намекает, что у короля в этом поместье может теперь появиться королева.

Наконец-то они доезжают до особняка, который напоминает Фелисии дворцы из журналов элитной недвижимости, так сильно любимых мамой. Фасад дома отделан белым мрамором, а по обеим сторонам лестницы стоят статуи львов, чьи глаза будто бы следят за каждым движением во дворе.

Автомобиль останавливается, Фелисия, стараясь скрыть своё ошеломление, поднимает голову и замечает, что в верхней части дома виднеется терраса, откуда открывается вид на всю территорию.

— Если бы это всё было моим, я бы никуда не уезжала, так бы и торчала тут безвылазно, — вырывается из Фелисии прежде, чем она успевает сдержать свои мысли.

— Мы проверим твои слова, — усмехается Наварро и протягивает ей руку.

Они проходят в просторную гостиную, которая больше похожа на зал музея современного искусства, чем на жилую комнату. Первое, что бросается в глаза Фелисии — это огромные окна во всю стену. Шторы отсутствуют, словно Наварро этим подчёркивает, что ему нечего скрывать.

В центре комнаты стоит белоснежный угловой диван с идеальной обивкой из мягкой кожи, вокруг которого расположились низкие столики из стекла и хромированного металла. На стенах висят картины современных художников, и Фелисия, которая уже забыла об истинной цели своего визита, хочет уделить этому дому ближайшие часы и всё детально изучить. Наварро сразу направляется к встроенному бару, который спрятан за стеклянной панелью с автоматическим открытием. Он снимает с полки бутылку из толстого стекла и наливает в хрустальные бокалы напитков глубокого янтарного цвета.

Вернувшись к дивану, Наварро протягивает бокал Фелисии, которая еле удерживает на месте свою маску равнодушия. Как бы Фелисию ни впечатляла роскошь вокруг неё, ей не хочется быть в глазах мужчины той, кто от всего этого далёк. Да, уровень дохода её семьи и рядом не стоит с доходом Наварро, но это не значит, что девушка будет показывать ему, как она впечатлена его богатством. Взгляд Фелисии так и блуждает по комнате — от окон до камина, от барной стойки до изящных деталей декора. Это место вопит о богатстве своего хозяина, но при этом всё здесь сделано так тонко и со вкусом, что и придаться не к чему.

— В каждой детали есть ты, это удивительно, — сбросив наваждение, обращается к мужчине Фелисия.

— Что удивительного? — садится рядом Наварро. — Я строил этот дом для себя.

— Я привыкла к шуму дороги, а тут абсолютная тишина, ощущение, что мы на острове.

— Я люблю тишину, но не всегда получается приезжать сюда, чаще я провожу время в своей квартире в центре, — говорит Наварро.

— Но захотелось показать мне, как ты богат? — издаёт смешок Фелисия.

— Интересно мыслишь, — усмехается Наварро. — Нет, рано утром у меня здесь встреча. И, чтобы тебе одной не оставаться в квартире, ты будешь сладко спать под моим присмотром, а я сделаю дела.

— Думаешь, я буду здесь спать? — выгибает бровь тающая от его слов Фелисия.

— Думаю, да, но не в ближайшие часы, — приближается Наварро и, забрав у неё бокал, ставит его на столик. — Как же долго я этого ждал, — обхватывает пальцами её подбородок мужчина, любуется её веснушками.

— Пару недель? — хрипло спрашивает очарованная его глубоким взглядом Фелисия.

— Мне казалось, вечность, — Наварро протягивает руку и, сняв резинку с её волос, задерживает дыхание. — Как же ты красива, мой солнечный зайчик, — пропускает сквозь пальцы прядь её волос мужчина, а потом, нагнувшись, накрывает её губы своими. В этот раз он целует её слишком нежно, словно это не тот же мужчина, который чуть ли не сожрал её в ресторане.

— Я столько всего хочу с тобой сделать, но мне приходится сдерживаться, — прислоняется лбом к её лбу Наварро, даёт девушке передышку.

— Не сдерживайся, — цепляется пальцами за его рубашку Фелисия, сама тянет его на себя.

— Ты не готова.

— Я готова, — без тени сомнения объявляет Фелисия.

— Выглядишь, как сама невинность, но желания твои греховны, — давит большим пальцем на её губы Наварро, поглаживает скулы, будто не верит, что прикасается к ней. Так и есть, ведь девочка, ради которой он уже нарушил столько правил, наконец-то в его особняке, полностью в его власти, и, более того, сама предлагает ему себя.

— Я быстро учусь, — Фелисия льнёт ближе. — Не поступай так, как в ресторане, не сдерживайся и перестань обижать меня, думая, что я глупый ребёнок. Позволь тебе доказать, что, если ты скажешь, чего ты хочешь, я смогу тебе это дать.

Фелисия верит, что Наварро с ней осторожничает, где-то боится задеть её чувства, и её это злит больше, чем собственная неконтролируемая тяга к нему. Хочется доказать ему, что она взрослая, что она и до него многое видала, и заставить его перестать носиться с ней, как с фарфоровой куклой.

— Я хочу тебя.

Три слова, и в глазах Наварро зажигается триумф. Черты лица мужчины заостряются, взгляд тоже становится острым, Фелисии на мгновение кажется, что именно так охотник смотрит на загнанную им же в ловушку жертву. В этот раз Фелисию это не пугает, она сама выбирает стать его жертвой.

— Просите, и дано будет вам, — усмехается Наварро в её губы и, переплетая их языки, вжимает девушку в себя. Каждое движение Наварро уверенное, пропитанное властью, от которой Фелисию ведёт не меньше, чем от самого мужчины. Сама Фелисия же — полная противоположность Наварро. Она тонкая, хрупкая, словно созданная из тончайшего фарфора. У неё узкие плечи, запястья, которые можно оба разом обхватить одной ладонью, пальцы изящные, а ключицы чётко прорисовываются под тонкой кожей. Кажется, стоит дотронуться чуть сильнее, и она треснет. Наварро этот контраст только возбуждает, ведь эта девочка, сплошь состоящая из хрупкости и утончённости, прячет в себе сталь, блеск которой от него не скрылся.

Внезапно он отрывает Фелисию от дивана, но поцелуй не прерывает, продолжает грубо иметь её рот своим языком. Фелисия теряется между эмоциями, хаотично цепляется за него и, снова почувствовав под ногами пол, наконец-то отстраняется. Наварро разворачивает её лицом к большому зеркалу, занимающему стену рядом с баром, а сам останавливается за ней. Его лицо не выражает эмоций, но Фелисия даже представить не может, какая война бушует внутри мужчины, который уже похвалил себя за терпение, не трахнув её прямо на столе в ресторане. Из зеркала на Наварро смотрит его ангел, облизывает свои истерзанные после грубого поцелуя губы, ждёт приказа. Её взгляд — это микс из невинности и упрямой решимости, но главное, что в ней всё ещё проскальзывает уязвимость. Наварро на неё сперва и попался, но не с желанием очернить эту святую белизну, а с желанием пролить свет на мглу, являющуюся частью его самого. Сейчас она полностью в его власти, а силы мужчины, удерживающие от разрушения последние барьеры, на пределе.

— Ты уверена? — голос Наварро низкий, напоминает рычание.

— Да, — отчаянно, почти умоляюще выпаливает девушка.

Наварро нагибается к ней, Фелисия напрягается, её плечи приподнимаются, а под кожей проступает дрожь. Он касается пальцами её шеи, тело девушки реагирует мгновенно и спустя мгновение отстранения уже следует за его рукой.

— Смотри на себя, — приказывает Наварро, его пальцы скользят вниз, вдоль позвоночника девушки. Он опускается ниже, легонько проводит по её ягодицам, Фелисия делает глубо-

кий вдох, такой же судорожный, как у загнанного зверя. Всё так и есть, но охотник не добивает, он всё распяляет, манит в ловушку, которая захлопнется навсегда.

— Ты даже не понимаешь, что делаешь со мной, — руки мужчины сильно сжимаются вокруг её талии, Фелисия встречается с его взглядом в зеркале, и ей кажется, что и так тёмные глаза Наварро почернели.

— Не останавливайся, — вопреки подступающему страху перед неизвестностью, просит Фелисия.

— Не собираюсь, — усмехается Наварро. — Разденься, — делает шаг назад, смущает и удивляет этим девушку, которая думала, что её разденут. Но лучше подчиниться, ведь до этой секунды всё, что он с ней делал, вызывало в ней только трепет. Фелисия сперва несмело тянется к нижнему краю футболки, а потом, опустив глаза, чтобы не выдавать смущение, снимает её. Следом она переходит к джинсам и, когда остаётся в одном белье, ждёт дальнейших указаний. Наварро сканирует её своими пронзительными глазами и чуть вздёргивает бровь.

— Ты всегда носишь такое роскошное бельё?

Фелисия стоит перед ним в тончайшем кружеве, в эту самую секунду вплетающем в себя нити его пристального взгляда. Такое явно надевают, чтобы кому-то продемонстрировать.

— Мы не должны были сегодня встретиться.

— Я ждала, что мы встретимся, и подготовила себя. Для тебя, — опускает глаза смущённая озвученным девушка.

Во взгляде Гильермо вспыхивает пламя, когда он понимает, что это манящее кружево предназначено для него.

— Сними его, — приказывает он.

Фелисия, подавив смущение, ведь она не думала, что её вот так вот выставят напоказ, притом перед зеркалом, всё равно покорно стягивает с себя бельё, и, переступив через него, не знает, куда деть руки. Что-то ей подсказывает, что если она прикроется, то Наварро это не понравится, а разрушать только установившееся между ними доверие, где ей наконец-то дадут попробовать желанное, не хочется. Наварро легонько толкает её в спину, заставляя приблизиться к зеркалу, а сам любитесь стройной девушкой.

— Ты боишься, — шепчет Гильермо, поглаживая её плоский живот. — Это правильно. Ты должна бояться.

Его ладони продолжают исследовать её тело, скользят от талии к бёдрам, к животу, и каждое движение Фелисия не просто чувствует, она наблюдает за ними через зеркало, и ей кажется, что там, где проходит рука Наварро, и правда будет вырезана его печать.

— Я никогда не причиню тебе вреда, — голос Наварро смягчается, будто он видит, как сомнения просачиваются в голову девушки. — Ты моя, Белла, а о своём я забочусь.

Фелисия прикрывает веки, позволяет каждому слову отпечататься в её сознании.

Наварро явно нравится её реакция, он без лишних слов берёт её за руку и ведёт за собой к мраморной лестнице на второй этаж. Фелисия продолжает оглядываться на так и оставшуюся на полу одежду и, подбадривая себя, покорно следует за мужчиной. Просторная, минималистичная, но невероятно роскошная спальня на мгновение заставляет Фелисию забыть, зачем именно она здесь. Своей строгостью и уравновешенностью она полностью соответствует хозяину, но восторг девушки вызывает одна из стен, она полностью стеклянная, и за ней видны сад и бассейн. Стоит Фелисии перевести внимание на кровать, она робеет. Именно на ней она скоро и окажется. Освещение в комнате мягкое, исходит только из потолочных линий и встроенных панелей, и это уже хорошо, ведь, чтобы привыкнуть к тому, как откровенно разглядывает её обнажённое тело Наварро, ей понадобится время. Гильермо ведёт её прямо к кровати и, заставив её усесться на неё, сам подходит к тумбе рядом и достаёт оттуда презервативы.

— Я не занимаюсь незащищённым сексом. Даже если уверен в здоровье партнёра, — спокойно говорит вернувшийся к девушке мужчина. — В твоём здоровье я уверен, и я не хочу делать это с тобой без защиты, чтобы не возникло и шанса тебе навредить.

Фелисия, которую ужасно смущает даже разговор об этом, просто кивает.

Наварро, кивнув, расстёгивает свою рубашку, а Фелисия глаз с него не сводит, шумно сглатывает, когда мужчина обнажает своё поджарое мускулистое тело. В офисе часто спорили, есть ли у Наварро татуировки, но Фелисия теперь может точно ответить, что их нет, а также подтвердить, что тело у этого мужчины, как у греческого бога. Так и хочется поддаться порыву, прикоснуться к его бицепсам, провести ладонью по рельефному животу, но она прибавляет себя к месту, продолжает наблюдать за тем, как мужчина раздевается. Когда Наварро остаётся абсолютно обнажённым перед ней, взгляд девушки скользит по тонкой линии волос на животе ниже. Его член даже в состоянии покоя выглядит внушительным, и Фелисия чувствует волну восхищения, ведь природа не скупилась и наградила Наварро не просто роскошным лицом, но и телом.

— Не стесняйся, скоро ты с ним познакомишься куда ближе и глубже, — Наварро легонько толкает её в плечо, заставляя лечь на лопатки, и спустя пару минут комнату наполняет тяжёлое дыхание двух переплетённых на кровати тел.

— Не двигайся, — голос Наварро звучит тихо, но в нём железные нотки, которые не позволяют слушаться. Будто бы Фелисия может, она лежит, распластавшись перед ним, и разрывается от разных эмоций.

— Назад дороги нет, ты уничтожила её, раздвинув колени, — его руки крепко удерживают Фелисию, а пальцы глубоко врезаются в бёдра, оставляя метки собственности. Он двигается грубо, но каждый рывок, каждое давление на кожу настолько точное, что Фелисия задыхается от удовольствия. Она впивается ногтями в простыни, как будто это может спасти её от волны экстаза, но Наварро не оставляет ей ни шанса на контроль.

— Смотри на меня, — приказывает Гильермо, взяв её за подбородок, вынуждая встретиться с его взглядом. — Ты принадлежишь мне. Я хочу, чтобы ты этого никогда не забывала. Никаких контрактов и соглашений, всё устно, но выполняется так же железно, как будто подписано кровью.

— О чём ты? — в глазах Фелисии проскальзывает замешательство, почти страх, но оно тонет в восторге, когда Наварро входит в неё и при этом продолжает сканировать взглядом её лицо. Он словно жрёт не только её тело, но и забирает каждую её эмоцию. Губы Наварро скользят по её горлу, оставляя влажный след, который тут же ошпаривает кожу, как кипяток. Фелисия дёргается, но зубы Наварро смыкаются на мочке уха, словно предупреждая, что ей не стоит перехватывать контроль. Фелисия всё равно пытается тоже управлять, приподнимается на локтях, расслабляет бёдра, но все её попытки моментально пресекают.

— Я не позволю тебе думать. Я не позволю тебе решать. Всё, что ты должна делать — это подчиняться и чувствовать, — он снова толкается, заставляя девушку, выгнувшись, скулить, пытаться оттолкнуть его за плечи, но Наварро сжимает её запястья, прижав их к кровати, и лишает любой возможности движения. Фелисия больше не сопротивляется удовольствию, поворачивает голову и смотрит на чёрное стекло, в котором отражается размытое изображение двух обнажённых тел. Наварро склоняется над ней, словно ревнуя к отражению, его тёмные мокрые волосы падают на лицо, глаза горят как угли, и Фелисия окончательно принимает, что их одержимость взаимна.

Наварро смотрит на неё так всегда. Даже когда она не была голой под ним, даже когда она сталкивалась с тогда ещё просто боссом в лифте, в его глазах уже проскальзывала эта не виданная ни от кого жажда, одна мысль о которой уже сворачивает внутренности Фелисии в узлы. Ей нравится это чувство, чужая настолько грязная одержимость собой, ведь это впервые, когда её собственная ей не уступает. Движения Наварро медленные, но целенаправленные, словно

он хочет, чтобы Фелисия прочувствовала каждую секунду, каждую грань своей уязвимости. Фелисия продолжает смотреть в стекло, отражением пытается доказать себе, что это именно она в его руках, он вдавливая её в постель и он так глубоко в ней.

— Ты видишь себя? — спрашивает Наварро. Его рука скользит вдоль талии девушки и, вцепившись в неё, насаживает её на себя до упора, заставив Фелисию издать полузадушенный стон. Как же она красива, что затмевала и затмевает собой всех, как же желанна, что Наварро, даже обладая ею в эту секунду, чувствует, что ему мало. Если бы Фелисия хотя бы подозревала, насколько Наварро ею болен, испугалась бы.

Фелисия возвращает взгляд к нему, раскрывает губы в немом крике, когда очередной толчок превращает в месиво её внутренности, и, закатив глаза, снова падает лопатками на постель. Всё, на что её хватает — это наблюдать за тем, как Наварро полностью поглощает её тело, мысли он забрал уже давно. И внезапно в Фелисии просыпается стыд, что ей это всё безумно нравится.

Интересно, что бы подумала её набожная мать, узнав, что она не просто позволила, она сама предложила себя тому, от кого мама так отчаянно пыталась её оберегать.

— Я сказал, смотри, — голос Наварро снова жёсткий, и он сам поворачивает голову девушки к стеклу. Отражение уровень стыда только повышает, ведь на нём, несмотря на размытость, всё равно хорошо видны растрёпанные волосы Фелисии, покрасневшие щёки, плавающий взгляд, будто она не в себе. — Я хочу, чтобы ты видела, как ты отдаёшься мне, — опалает дыханием её щеку Наварро.

— Ты даже не борешься, потому что ты сама хочешь этого.

— Нет... — едва слышный протест срывается с губ Фелисии, но и в этом слове нет настоящего сопротивления. Ведь Наварро прав, Фелисии нравится то, как он берёт её, как заставляет полахать не только её тело, но и её мозг, объявивший полную капитуляцию.

Фелисия, которая снова пытается что-то сказать, вместо слов слышит собственный судорожный стон. Её тело больше не подчиняется ей. Оно реагирует только на Наварро, выгибается навстречу и жадно принимает то, что он ей даёт.

— Ты не представляешь, как красиво ты сейчас выглядишь, — голос Наварро теперь ласковый, но в нём всё ещё звучит твёрдость. Его рука скользит к горлу девушки, он чуть сжимает пальцы, но без боли, словно чтобы дать Фелисии почувствовать его власть. Это был последний штрих этой ночи, потому что Фелисия содрогается, её тело вытягивается в струнку и следом сразу обмякает. Туман перед глазами после ошеломительного оргазма быстро выбивается продолжающим её трахать Наварро, и Фелисия уже твёрдо знает, что никому другому она бы не позволила сделать с собой нечто подобное. Её пронизывает иглами удовольствия, когда она чувствует, как член внутри неё пульсирует, а движения вжавшего её в кровать мужчины замедляются. Она продолжает двигать тазом до самого конца, и, только обняв прижавшего её к кровати мужчину, наконец-то расслабляется. Гильермо, в отличие от неё, расслабления не чувствует. Желание, которое он сдерживал весь этот вечер, не угасает. Оно разрывает его изнутри, как зверь, который увидел добычу, но его удержали на цепи.

— Тебе нужно в ванную, — отпустив её, присаживается на кровати Наварро. — Идём, я помогу тебе помыться.

— Ладно, — нехотя говорит Фелисия, которая думала, что они ещё немного полежат в объятиях друг друга, как в романтических фильмах, но, как всегда, столкнулась с холодной рассудительностью Наварро. Она поднимается на ноги, морщится от неприятной прохлады, липнувшей к взмокшей коже, и думает, что всё же Наварро прав.

— Я сама справлюсь, — смущённо пытается закрыть перед ним дверь Фелисия, но Наварро, усмехнувшись, легонько толкает её в сторону душа и, включив воду, разворачивает спиной к себе. Как хорошо, что он не видит полыхающее огнём лицо девушки, которая, прикусив губу, стойко терпит, пока мужчина пальцами и водой очищает Фелисию от её же смазки.

Спустя минут пятнадцать, Фелисия, обессиленная, засыпает, прижавшись к его боку, а Наварро наблюдает за ней. На лице девушки отражается полное спокойствие, губы так и замерли в лёгкой улыбке удовлетворения, которое она чувствует рядом с ним. Только Наварро ничего этого не чувствует.

Он чувствует пустоту.

Наварро зачёсывает пальцами назад свои волосы и, выдохнув, прикрывает веки. Картины совсем недавнего прошлого хаотично вспыхивают перед ним — каждый момент, когда он сдерживал себя, когда специально ослаблял хватку, замедлял движения, отказывался от того, чтобы дать волю своему настоящему желанию.

Он привык к другой страсти, к тому, чтобы полностью поглощать, не оставлять ничего, чтобы каждый стон был почти криком, чтобы тело под ним содрогалось не только от удовольствия, но и от боли, вплетённой в экстаз.

С Фелисией он не смог себе этого позволить. Не сейчас. Каждый раз, когда его пальцы чуть сильнее сжимались, когда его движения становились резкими, он заставлял себя замедлиться. Фелисия слишком хрупкая, слишком нежная. Он боится разрушить это, даже если сама Фелисия умоляет её не падить.

— Быть так близко к тому, что тебе нужно, и в то же время не иметь возможности взять это. Ничего, моя девочка, я подведу тебя к обрыву, а спрыгнешь ты сама, — напряжение снова нарастает в его теле, а губы дёргаются в горькой усмешке.

Наварро осторожно, чтобы не побеспокоить спящую девушку, выбирается из постели и, подойдя к окну, всматривается в темноту. Вопреки физической и эмоциональной неудовлетворённости, заполняющей его, в глубине души он рад, что эта ночь случилась. Теперь Фелисия его без остатка, и это стоило ожидания. Он возвращается к кровати и, устроившись рядом, снова обнимает её, будто этим жестом пытается успокоить своего внутреннего зверя.

Наварро покидает спальню с рассветом, оставив сладко спящую девушку в одиночестве. Он проводит полтора часа в кабинете, выслушивая своих людей, а сразу после встречи вызывает к себе Кристофера.

— Когда она проснётся, лично отвезёшь её в город, — отпив из чашки кофе, объявляет Наварро.

— Ты же закончил встречу, я думал, ты сам...

— Я хочу отдохнуть, — отрезает мужчина. — Доставь её домой в целостности и сохранности.

— Утомила? — выгибает брови Кристофер.

— Нет, она пока неопытная, и мне долго ещё учить её доставлять мне удовольствие, — поднимается с места Наварро. — Поэтому вызови моих фавориток, до работы хочу расслабиться.

— Как скажешь, — кивает Крис и выходит из кабинета.

После удара по объектам картеля и ранения одного из приближённых верхушки, DEA повышает уровень опасности для полиции Колумбии, ожидая неминуемого ответа со стороны «Доминион». В частности, на улицах усиливаются патрули спецназа, высокопоставленным офицерам и следователям DEA назначаются бронированные автомобили, а также открываются временные блокпосты на дорогах, по которым оперирует картель.

Бриджит долго корить себя за то, что она не была в казино, не стала. Как бы там ни было, главное, что её наводка оказалась правильной, и полиции удалось прикрыть ещё две точки «Доминион». Руи продолжает повторять, что видел Лино, но, так как камер на улице не было, проверить его теорию не получается. Джи знает, что Карла уже выписали, и часть её хочет навестить мужчину, приободрить его, учитывая, какую психологическую травму он получил, но вторая часть ей этого не позволяет. Джи сама так и не оправилась от событий той ночи,

все её силы уходят на то, что она притворяется, что в порядке, найти их ещё и на него у неё не получается.

Мама не оставляет девушку, донимает её звонками и требованиями приехать домой, но она отмахивается. Семье она объяснила их разрыв с Карлом как обоюдное решение из-за погасших чувств, не захотела, чтобы мама винила парня, к которому так тепло относится. И это главная причина, почему девушка отказывается пока ехать домой, ведь лгать по телефону куда легче, чем делать это, смотря в глаза. Руи всё-таки уломал её, и сегодня вечером Джи наконец-то планирует встретиться с ним и как в старые добрые времена посидеть в баре. Сейчас кажется, что всё это было очень давно.словно вся её жизнь до случая в мотеле осталась где-то далеко под туманной завесой, словно она вообще была не её. В дверь стучат, и Бриджит, решив, что это Руи, натягивает на себя кожанку и идёт к ней. Только она открывает дверь, как сразу же падает на колени из-за разряда электрошокера. Когда Бриджит приходит в себя, она сидит на полу в своей гостиной, пристёгнутая одной рукой к ножке стола, на котором устроился коренастый мужчина в маске. Второй — тоже в маске — разгуливает по квартире, и в руке у него пистолет.

— Лишь бы Санчес опоздал, — первое, о чём думает Джи, ведь она точно сегодня умрёт, а друг может попасть под раздачу.

Металлический привкус во рту уже говорит о разбитой губе, и Джи надеется, что всё закончится быстро. Возможности бороться ей всё равно не оставили. Надо было всё-таки превозмочь себя и съездить домой, в последний раз увидеть маму, обнять вечно пахнущую выпечкой женщину, а там и умирать было бы не страшно.

— Вы вынудили нас убрать наших же парней, — мужчина нагибается прямо к лицу, а потом, вцепившись рукой в её волосы, резким движением оттягивает голову назад. От него пахнет дешёвым табаком и яростью — яркий представитель палачей «Доминион». Он насильно заставляет девушку смотреть прямо в свои злые, потемневшие глаза, а Джи только татуировку египетского глаза на его кисти изучает. — Мы остались без крысы.

— Антония не была крысой, — голос Бриджит низкий, сорванный, но в нём нет ни капли покорности. Вопреки страху, хищно дышащему ей в затылок, она не даст этим ублюдкам её унижить. Глухой, тяжёлый удар в солнечное сплетение выбивает весь воздух из лёгких, Джи заходится в кашле, но голову теперь сама держит прямо. Это явно не нравится её мучителю, потому что второй удар приходится на скулу, Джи жмурится из-за вспышки боли, звенящей в черепе, и чувствует, как медленно стекает вниз по подбородку её горячая кровь. Её снова бьют, не дают глотнуть кислорода, и всё тело девушки превращается в карту боли.

— Ты защищаешь суку, которая трахалась с твоим мужиком? — громко смеётся её мучитель. — Он тебя за бабу не считал, прыгал из постели в постель, и, поверь, их застали в самый разгар.

— Заткнись! — плюётся в него кровью Бриджит и дёргается, делая больно только себе.

— Это ты заткнись и слушай, — бьёт её коленом в лицо мужчина, заставив девушку чуть ли не захлебнуться хлынувшей из носа кровью. — У тебя только один выход, тварь, — чешет подбородок через раздражающую кожу маску, а Джи снова взглядом за татуировку глаза на его кисти цепляется. — Ты будешь нашей сучкой в DEA. Не торопись с ответом, — снова пинает её теперь уже в бок, Бриджит, согнувшись, глухо стонет.

— Если погорячишься и ответишь сейчас, я тебя обезглавлю, — примеряет к руке кухонный нож мужчина. — Если откажешь после — всё равно обезглавлю.

— Пошёл ты, — еле двигает губами офицер и, получив ещё один удар, чувствует, как темнота перед глазами густеет.

Уткнувшуюся носом в лужу собственной крови на полу Хименес находит через десять минут ворвавшийся в квартиру Санчес и сразу же вызывает скорую.

Венсан сидит во главе длинного стола в своей вилле и неторопливо разрезает слабо прожаренный стейк.

— Блаженство, — прикрывает веки мужчина, тщательно пережёвывая мясо. Помимо него за столом сидят ещё двое, точнее, лежат лицом в своих тарелках, а солдаты «Доминион» разгуливают вокруг.

На Венсане только чёрная майка, открывающая вид на его широкие плечи, рельефные мышцы и, главное, массивную татуировку на груди. Татуировка мужчины представляет собой трещины, которые расползаются от центра груди. Будто бы кто-то пытался разбить его броню, но она не раскрошилась, а лишь треснула, обнажив под собой огонь. Рисунок выполнен мастерски, и языки пламени словно дышат, создавая иллюзию настоящего огня. Он подносит к губам бокал вина, делает глоток и, откинувшись назад, смотрит на вошедшего в гостиную брата.

— Судя по крови в тарелке, этот решил есть сырое мясо, — кивает на одного из мужчин с головой в тарелке Кастильо и берёт гроздь винограда из блюда. — Теперь наши враги в штаны наложат.

— Нет, теперь наши партнёры будут понимать, что потеря денег меня пугает не настолько, чтобы я не выстрелил им в лицо, — усмехается Лино. — Джасем, уберите мусор, — обращается к одному из солдат поднявшийся с места Венсан и закуривает. Подошедшие к столу мужчины снимают трупы со стульев, а Лино, выдыхая дым, смотрит на кисть Джасема, на которой набит египетский глаз.

Глава 8. Gris

Солнечный свет, пробивающийся через потолок из стекла, отбрасывает на воду блики и напоминает о том, что день вступил в свои права. Гильермо так и сидит в кресле у бассейна, смотрит на неподвижную перед ним воду, которая отражает мраморные колонны и массивные окна, и всё глубже тонет в своих мыслях. Его не беспокоит, что на белоснежном диване справа ничком лежит голая девушка, которая утомлена настолько, что так и заснула со связанными за спиной руками. Её золотистые волосы разбросаны по подушке, дыхание медленное, а кожа всё ещё горит от следов укусов и рук, которые держали слишком жёстко. На плечах и вдоль спины девушки виднеются красные следы, на бёдрах заметны синяки от пальцев.

Кристофер сделал всё правильно, прислал лучшую из обученных самим же Наварро, но попытка заглушить жажду по другой — провалилась. Наварро смотрит на девушку, но видит не её. Он и имени её толком не помнит, зато лелеет в себе имя той, кто всё ещё наверху в его спальне. В месте, куда доступ всем остальным закрыт. Наварро выдыхает, медленно подносит бокал к губам, но виски не приносит облегчения. Как и ночь, как и тело под ним час назад.

Фелисия сейчас не с ним, но она в каждой щели сознания, смешивается с воздухом, который мужчина вдыхает, напоминает о себе игрой лучей на воде. Чёртова девчонка такая же яркая, как солнце, и не менее губительная, стоит приблизиться больше, чем надо. А Наварро приблизился, он, как бык на корриде, всё играл с красной тряпкой, а этой ночью он её коснулся и, кажется, уже чувствует остриё шпаги на своей шее. С Фелисией всё сложно, и, как бы Наварро изначально ни влекло именно их различие, порой он задумывается о том, сможет ли он подстроить её под себя, при этом не сломав. Фелисия смотрит с вызовом, не склоняет голову, даже когда стоило бы, раздражает своей глупостью и упёртостью, но не отталкивает. Это удивительно для привыкшего не церемониться ни с кем Гильермо Наварро. Что бы ни случилось, как бы её действия или слова ни злили мужчину, он и мысли не допускает, что откажется от неё. Фелисия — идея фикс, одержимость, всё самое нездоровое, что может быть собрано в человеке. Она та, чья кожа слишком горячая, губы слишком дерзкие, голос — слишком нужный. Фелисия вонзилась в него как нож, и, вместо того, чтобы достать его и зашить рану, Гильермо сам глубже проталкивает его в себя, ещё и наслаждается этим. Вот и сейчас, он думал, что сможет стереть её прикосновение другим телом, что утолит жажду, разбуженную Фелисией,

грубостью, и всё равно тянется к ней. Наварро поднимается с места, покидает помещение и, пройдя в свой кабинет, садится в кресло и берёт со стола пульт.

Спустя пару минут манипуляций с пультом на плазме слева появляется спальня Наварро, и он смотрит на собственную спину, блестящую от капелек пота. Это ему неинтересно, он снова щёлкает пультом, выбирает другую камеру и, приблизив изображение, любуется распластавшимся на его постели ангелом.

Стоит её увидеть, как в Наварро просыпается каждая клетка, каждый сантиметр кожи горит, а нутро тянется туда, к ней — снова прикоснуться, снова зажать в своих руках, заставить задохнуться и сгореть от страсти самому. Фелисия тихо стонет, раскрывает и закрывает губы, вонзившись пальцами в его плечи. Наварро подаётся вперёд, каждую морщинку на её лбу запоминает, вспоминает сладость её губ. Хочется вернуться в спальню, схватить её за запястья, притянуть ближе, вдохнуть её запах, проверить, как сильно будет дрожать её голос, когда Наварро снова будет глубоко в ней.

Греховно прекрасная и его. Всегда только его. Плевать, что будет дальше, как обернётся его одержимость, именно в эту секунду Наварро окончательно понимает, что он от неё не излечится. Он этого и не хочет. Каждый человек находит свой наркотик, Наварро тоже нашёл свой, и, если потреблять его в меру, передозировки можно будет избежать. Он выключает экран и, приказав подогнать автомобиль, идёт готовиться к встрече с прокурором.

Рамон Дельгадо, главный прокурор Картахены, сидит за массивным деревянным столом с бокалом виски и с помощью алкоголя пытается унять свою злость на проигрыш. За всё время, что он знает Гильермо Наварро, он выигрывал его в игре в гольф только два раза, и то, мужчине кажется, что ему это просто позволили. В любом случае, Наварро никогда не приглашает сыграть в партию ради самой игры, и Рамон знает, о чём именно сегодня пойдёт речь.

Наварро и тут отличился, ведь прямо в сердце финансовой империи, там, где другие планируют будущее компаний, он построил гольф-клуб. Не для развлечений, а для власти. Наварро не подписывает здесь контракты, но именно здесь принимает решения по ним до того, как чернила коснутся бумаги. Гладкий газон под стеклянным потолком и глухие удары по мячу — идеальный антураж для разговоров, от которых зависят судьбы.

— Рамон, я хорошо помню день, когда мы впервые встретились, и моя интуиция тогда отлично сработала, — убрав клюшку, идёт к прокурору Гильермо, и сам наполняет их стаканы. — Ты был молод, амбициозен, и я подумал, что ты именно тот человек, который сможет поднять Картахену на новый уровень.

— Ты всегда видел потенциал в людях, Гильермо, но я не думаю, что мы здесь, чтобы вспоминать прошлое, — делает глоток виски мужчина.

— Нет, конечно, — наклоняется вперёд сидящий за столом Наварро. — Но прошлое — это основа настоящего. Без него трудно понять, как двигаться вперёд. Ты ведь не забыл, сколько усилий я приложил, чтобы ты оказался там, где сейчас?

— Я благодарен за твою поддержку, но моя должность требует от меня следовать закону, а не чьим-то пожеланиям, — нервно говорит Дельгадо.

— Закон — это гибкий инструмент, Рамон. И ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой. Если бы ты не умел его адаптировать под наши нужды, ты бы не смог оставаться в своём кресле столько лет, — холодно отвечает Наварро.

— Переходи к делу, — ёрзает в кресле прокурор. — Мы ведь здесь из-за Гутьерреса?

— Верно, но не только. Он всё ещё под следствием, несмотря на все доказательства его невиновности. Почему дело до сих пор не закрыто?

— Он обвиняется в отмывании денег. Улики говорят сами за себя. Закон не позволит...

— Закон — это ты, — жёстко перебивает его Наварро. — Люди, как Гутьеррес — фундамент нашей экономики. Он не вор, он предприниматель. И если каждый такой человек будет проходить через ваши кабинеты, кто будет строить Картахену? Ты?

— Я попытаюсь удовлетворить твою просьбу, но, повторяю, дело серьёзное, а наличие неопровержимых доказательств связывает мне руки, — прокашливается Дельгадо.

— Я не прошу, Рамон, — опасно сверкают глаза Наварро. — Я даю тебе возможность показать, что мы всё ещё понимаем друг друга. Реши, что для тебя важнее: принципы или твоё будущее. И ты знаешь лучше всех, что, если ты выберешь второе, я не забуду позаботиться о тебе. Лили ведь хочет поступить в академию Рафаэля Надаля? А Алехандро всё ещё мечтает об игре в высшей лиге? Не думай о себе, Рамон, думай о своих детях. Тем более уже на днях будут результаты выборов.

— Я изучу его дело ещё раз, — после долгой паузы отвечает прокурор.

— Отлично, а теперь о тюрьме, — кивает Наварро. — Я делаю подарок этому городу, из собственного кармана выделяю деньги на строительство места, которое будет сдерживать криминал, и слышу разговоры о том, что мой проект хотят заморозить, и о теневой стороне моего бизнеса. Я строю тюрьму не для картелей, а против них. Нет никаких доказательств того, что я связан с криминалом, мне бояться нечего, но я не позволю выставлять меня в таком свете в преддверии выборов. Реши это, Рамон, подключи все свои связи и не забывай, что в этом городе успех — это не только то, что ты делаешь. Это ещё и то, кого ты поддерживаешь, — хлопает его по плечу мужчина и тянется за ключкой.

— Хватит хмуриться, морщины будут, — косится на сидящую рядом Фелисию Кристофер и опускает стекло, чтобы выбросить окурок. На самом деле, он может понять чувства девушки, которая, в отличие от его шефа, явно натура романтическая и вряд ли хотела бы после ночи с любимым человеком первым увидеть приехавшего за ней Кристофера.

— Я даже кофе не выпила, — раздражённо говорит девушка и проверяет телефон.

— Он приказал накрыть тебе завтрак у бассейна, ты сама отказалась.

— Ага, приказал, а сам свалил ни свет ни заря, — еле сдерживается, чтобы не материться, Фелисия. У неё в голове не укладывается, как можно было вот так оставить её одну в особняке без объяснений, извинений, даже грёбаного смс, и думать, что она легко это проглотит.

— Ты умилительно глупая, — усмехается Кристофер, которому хочется успокоить девушку, но в то же время этим он только запаивает сети, в которые та уже попала. Кристофер никогда не оспаривает решения Наварро, но в Фелисии, несмотря на всю её напускную стервозность, есть свет, гасить который ему бы не хотелось.

— Он взрослый мужчина, далёкий от романтики, но это не значит, что его нельзя изменить, — осторожно говорит Кристофер.

— Ты будешь учить меня отношениям, когда сам спишь со своей пушкой? — выгибает бровь Фелисия.

— Как некрасиво, — качает головой Кристофер.

— Отвези меня к нему, — внезапно выпаливает Фелисия спустя две минуты тишины. — Где он? В Falcon? Езжай туда. Клянусь, я не успокоюсь, пока всё ему не выскажу! — сжимает кулаки.

— Не сходи с ума, — мрачнеет Кристофер. — Ты уже достаточно его знаешь и должна понимать, что истерики и скандалы с ним ничем хорошим не закончатся. Даже его шлюхи через пять минут общения с ним понимают, с кем имеют дело, а ты на ошибках не учишься.

— Ты назвал меня шлюхой? — ищет повод сорваться Фелисия.

— Нет, не переиначивай мои слова, — крутит руль мужчина. — Я о том, что не нужно закатывать истерику с Наварро, ты никогда не победишь словесный бой с ним, поверь, лучшие политики мира не справляются, — смеётся.

— То есть, лучше мне глотать свою обиду, терпеть то, что мне не нравится? — кривит рот Фелисия. — Извини, конечно, но я не буду принимать совет от его прислуги, которая на всё ждёт от него разрешения. Мне плевать, что ему нравится или нет, я обижена и я зла, и он будет об этом знать. Или ты везёшь меня в холдинг, или останови, и я вызову такси.

— Как хочешь, дальше холла всё равно не пройдёшь, — сворачивает направо Кристофер.

— Позволь мне самой в этом убедиться, — скрещивает руки на груди Фелисия.

— Я понял, что тебе не нужен совет от прислуги, — поворачивается к ней Кристофер, и Фелисия жалеет, что в порыве злости задела его. Несмотря на то, что в первое время Кристофер пугал её своим угрюмым видом и, что уж таить, прячущимся на поясе за пиджаком пистолетом, она никогда по-настоящему не чувствовала к нему неприязни. Напротив, завуалированная забота мужчины заставляет Фелисию относиться к нему как к старшему брату, которого у неё никогда не было.

— Тебе лучше понять, что то, что он тебя трахает, не делает тебя особенной. Его действия с утра это только доказали, — Кристофер знает, что делает только хуже, всё больше вскрывает обиду и так находящейся на пределе девушки, но в этом и цель. Ему не хочется, чтобы Фелисия кормила себя пустыми надеждами, ведь чем больше она будет им верить, тем больше ей будет разочароваться.

Фелисия его последний выпад никак не комментирует, отворачивается к окну и кусает свои губы. Кристофер прав, видимо, в этих отношениях чувства есть только у неё, а у Гильермо одна грязная похоть, которую он уже удовлетворил. Фелисия не подозревает, насколько её мысли далеки от правды, ведь удовлетворение не то, что вчера получил Наварро.

— Я буду ждать тебя здесь, не хочу быть свидетелем того, как тебя позорно выставят, — снимает блокировку с дверей Кристофер, и Фелисия, кивнув, идёт к входу.

Смелость, которую уже придавило осознанием безразличия со стороны Наварро, начала улетучиваться, но идти на попятную Фелисия не будет. Она всегда могла постоять за себя, и Наварро ошибается, если думает, что Фелисия тряпка, что, будучи очарованной им и его властью, она закрывает глаза на его поведение. Она проходит через стеклянные двери, готовясь получить от ворот поворот на ресепшене, но выбежавшая к ней девушка не даёт даже открыть рот и просит пройти за ней к лифтам. Фелисия сама себя подбадривает, убеждает, что не важно, чем закончится их разговор, она должна выказать ему свои чувства, а не томиться в офисе в ожидании, когда Наварро решит сам явиться. Это самая ужасная часть их отношений — Фелисия придумывает сценарии, речи, борется с ураганом мыслей в голове и страдает в одиночестве. Сегодня она пытать себя не будет, она выкажет ему недовольство, и Кристофер был не прав, думая, что она пришла скандалить. Она пришла поговорить и очень надеется, что у неё это получится, что она не потеряет контроль над эмоциями. Слова Кристофера о шлюхах врезались в память Фелисии, но она не обижена на него, напротив, она приняла их в качестве примера, ведь узнавать характер своего партнёра и подходы к нему — не всегда значит подстраиваться. Девушка подходит к высоким дверям в середине холла и, коротко постучав, открывает их перед Фелисией. Лис, в которой пульсирует обида и гнев, переступает порог, еле сдерживая готовящиеся сорваться с губ слова, и замирает, впечатлённая размерами и убранством кабинета. Высокие стены, тёмное дерево, отливающие золотом детали. Всё здесь говорит о власти, о статусе, о человеке, который не просто богат, но ещё и обладает потрясающим вкусом. Наварро сидит в кресле, откинувшись на его спинку с небрежной грацией, и всем своим видом только доказывает, что это исключительно его мир. Он в чёрной рубашке, подчёркивающей силу тела, ещё ночью вжимавшего Фелисию в прохладные простыни. Девушка засматривается на точёные скульпы, холодные глаза, в которых вспыхивает интерес, как только она ловит его взгляд, и на миг забывает, что она здесь делает.

— Лучшее, что случилось за утро, — поднявшись с места, Наварро обходит стол, и Фелисия делает к нему пару шагов.

— Я думала, меня за порог не пустят, а мне даже сопровождение устроили, — нервно усмехается остановившаяся в четырёх шагах от него девушка.

— Я знал, что ты идёшь, — прислоняется к столу мужчина. — Кристофер доложил.

— Понятно, — кивает Фелисия. — А о цели моего визита не доложил?

— Нет, но если цель была в том, чтобы обеспечить мне настроение на весь день, то тебе удалось.

— Не совсем, — задирает подбородок Фелисия. — Я пришла, потому что я зла, я запуталась, и я не хочу снова и снова переживать эти неприятные чувства.

— Я тебя слушаю, — скрещивает руки на груди мужчина.

— В том-то и проблема, ты даже не подозреваешь, почему я обижена, для тебя это настолько нормально, — вопреки буре в душе голос Фелисии звучит ровно и твёрдо. — Это был фактически мой первый нормальный раз, мне понравилась ночь, понравилось быть с тобой, но то, как ты себя повёл с утра, заставляет меня думать, что у нас разные цели.

Наварро не перебивает, не останавливает её, только смотрит всё так же пристально и ничем не показывает своё отношение к её словам.

— Ты был не просто холоден, тебя вообще не было, — делает ещё один шаг к нему Фелисия. — Для меня это не просто секс, а секс с человеком, который мне очень сильно нравится. Я не хотела чего-то необычного и большого, я хотела максимум выпить с тобой кофе, минимум чтобы ты сам меня проводил из особняка. Я не говорю, что я невероятно романтичная или пытаюсь быть принцессой и хочу, чтобы со мной возились, но у меня к тебе чувства, и меня задел твой холод.

— Тебе не нужно пытаться, ты и есть принцесса, — легонько улыбается мужчина.

— Ты заикливаешься не на том, — закатывает глаза Фелисия. — Это не те отношения, которые я бы хотела продолжать.

Наконец-то взгляд Наварро меняется, и вместо озорных огоньков, вызванных боевым настроением этой кукольной девчонки, там теперь блестит металл. Фелисия знает, что пришла сюда отстоять себя и свои чувства, но в то же время она понимает, что на чужой территории, и это Наварро решает, выйдет ли она отсюда целой.

— Возможно, я сама виновата, я убедила себя, что между нами есть чувства и наши отношения — это больше, чем секс, — продолжает девушка. — Я не учла, что для тебя это только секс и ты считаешь нормальным вести себя со мной, как и с теми, кого ты берёшь в свою постель на одну ночь...

— Прекрати, — перебивает её Наварро, и сам сокращает последнее расстояние между ними. — Я запрещаю тебе не то чтобы произносить, даже думать, что между нами только секс. Ты даже не подозреваешь, насколько ты ошибаешься. Для тебя утро только наступило и весь день впереди, для меня уже прошли три встречи и я успел решить несколько дел. Я ушёл, потому что привык так работать. Мой день начинается в пять утра, и я не хотел тебя будить.

— Ты как глыба льда, ты не поймёшь, о чём я говорю, — трёт переносицу Фелисия. — Ты и не пытаешься, — растерянно бегаешь взглядом по сторонам. — В том-то и проблема, ты не делаешь исключений, а я делаю. Это была первая ночь, и ты мог бы сделать это утро исключительным, но ты не захотел. Лучше мне поехать на работу, и так опоздала, — делает шаг назад Фелисия, но Наварро обхватывает её за талию и, вжав в себя, прислоняется лбом к её лбу.

— Прости меня.

— Чего? — бурчит Фелисия, не осмеливаясь поднять глаза, ведь тогда она точно не устоит.

— Я умею признавать свои ошибки, и я понял эту. Прошу прощения. Ты — исключительная, а я неправильно поступил, — поглаживает её скулы мужчина. — Обещаю, я заглажу свою вину. В своё оправдание скажу, что для меня это всё новое. Я поступил с тобой так же, как

и привык поступать, но не потому, что у меня к тебе только секс, а потому, что мне тоже надо учиться, — касается подушечками пальцев её веснушек, еле сдерживается, чтобы не нарушить очередной свой принцип и не взять её прямо здесь на рабочем столе. Если бы родители Фелисии в ту ночь спали, то в мире никогда бы не появился человек, способный так сильно влиять на Гильермо Наварро одним своим присутствием. Это пугает и возбуждает одновременно, ведь, пусть Наварро сам себя никогда зависимым не считал, более того, его воротит от любого вида зависимости, ему нравится, что у него она не из мира сего.

— Я рад, что ты приехала, что прислушалась ко мне и выбрала разговор, вместо того, чтобы всё надумывать. Ты поступила по-взрослому, и я восхищён, — говорит искренне мужчина.

— Правда? — наконец-то смотрит на него Фелисия. — Я думала, ты разозлишься.

— Меня злит, когда ты решаешь что-то за меня, — легонько касается её губ Наварро. — Мне понравилась эта ночь, и я рассчитываю, что их у нас будет ещё очень много.

— А я рассчитываю на утро в твоих объятиях, а не на твоего шофёра, — ворчит Фелисия, с плеч которой словно сошёл тяжёлый груз. Можно сказать, что этот бой за ней, и она вышла из него без потерь. Наварро обнимает нежно, мягко целует её в губы, каждым жестом и взглядом заставляет обиду рассеяться, а настроение взлететь до небес.

— Раз ты тут, то предупрежу тебя, что меня не будет в городе двое суток, — говорит Наварро, и Фелисия сразу же грустнеет. — До выборов мне надо провести кое-какие встречи в Боготе, меня не будет рядом, но, что бы ни случилось, звони мне, и я всё решу.

— Хорошо, я буду болеть за тебя, — улыбается уже в поцелуй Фелисия и спустя пару минут покидает кабинет.

Фелисия вместе с другими менеджерами присутствует на совещании касательно реставрации здания мэрии, а потом закрывается у себя и просматривает ролики, которые ей на проверку прислал видеоредактор. Наварро звонит к обеду, и Фелисия, увидев его имя на экране, довольно усмежается. Кое-чему она уже его научила, а значит, можно праздновать ещё одну победу. Наварро говорит, что уже едет в аэропорт, и обещает быть на связи.

— Будь хорошей девочкой, Белла.

— Я думала, ты любишь плохих.

Фелисия прощается с ним с тяжёлым сердцем, но ему этого не показывает. Фелисии понравилась ночь, ей было безумно хорошо, и, хотя ей не хватило ласки с утра, разговор в кабинете её успокоил. Но теперь она не увидит Гильермо целых два дня, и она не знает, как ей справиться со своим глупым сердцем, настолько сильно привязавшимся к этому мужчине. После работы Фелисия, отказавшись портить настроение Яне своим угрюмым лицом, сразу едет домой и, пройдя в гостиную, удивлённо смотрит на неприлично роскошный букет посередине. Чёрная коробка, обтянутая атласной лентой, до отказа наполнена тёмно-красными пионами, завораживающими своей красотой. Фелисия подходит к коробке и, забрав чёрную бархатную визитку, вчитывается в сияющие золотом буквы:

«Не скучай. Или скучай». ГН

Фелисия робко улыбается, прячет визитку в карман и, обернувшись, смотрит на вышедшую из кухни мать.

— Ты можешь сказать ему, чтобы не слал домой подарки? — нахмурившись, говорит ей женщина. — Нужно убрать цветы, пока отец не вернулся.

— Опять будем прятать подарки? — с горечью улыбается девушка, прекрасно зная, что мать права.

— Ради спокойствия семьи, Ликси. Зачем нам лишние разговоры? — подходит ближе Джорджиа.

— Хорошо, я заберу их в комнату, но ты должна мне помочь, одна не справлюсь.

Закончив с цветами, Фелисия, несмотря на обещание не писать Наварро первой, всё же решает поблагодарить его, но не успевает, потому что тот звонит сам.

— Ты не написала мне, что уже дома.

— Не знала, что нужно, — усмехается Фелисия и, взобравшись на кровать, любуется стоящими у двери в ванную цветами. — Спасибо за цветы, они красивые.

— Сложно дарить цветы той, чья красота конкурирует с ними, — улыбается в трубку Наварро. — Рад, что понравились.

— Очень понравились, но домой больше подарки не шли. Пожалуйста, — переборов себя, говорит девушка.

— У тебя были проблемы? — напрягается Наварро.

— Нет, я их спрятала, но, если отец увидит, будут.

— Я учту твои пожелания, но не скажу, что мне нравится такой расклад. Когда вернусь в Картахену, я поговорю с ним.

— Не стоит, не сейчас, я не хочу опять неприятных разговоров в доме, — просит Фелисия.

— Я всё решу, не переживай, — заверяет её Наварро. — А вообще я позвонил, чтобы сказать, что скучаю по тебе.

— Надо же, ты и так умеешь, — широко улыбается Фелисия.

— Я правда скучаю и обещаю, я искуплю свою вину.

Следующий день проходит уныло. Ощущение, что отсутствие Наварро в Картахене ударило не только по Фелисии. Солнце сегодня из-за туч не вышло, прямо перед офисом произошла авария, молоко в любимом кофе Фелисии прокисло. Всё валится из рук девушки, и она постоянно смотрит на часы, в надежде уже покинуть душный кабинет, проводить ночь и наконец-то увидеть своего любимого. Фелисия сдаёт Джерому отчёт, лично присутствует на собеседовании нового человека в отдел и, дождавшись шести часов, идёт выпить с Яной. Фелисия надеется, что пара вкусных коктейлей поможет не только быстрее уснуть, но и успокоить бушующие в ней мысли о Наварро. Яна никак не умолкнет, рассказывая про своего нового парня, грозитя прямо на днях их познакомить, но Фелисия всерьёз слова подруги не воспринимает. С Яной вечно так, она горит максимум два дня, а потом переключается на другого, и Фелисии нет смысла знакомиться с её пассиями или запоминать их имена.

— Ты всё ещё собираешься в Caliente? — наконец-то меняет тему Яна.

— Вроде бы с тобой, — хмурится Фелисия. — Ты что, передумала? Ты же обещала составить мне компанию!

— Это не моя тусовка, а твоя, и я хотела составить тебе компанию как подруга, но теперь всё больше думаю, что не хочу в этот притон, а лучше поеду к своему парню, — твёрдо говорит Яна.

— О, ты теперь у нас девчонка из высшего общества, и Caliente для тебя притон? — злится Фелисия, услышав от неё слова, которые говорил Наварро. — Забыла, как мы в подвалах пиво хлестали, а нас даже в Caliente не пускали? Выросла, что ли?

— Тогда мы были мелкими пиздючками, сейчас уже всё по-другому, — не сдаётся Яна. — Скинь Лин, что у тебя дела появились, сходим лучше в кино втроём. «Как приручить дракона» уже крутят, а мы так его ждали.

— Так премьера только была, и мы ещё на него сходим, а ты завтра со мной, ничего не знаю, — не отступает Фелисия.

— Нет, Лис, не пойду и тебе не советую, — Яна непреклонна.

— Тебя моя мать укусила? — поднимается на ноги Фелисия.

— Мой разум включился.

— Как хочешь, я пойду, тем более я обещала Лин, и подводить того, кто меня не подвёл — не буду, — оплатив счёт, идёт к остановке Фелисия.

Кастильо, которому наконец-то принесли адрес его спасительницы, забирает ключи со стола и, спустившись в гараж, садится за руль мерседеса. Тратить три часа, учитывая, что именно столько займёт дорога туда-обратно в посёлок, где живёт «его спасительница», не хочется, но Кастильо не любит быть в долгу. Его охрана покорно следует за боссом. Чем дальше они отдаляются от блеска Картахены, тем хуже становится качество дороги. Кастильо сидит за рулём автомобиля, который стоит полмиллиона, и, едва скрывая раздражение, уезжает с главной трассы по навигатору. Шины глухо стучат по разбитым участкам грунтовки, иногда увязая в грязи. По обеим сторонам дороги тянутся маленькие домики с облупившейся краской, оголенные покосившимися заборами из ржавых металлических листов и бамбука. Запах сырости, смешанный с дымом от костров и гнилых водоёмов, проникает сквозь кондиционированный воздух в машине. Кастильо морщится, ведь он знает этот запах и видел уже эти картины, и, хотя большая часть его прошлого и стёрта усилиями Лино, сейчас он снова там.

— Диос мио, куда я вообще попал? — бормочет мужчина, глядя через тонированное стекло на женщин, стирающих бельё прямо во дворе. На ветках деревьев висят верёвки с сушащейся одеждой, а разноцветные лоскуты развеваются на ветру, будто бы танцуют.

Навигатор наконец-то показывает прибытие, и Кастильо думает, что это место даже хуже, чем он себе представлял. Перед ним стоит хибара, сделанная из бруса, кое-где покрытая ржавым шифером, который явно уже пережил свой срок службы. Стены дома выглядят так, будто малейший ветерок способен повалить их, а дверь держится на одной изношенной петле. Во дворе валяются детские игрушки: поломанный грузовик, кукла без руки, пустое ведро с треснувшим дном.

Грязь под ногами хлюпает, дорогие лоферы Кастильо точно придётся выбросить. Он сжимает челюсть, стараясь не показывать раздражения, и дальше двигается к двери, но замечает двух босых детей в изношенной одежде, играющих с мячом, слева. Кастильо приходится снова напомнить себе, зачем именно он здесь, и он, тяжело вздохнув, подходит к двери и стучит в неё. Дверь, глухо скрипнув, открывается, и наружу, вытирая руки о старое полотенце, выходит та самая девушка, спасающая ему жизнь. На ней простая хлопковая блузка и юбка до колен, изрядно выцветшая от времени и стирок. Её волосы собраны в небрежный пучок, Кастильо смотрит ей в лицо и понимает, что при дневном свете она кажется ему даже очень милостивой. В глубоких карих глазах открыто читается усталость, жизнь, полная труда, но вместе с тем в них есть пусть и слабый, но блеск, который невозможно не уловить.

— Надо же, я совсем не ожидала тебя увидеть, — минует порог Кассандра, а Кастильо наблюдает за её мягкими движениями. — Не зайдёшь? — улыбается девушка, и эта улыбка совсем не та, к которой привык мужчина. Она улыбается не для того, чтобы понравиться, а так, как улыбаются люди, которые привыкли встречать гостей тепло, даже если у них почти ничего нет. Она вся полная противоположность тем молодым и ухоженным девушкам, которые всегда окружали его, и всё равно ему нравится за ней наблюдать.

— Я просто хотел поблагодарить, — наконец-то вспоминает причину своего визита Кастильо. — Может, тебе нужна какая-то помощь?

— Вообще-то нужна, — прислоняется плечом к косяку Кассандра. — Старуха тебе жизнь спасла и работу потеряла, теперь найти её не могу, а мне работать надо из-за детей. Можешь меня порекомендовать кому?

— Я переборщил с возрастом, признаю, — усмехается Кастильо. — А сколько тебе?

— Тридцать пять.

— Ну, я к молоденьким привык, — пожимает плечами мужчина. — Да и в пабах редко старше двадцати пяти встретишь, все нанимают красивых и молодых, чтобы клиенты были. Я не оправдываюсь, говорю, как вывод сделал.

— Грубо, но честно, — легонько улыбается Кассандра, и Кастильо понимает, почему она так крепко держит его внимание. Её словно не смущает ни бедность, ни разруха вокруг. Но самое главное, её не смущает и он. Кастильо не сомневается, что она знает кто он, и это впервые, когда с ним мало того, что не флиртуют, с ним держатся на равных.

— У вас удивительное место, — говорит он, стараясь найти нейтральные темы, перестать заикливаться на её чертах. — Удивительно отвратное.

— Можно подойти к машине? — отвлекает их подбежавший мальчик, и Кастильо ему кивает.

— Оба твои? — обращается к женщине Кастильо.

— Мои. Ксандру семь, Марии пять.

— Отец где? — Кастильо уже заметил отсутствие мужчины в доме, ведь хотя бы дверь можно было бы починить, но вопрос всё равно задал.

— Скорее отцы, и я без понятия, — зевает женщина.

— Ладно, я не знал про детей, приехал без гостинцев, но купишь им подарки от меня, — Кастильо кивает своему телохранителю, и тот, подойдя, передаёт женщине толстый пакет.

— Надеюсь, там деньги? — выгибает бровь Кассандра.

— Именно они, — усмехается Кастильо.

— Точно не хочешь зайти? Кофе угощу.

— Воздержусь.

— Мы бедные, но чистоплотные, — уже с грустью улыбается женщина.

— В другой раз, — хочет, чтобы она вернула ту первую улыбку, Кастильо.

— Вряд ли он будет, — цокает языком женщина.

— Точно не будет, — Кастильо больше врать не хочется.

— Как скажешь, но, если передумаешь, я пеку отличные пироги к кофе, — попрощавшись с мужчиной, зовёт детей в дом Кассандра.

Кастильо садится за руль, не мешкая, выезжает со двора и, только отъехав, закуривает. Может, он и ошибается, но он привык к людям, которые лгут ему в лицо, а в ней будто нет и капли лицемерия. Она сбила его с толку, и он не понимает, что именно в ней так сильно привлекает его внимание. Было ли это её абсолютное спокойствие в его присутствии? Или то, как она держалась, не пытаясь казаться лучше, чем есть? Кастильо не может пока этого понять, но уже знает, что его это раздражает и увлекает одновременно.

Странная женщина, странные дети и странный посёлок. Надо бы выпить, пока Лино не послал по делам.

Бриджит просыпается в больничной палате, пропитанной запахом медикаментов, но даже ему не перебить любимый мамин парфюм, которым она пользуется уже лет десять. Бока девушки ноют, каждое движение отдаётся эхом в рёбрах, но это ничто по сравнению с гулом, который стоит в палате. Джи ещё не успела толком открыть глаза, но уже понимает — она не одна. Мама сидит у изголовья, сжимает её руку, нащёптывает молитвы. Тумбочка рядом с кроватью заставлена иконами, на капельнице висит маленький крестик. Тёти и кузины стоят у двери, шепчутся между собой, периодически охая и глядя на неё, будто она вернулась с того света.

— Мам, — с трудом отлепляет язык от нёба Джи, и шум вокруг удваивается. Мама девушки, Морена, сразу же нагибается поцеловать её в лоб, спрашивает, как она себя чувствует и просит племянницу позвать врача.

— Я будто бы проснулась на воскресном рынке, хватит гудеть, — хрипло просит Джи, и все разом умолкают. Бриджит спасает вбежавшая внутрь медсестра, которая просит освободить палату, и только мать девушки клянётся, что и с места не сдвинется. В палату проходит Руи и, кивнув женщинам, сразу идёт к подруге.

— Что у меня? — спрашивает друга Бриджит. — Когда я смогу вернуться на работу?

— Слава Богу, ничего серьёзного, синяки на лице, гематомы на животе и рёбрах, но быстро поправишься, — заверяет её Руи. — Наши в коридоре, ждут твои показания, как будешь готова, я их позову.

— Пожалуйста, сделай так, чтобы мои разошлись, я же не при смерти, и угомони мать, пока она не пошла учить главврача тому, как меня лечить, — просит его Джи.

Если бы не слабость и не ощущение, что мозги в ней плавают, Бриджит бы семью не прогоняла. Несмотря на то, что они шумные и порой грубоваты, ей тепло от мысли, что все они здесь ради неё, тогда как прямо сейчас она убеждена, что их любви не заслуживает. После случившегося с Карлом Джи уже слышала, как трескается её каркас, а нападение в квартире её окончательно сломало. Она неудачница, которая мало того, что сильно облажалась в личной жизни, так ещё не способна довести до конца дело, на которое угробила большую часть своей молодости. Она только и знает, что причиняет боль маме и разочаровывается в себе. До нападения в квартире Бриджит грузила себя работой, отказывалась даже думать о произошедшем с Карлом и Антонией, будто, если возвести стены и не подпускать к себе реальность, она такой никогда не станет. Она погрязла в самообмане, запрещала себе делиться с другом, а теперь чувствует, что больше сама не справляется. Всем ведь нужна помощь, но как быть той, кто о ней просить не умеет? Джи кажется, это конец, что всё бессмысленно, зло всегда побеждает, а любви до гроба не существует. В то же время она осознаёт, что нельзя дать этим мыслям выиграть, ведь они утащат её на дно, и, раз ей не удалось устроить свою жизнь, она хотя бы поможет сотням других людей, которые борются против преступности, заполонившей этот город. Это ведь прекрасная мотивация для того, чтобы воспрять духом, и Джи снова выбирает запретить истинные чувства под панцирем безразличия и не делиться. Зачем расстраивать Руи или маму, в конце концов, у всех есть свои заботы, и Джи должна справиться со своими сама. Она обязательно поправится, поедет домой, до отвала наестся маминых пирожков, но сейчас ей нужно решить вопрос с нападающими. Они ошибаются, если думают, что Джи можно напугать. Не для того она пошла в полицию и попала в программу DEA, чтобы бежать при каждой опасности. Закончив разговаривать с коллегами и рассказав им всё, что она помнит о нападающих, Джи благодарит Руи за его помощь и, попрощавшись с ним, остаётся в палате с мамой. Завтра уже девушку выпишут, и Морена в красках рассказывает ей про вечеринку, которую они закатят в честь её выздоровления, и просит, чтобы она дала ей список всего, что хочет поесть. Бриджит никак не может убедить её поехать уже домой и, пока она отлучается в туалет, проверяет новостные сводки.

— Офицер Хомячок!

Джи даже вздрагивает, услышав голос, хозяина которого здесь не ждала, и удивлённо смотрит на вошедшего в палату Рауля.

— Ты чего тут делаешь? — выпаливает девушка, наблюдая за тем, как мужчина водружает на столик у окна пакеты с фруктами.

— Так я тут с утра был, но ты спала, — снимает кожанку Рауль. — Только я отлучился, как ты проснулась.

— Как ты узнал? — всё ещё не может справиться с удивлением Бриджит.

— В участок поехал, хотел тебе наводку дать, — Ортега достаёт из одного из пакетов календарь. — А это лично в руки, — кидает на живот Джи свежий выпуск издания с полуголыми пожарниками.

— Ты совсем обалдел? — смотрит на календарь девушка.

— Травмы травмами, но мастурбация по расписанию, — хохочет Ортега. — Тут такие красавчики! Ты же по красавчикам вроде. Я бы тебе и с девчонками принёс, ты только намекни.

— Пошёл ты, — смеётся Джи и со стоном хватается за бок. Это впервые за последние сутки, когда она забывает обо всём, даже о том, что она неудачница, потому что есть в этом

мужчине потрясающая способность одним своим присутствием отвлекать её от всего. Рауль заботливо поправляет её подушку и, подтащив стул к койке, садится рядом.

— Выглядишь, честно скажу, не очень, как можно было лицо Хомяка трогать, — сокрушается Лино, разглядывая уродливый синяк на щеке девушки.

— Да брось, серьёзных травм нет, скоро вернусь к работе, — успокаивает его Джи.

— Есть идеи, кто это был? — нюхает упаковку с открытым желе Венсан.

— Не хватало с тобой детали следствия обсуждать, — кривит рот Бриджит.

— Ты разозлишься на мои слова, но я должен снова сказать, — вздыхает Ортега.

— Бросай ты это дело, Хомячок, сейчас на тебя ополчился не только «Доминион», но и другие картели, ведь ты самый яркий борец с картелями в Картахене.

— Не пугай ежа голой жопой, — хмурится Джи.

— Я серьёзно, на тебя начнётся охота, никто не любит полицейских-пиявок, а ты именно такая, — качает головой Рауль. — Ты уже попала в список, ты сама это знаешь, но кто тебя защитит? — пристально смотрит на неё. — Я-то постараюсь, конечно, но что может торгош техникой.

— Ты очень мил, но, поверь, я могу позаботиться о себе сама.

— Ты не осознаёшь уровень риска, — приближает к ней лицо Лино. — Одно дело, когда против тебя «Доминион», а всё твоё внимание и так на них. Сейчас против тебя каждый, кто барыжит наркотой, ведь ты пытаешься отобрать их хлеб. Я человек улиц и слышу их шёпот. Ты человек системы, ты даже вопли на них не слышишь.

— Я правда благодарна тебе за заботу, но случившееся только доказало мне, что я делаю всё правильно и...

Пару перебивает вошедшая в палату Морена и, к огромному удивлению Джи, сразу обнимает улыбающегося ей Рауля.

— Вы когда успели сблизиться? — хмурится девушка.

— В приёмной, — смеётся мама. — Рауль — прекрасный мальчик, а ты и не говорила, что у тебя такой хороший друг. Он всё время тут был, переживал за тебя, нас поддерживал. Так что, как я и сказала, жду тебя послезавтра на ужине в честь Бриджит, — поворачивается к Ортеге женщина. — Гарантирую, ты будешь пальчики облизывать после моих эмпанас с говядиной.

— Донна Морена, не сомневайтесь, я не пропущу, — целует её в щеку Рауль.

— Мам, уже поздно, езжай домой, отдохни, завтра увидимся, — просит её Джи, которая всерьёз беспокоится за женщину, ведь она не в том возрасте, чтобы провести сутки на ногах.

— Немного ещё с тобой посижу, ты не представляешь, как напугала меня, — садится рядом с дочерью Морена. — Помолимся, чтобы ты поскорее поправилась.

— Я вас отвезу, сидите, сколько хотите, — заверяет её Рауль. — Буду в приёмной.

— Какой же хороший мальчик, и какой воспитанный, — достаёт крестик женщина, а Джи только вздыхает.

Часы посещений в больнице давно окончены, вокруг тишина, которую нарушает только шелест бумаг на ресепшене. Венсан отвёз Морену домой, а сам, вопреки данному офицеру Хименес слову, вернулся в больницу. Завтра у Лино много дел, он вряд ли сможет вырваться утром, чтобы отвезти девушку домой, поэтому надеется, что сегодня проведёт с ней хотя бы час наедине. Венсану нужно сделать всё, чтобы постараться немного остудить её пыл. Он не лгал про картели, он знает, что теперь против Джи ополчатся все, ведь она уже привлекла внимание тем, что открыто пошла против самого «Доминион». Война против полиции Картахены проходит по одному и тому же сценарию, который предполагает гасить восходящие звёзды сразу же, ограждать себя от проблем в будущем. Эту звезду гасить нельзя, её свет будет лично оберегать Венсан Лино. Решив захватить с собой в палату кофе, Венсан подходит к кофейному

автомату в коридоре, опускает монеты в прорезь и машинально нажимает на кнопку. Горячая жидкость с тихим шипением заполняет пластиковый стакан, но он уже не смотрит на него.

Звериная интуиция, выработанная годами охоты, заставляет Венсана поднять глаза. Мужчина в халате врача двигается туда-сюда — слишком медленно для обычной прогулки, слишком напряжённо для случайного дежурного обхода.

Венсан наблюдает за ним через отражение в стекле автомата, пока ещё не понимает, чем именно его так сильно привлекает этот человек. Что-то в нём настораживает: слишком хищный взгляд, сосредоточенные движения. Мужчина проходит мимо палаты Бриджит, заглядывает внутрь, снова идёт к окну, будто бы чего-то ждёт. Охраняющий палату девушки полицейский зевает на стуле и, кивнув, как он думает, врачу, переворачивает газету. Венсан подносит стаканчик к губам, сканирует мужчину взглядом и, заметив то, что хотел, ставит его обратно в аппарат.

Спокойно, без спешки, Венсан отрывается от автомата и направляется навстречу меряющему шагами коридор врачу. Охраняющий палату полицейский слишком близко к «врачу», поэтому Венсан заходит за угол и решает дождаться, когда цель пройдёт мимо. Он проверяет дверь кладовки и, убедившись, что она открыта, притихает. Если действовать быстро, никто ничего не заметит.

— Эй, приятель, не подскажешь... — Венсан не договаривает, ловко затаскивает не успевшего даже удивиться мужчину во второй коридор сбоку и сразу толкает в кладовку. Он не позволяет ему развернуться, резким движением ломает ему шею и, не давая телу рухнуть, аккуратно опускает его на пол. Венсан забирает выдавший «врача» пистолет с глушителем и прячет его за поясом.

— Спасибо за пушку, — подобрал тряпку, выходит наружу мужчина и, стерев отпечатки с дверной ручки, возвращается к автомату.

Кофе, конечно же, уже остыл. В любом случае, поговорить сегодня с Джи уже не получится, а значит, кофе Лино выпьет у себя. Сейчас нужно послать своих забрать запись с камеры в коридоре.

Вернувшись домой, Фелисия долго выбирает, что завтра надеть на вечеринку, а последний час до сна проводит, скандаля с Алисией, которая возмущается, что она взяла её фен без спроса. Фен Фелисии сломался ещё утром, и девушка, вернувшись к себе, тянется за планшетом и ищет себе новый. Лучше потратиться, чем слушать вопли Алисии. Сделав заказ, Фелисия переодевается в пижаму и только собирается лечь, как видит звонок от Наварро.

— Я думала, ты слишком занят, — улыбается в трубку обрадовавшаяся звонку девушка.

— Уже завтра я буду в Картахене, наконец-то увижу мою Беллу.

— Соскучился? — Фелисия, которая сначала была подавлена из-за отъезда мужчины, теперь этому даже рада. Видимо, расстояние влияет на Наварро, ведь, будучи здесь, он ей и пары ласковых слов почти не говорил, а теперь звонит по несколько раз в день и открыто признаёт, что скучает.

— Не представляешь как сильно. Ты же завтра не работаешь?

— Нет, но Исая попросил зайти и натаскать новенького, так что после обеда буду в офисе.

— Не убегай после работы, я сам тебя заберу, съездим на винодельню.

— Приезжай, и я хочу тебя увидеть, но до шести. Ты же помнишь, что вечером я на вечеринке? — спрашивает Фелисия.

— Ты дашь мне пару минут, чтобы увидеть тебя, и побежишь на вечеринку? — голос мужчины меняется.

— Я ведь предупреждала, что пойду, — понуро говорит Фелисия. — Я хотела соскочить, но Лин — моя одноклассница, она обидится. Тем более я ей должна, она в школе меня сильно поддерживала.

— Хорошо, значит, завтра не увидимся, — и снова этот ледяной тон, пробирающий до костей.

— Ты же можешь заехать до вечеринки или забрать меня после неё? — взрывается Фелисия.

— Не могу.

— Как хочешь.

Настроение Фелисии разговор не портит, напротив, она рада, что задела Наварро и доказала ему, что он ошибается, думая, что девушка из-за него будет отменять свои планы. Фелисия не та, кто всегда будет идти на уступки, тем более, когда ей не идут навстречу. Она предложила варианты решения вопроса, более того, была бы очень рада увидеть его до или после вечеринки, учитывая, что сама безумно сильно по нему скучает, но Наварро не захотел. Фелисия, поняв, что вряд ли уснёт, будучи на взводе, забирает с собой единственное действенное в такие моменты «лекарство» и перебирается на балкон сестры.

Утро встречает девушку жуткой головной болью. Фелисия закидывается таблеткой на голодный желудок и, сказав маме, что хочет прогуляться и выпить кофе в кофейне, выходит на улицу. Солнечное спокойное утро манит на пляж, но Фелисия, которая не хочет появляться перед Наварро с покрасневшей кожей, эту идею отменяет и плетётся в сторону кофейни в начале улицы. Проходя мимо дома Лауры, она замечает сидящую на лужайке женщину, машет ей, но та не реагирует на неё, продолжает полоть сорняки. Фелисия двигается дальше и, оставившись у забора дома в конце улицы, засматривается на прыгающих с куста на куст птиц. Она достаёт из кармана телефон, чтобы сделать видео для сторис, и, отступая назад, чтобы захватить в кадр всех птиц, бьётся спиной о прохожих.

— Простите, девчонки, — обернувшись, кивает трём подросткам девушка и снова наводит камеру на куст, боясь, что птицы улетят.

— Глаза разуй, — цедит сквозь зубы та, кого она задела, но Фелисия решает её проигнорировать.

— Я с кем говорю? — не отступает девчонка, и Фелисия, злясь, что птицы из-за шума разлетелись, оборачивается к ней.

— Я извинилась, угомонись уже, дура, — напирает на неё Фелисия.

— Сама ты дура, нарываешься, хочешь, чтобы личико разукрасили? — сдувает прядь со лба, и подружки подходят к ней. Фелисия, не ожидающая такого напора, теряется, а потом все четверо оборачиваются к с визгом тормознувшему рядом с ними автомобилю.

— Разошлись, иначе подойду и трусы вам на голову натяну, — кричит из машины Алисия, и подростки, выругавшись, уходят.

— Думаешь, я бы с пиздючками не справилась? — улыбается сестре Фелисия.

— Меня тут боятся больше тебя, — сигналил ей девушка и отъезжает.

Фелисия провожает автомобиль сестры взглядом и, перейдя дорогу, толкает дверь в кофейню. Она подходит к стойке, заказывает американо в надежде, что это её взбодрит, и, не понимая, смотрит на протянувшего ей терминал бариста.

— Шесть тысяч песо, — кивает на терминал бариста, и Фелисия, наконец-то среагировав, достаёт телефон и расплачивается.

Сегодня явно не её день или Фелисия выглядит слишком помято с утра, что впервые за месяцы с тех пор, как открылась эта кофейня, ей пришлось самой платить за напиток. Она забирает стакан и, выйдя на улицу, опускается на скамейку у дороги. Фелисия сразу включает переднюю камеру на телефоне и рассматривает своё лицо. Она и правда выглядит неважно, и это неудивительно, учитывая, что она плохо спала и головную боль. Надо бы вернуться домой, что-нибудь поесть и попробовать немного подремать до «Обелиска» и вечеринки, если она не хочет пугать людей своим видом и платить за напитки. От Наварро ничего не слышно, Фелисия очень хочет ему написать, но бьёт себя по рукам. Даже хорошо, что они повздо-

рили. Наварро должен понимать, что Фелисией управлять нельзя, а ещё пусть побудет в её шкуре, ведь девушка сама постоянно подстраивалась под его расписание. В то же время она сильно скучает и жалеет, что не нашла причины, чтобы отменить свой поход к Лин. Даже думать об этом стыдно, учитывая, что в школе Лин не раз помогала ей, когда её задирали, и заступалась за неё в потасовках. В Фелисии нет подлости, и, раз подруга спустя столько лет позвала её отпраздновать свой день, она обязана там появиться хотя бы на час. Яна пишет, что Фелисия идиотка, посылает фотку билетов в кино, но Лис отсылает ей фото своего среднего пальца. Выходя из «Обелиска», Фелисия всё равно ищет глазами роллс-ройс и, убедившись, что Наварро не приехал, уезжает домой. Приняв душ, Фелисия наспех распаковывает новый фен, который только доставили, и, высушив волосы, щедро увлажняет кожу и замазывает синяки под глазами. Она ещё вчера отложила наряд, который выбрала для вечеринки, и сейчас, примерив его, понимает, что сделала правильный выбор. Фелисия в классических чёрных брюках, плотно облегающих её бедра, и укороченном лёгком свитере. Джорджия ворчит, что, если она снова поздно вернётся, отец будет ругаться, но при этом сама поправляет её волосы и делает комплимент её образу.

Учитывая, что Алисия уехала на своей машине, Фелисии приходится вызвать такси. По дороге в клуб она пару раз думает сменить маршрут, а потом убеждает себя, что раз Наварро, прилетев домой, сразу не рванул к ней, то и она не будет тряпкой и вместо того, чтобы бежать к нему, потанцует и напьётся.

Войдя в клуб, Фелисия первым делом находит Лин и, поздравив подругу, двигается к бару. Судя по вниманию, которое она привлекает, напрасно она ругала себя утром. Ей сразу предлагают выпивку, и если первую оплачивает явно запавший на неё парень, то вторую бармен наливает от себя. Фелисия с благодарностью ему кивает и, обернувшись к танцполу, смотрит на беснующуюся молодёжь. Кто-то танцует, кто-то, уже перепив, сползает вниз по стене, кто-то целует свою победу прямо у стойки бара, а кто-то явно не планирует ограничиваться только поцелуем. Шум, толпа, хаос огней — всё, что раньше казалось Фелисии захватывающим, теперь раздражает, давит, звучит фальшиво. Алкоголь стекает по горлу, но не согревает, только оставляет горечь, как послекусие невысказанных слов. Фелисия, которая, выходя из такси, вроде бы решила, что, вопреки всему, оторвётся, уже жалеет, что пришла. Она не должна была быть здесь. Она должна была быть с ним. И от этого вечеринка, которая должна была отвлечь, только сильнее подчёркивает её одиночество. К ней постоянно подходят, парни просят номерок, девчонки лезут без приветствий. Фелисия, отвыкшая от такого агрессивного внимания к своей персоне, сильно нервничает. Ощущение, что вся Картахена сегодня поставила цель довести её до предела.

После второго коктейля Фелисия снова проверяет сообщения, но ничего нет. Она уже решает отключить чёртов телефон, перейти на текилу, как чувствует чью-то руку, лёгшую на её плечо.

— Потанцуй со мной, блондиночка, — незнакомый и явно не совсем трезвый парень намного старше тянет её на себя, но Фелисия сразу его отталкивает.

— Ты охренел? Лапы убери, — цедит сквозь зубы Фелисия.

— А если не уберу? — напирает незнакомец, вынуждая её вжаться в стойку.

Видимо, сегодня без драки будет не обойтись, и, хотя Фелисия уже забыла, каково это защищаться, она за себя постоять способна. Она резко толкает парня в грудь, надеется, что это его усмирит. Её надежды не оправдываются, потому что парень снова напирает, а Фелисия, обернувшись, ищет глазами бармена, чтобы тот позвал охрану.

— Ты понятия не имеешь, с кем связался! — шипит Фелисия, сжимая кулаки, но не успевает ничего сделать, как получает хлёсткий удар по щеке, от которого у неё звенит в ушах. Она пытается справиться с болью, стряхнуть её с себя, как её бьют по второй щеке, и Фелисия, не удержавшись на ногах, падает на колени, ищет глазами Лин. Никто не обращает внимания

на творящееся у стойки, молодёжь, оглушённая музыкой и ослеплённая софитами, продолжает бесноваться на танцполе. Когда Фелисию хватают за шкурку и волокут куда-то, она понимает, что, кажется, противостоять придётся не только этому уроду. Её швыряют на грязный пол туалета, и Фелисия, прекрасно зная, что лежать нельзя, иначе забудут до смерти, кое-как поднимается на ноги. Её хватают за одежду, грубо толкают из одной пары рук в другие, наслаждаясь видом сбитой с толку девчонки, но Фелисия упрямо сопротивляется. Она уже не видит, куда и кого бьёт, хаотично машет кулаками, ни на секунду не сдаётся, ломает ногти и всё равно пытается драться. За своё упрямство Фелисия получает ещё одну пощёчину и налетает на раковину, а когда снова оказывается на холодной плитке, уже не пытается подняться, чувствуя вкус крови из лопнувшей губы. Она прижимает колени к груди, обнимает себя обеими руками, готовясь к очередному удару, и слышит:

— Знаешь, мы с другом можем простить тебе твою наглость, — присев на корточки, дёргает её за волосы тот, кто всю эту заварушку начал. — Такие губки жаль разбивать ещё сильнее, отсоси, и, считай, мы квиты.

Фелисия приподнимается на локтях, пару секунд смотрит на его лицо, словно не верит в услышанное, а потом смачно плюёт в него же. Она жмурится, заметив взлетевший над головой кулак, но, когда распахивает глаза, видит, как парень бьётся о стену слева. Туда же лицом о кафель отлетает и второй, а перед Фелисией стоит помощник Наварро.

— Кристофер, — с облегчением выдыхает Фелисия, которая никогда до этого не была так счастлива мужчине, и, морщась от боли, поднимается на ноги.

— Босс ждёт снаружи, иди к автомобилю, а я тут закончу, — открывает для неё дверь Крис.

Фелисия, пошатываясь, проходит сквозь толпу к выходу и, заметив скрытый в тени здания через дорожку роллс, сразу двигается к нему.

— Как ты тут оказался? — выпаливает девушка, только устроившись в автомобиле, но Наварро сразу притягивает её в свои объятия.

— Ты не пострадала? — мужчина отрывается от неё, чтобы взглянуть в глаза, но видит разбитую губу и мгновенно мрачнеет. — Пострадала, — Наварро тут же поднимает её свитер, осторожно касается, чтобы проверить на наличие ран.

— Всё нормально, если бы твой телохранитель не вмешался, было бы хуже, — успокаивает его Фелисия. — Так как ты тут оказался? Ты что, следишь за мной?

— Ты же сама сказала, в какой клуб идёшь, а я, несмотря на наше недопонимание, думал, заеду на пару минут, увижу тебя. Я звонил, телефон выключен, поэтому послал Криса внутрь, — рассказывает Наварро. — Так что прости, что не слежу за тобой, хотя, видимо, стоило бы. Но одно я тебе обещаю, — аккуратно обхватив её лицо ладонями, смотрит внимательно в глаза. — Такое больше не повторится. Ничто в этом городе не будет угрожать моей девочке.

— Ты же не виноват, это просто пьяные хулиганы, а сегодня день вообще с утра не задался. Клянусь, я раза три чуть не нарвалась на драку, — улыбается ему Фелисия. — И хотя лицо немного пострадало, я же такая же красивая?

— Не буду отрицать, ты безумно красива, — гладит пальцем её подбородок Наварро, с болью глядя на ранку.

— Так и знала, что ты на мою внешность запал, — театрально вздыхает Фелисия и кладёт голову на его плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.